

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3
(июль–сентябрь)

2016

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 3

(JULY-SEPTEMBER)

2016

УДК 32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№3 (7) (июль–сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2016
№3 (7) (July–September)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2016

Содержание:

Петр ЯКОВЛЕВ. Президентство Б. Обамы: предварительные итоги	5
Наталья ТРАВКИНА. Особенности президентской кампании 2016 г. в США – случайная аномалия или предвестник турбулентности?	19
Наиля ЯКОВЛЕВА. Португалия: кризис постреволюционной модели и поиск нового вектора развития	35
Вадим ТРУХАЧЁВ. Иммиграция и «кризис беженцев» в Австрии	50
Хауке РИТЦ. Утраченное культурное единство Большой Европы и новая холодная война	66
Дарио ЧИТАТИ. Европа не есть Запад	75
Валерий ЛЮБИН. Генеалогия русофобии: исследование итальянского историка Роберто Валле	86
Петр ЯКОВЛЕВ. Глобальная экономика: прыжок в неизвестность	99
Authors	116
Abstracts and Keywords	117

Contents:

Petr YAKOVLEV. Presidency of Barack Obama: Preliminary Results	5
Natalia TRAVKINA. The 2016 US Presidential Campaign – A Casual Anomaly or a Harbinger of Turbulence?	19
Nailya YAKOVLEVA. Portugal: The Crisis of the Post-Revolutionary Model and the Search for a New Vector of Development	35
Vadim TRUKHACHEV. Immigration and the Refugee Crisis in Austria	50
Hauke RITZ. The Lost Cultural Unity of Greater Europe and its Implications for a New Cold War	66
Dario CITATI. Europe is not the West: Interests, Values and Identity in the European Tradition	75
Valery LYUBIN. Genealogy of Russophobia: Research by an Italian Historian, Roberto Valle	86
Petr YAKOVLEV. Global Economy: Leap into Uncertainty	99
Authors	116
Abstracts and Keywords	117

УДК 323; 324; 327; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Президентство Б. Обамы: предварительные итоги

Аннотация. *Приход Б. Обамы в Белый дом совпал с периодом глубокого финансово-экономического кризиса, зародившегося в США и распространившегося на большинство стран мира. Это обстоятельство потребовало от нового президента проведения антикризисной политики, нацеленной на оздоровление американской экономики и снижение градуса социального недовольства. Сложные вопросы Вашингтону пришлось решать и в сфере международных отношений, где США столкнулись с новыми геоэкономическими и геополитическими вызовами.*

Ключевые слова: *президентство Обамы, антикризисная политика, программа реформ, внешнеполитическая доктрина, отношения с Россией, китайский фактор, рост оппозиции.*

Барак Обама пришел в Белый дом в один из критических моментов послевоенной американской истории. Отметим, среди прочего, начавшийся в США 2007 г. острый финансово-экономический кризис, угрожавший перерасти в новую Великую депрессию и стремительно «заразивший» другие регионы мира; усиление социального недовольства на почве растущего имущественного неравенства; непопулярные и чрезвычайно дорогостоящие войны в Афганистане и Ираке, которые было невозможно выиграть; утрату американским бизнесом позиций в глобальной экономике и торговле под давлением конкуренции со стороны Китая; негативное восприятие политики США во многих странах Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки, где значительная часть населения считала Вашингтон главной угрозой международному миру и безопасности. Таковы были крайне непростые стартовые условия для представителя Демократической партии, который 20 января 2009 г. принес присягу в качестве 44-го президента Соединенных Штатов.

Экономика и социальная сфера после кризиса

К моменту воцарения Б. Обамы в Белом доме финансово-экономический и социально-политический кризис, начавшийся в 2007 г. с того, что лопнул неимоверно раздутый пузырь ипотечных кредитов, достиг своего апогея. В 2008–2009 гг. произошло снижение всех основных макроэкономических показателей (табл. 1). Сократился ВВП, ощутимо упали валовые инвестиции и накопления, уменьшилась внешняя торговля

Сведения об авторе: *Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.*

товарами и услугами, значительно (почти на 11%) снизились поступления в бюджет. Падение производства и торговли повлекло за собой снижение занятости и резкий рост безработицы.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели США в 2005–2009 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009
Валовый внутренний продукт (ВВП)	3,4	2,7	1,8	-0,3	-2,8
Валовые инвестиции (% ВВП)	23,2	23,3	22,4	20,8	17,5
Валовые накопления (% ВВП)	17,9	19,1	17,3	15,4	14,3
Импорт товаров и услуг	6,3	6,3	2,5	-2,6	-13,7
Экспорт товаров и услуг	6,3	9,0	9,3	5,7	-8,8
Безработица (% рабочей силы)	5,1	4,6	4,6	5,8	9,3
Число занятых (млн человек)	141,7	144,4	146,1	145,4	139,9
Доходы бюджета (трлн долл.)	4,013	4,372	4,585	4,511	4,099
Расходы бюджета (трлн долл.)	4,423	4,655	4,999	5,494	5,995
Государственный долг (трлн долл.)	8,497	8,818	9,268	10,722	12,405
Государственный долг (% ВВП)	64,9	63,6	64,0	72,8	86,0

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. April 2016. — imf.org/

Что предпринял новый хозяин Белого дома для предотвращения дальнейшего сползания Америки в пучину экономического и социально-политического кризиса?

По мнению большинства зарубежных аналитиков, главной заслугой вашингтонской администрации в хозяйственной сфере стало предотвращение в Соединенных Штатах «экономического Армагеддона» [Palacio, p. 41]. Речь идет о спасении от краха финансового сектора с помощью, в частности, национализации обанкротившихся крупнейших ипотечных агентств *Fannie Mae* и *Freddy Mac* и крайне низких процентных ставок Федеральной резервной системы, позволивших закачать в экономику США триллионы долларов. Но так называемая «операция Уолл-стрит», проведенная Б. Бернанке, Т. Гейтнером и Л. Саммерсом («разбрасывание денег с вертолета», по выражению Б. Бернанке [Bernanke]), имела и обратную сторону. Вместо того чтобы наказать действительных виновников кризиса 2007–2009 гг. — зарвавшихся банкиров, финансовых спекулянтов и безответственные рейтинговые агентства, — федеральные шоковые программы предъявили счет за «разбитые горшки» миллионам жертв кризисных потрясений, многие из которых лишились своих жилищ, в докризисные времена приобретенных с помощью ипотеки. Ответом гражданского общества стали массовые протесты (например, движение «Захвати Уолл-стрит»), имевшие целью привлечь внимание к «преступлениям финансовой элиты» [OccupyWallStreet...].

Кризис, продемонстрировав наличие немало количества проблем и «узких мест» в социально-экономической структуре США, подтолкнул администрацию Б. Обамы

к разработке пакета структурных и институциональных реформ, охвативших самые разные сферы экономики, финансов и общественной жизни [Back to Work...]. Этот пакет, в частности, включал в себя:

- регулирование деятельности финансовых институтов. Так называемый Закон о реформировании Уолл-стрита и защите потребителей (The Wall Street Reform and Consumers Protection Act), или Закон Додда — Фрэнка (по именам его главных разработчиков), имел целью снизить риски существующей системы путем усиления государственного надзора за деятельностью банков и других финансовых учреждений;
- реиндустриализацию американской экономики, возвращение в США наиболее перспективных производств, в свое время вывезенных за рубеж (предусмотрено дополнительное финансирование национальной промышленности в размере 1,5 трлн долл.);
- интенсивное развитие «чистой» энергетики (прежде всего ветровой и солнечной);
- рост инвестиций в фундаментальную науку и технологии с целью закрепить лидерство США в области высоких технологий;
- принятие национальной стратегии развития инноваций с упором на отрасли «новой экономики»;
- поощрение предпринимательской деятельности (в частности, упрощение доступа малых и средних предприятий к кредитам);
- снижение налогов для низкооплачиваемых слоев населения;
- увеличение минимальной заработной платы;
- предоставление гарантированного оплачиваемого отпуска по болезни (поразительно, но факт: такого права были лишены 43 млн американцев, работающих по найму) [Remarks...2015];
- введение равной оплаты за равный труд для мужчин и женщин;
- реформирование системы здравоохранения. О необходимости такой реформы в США говорили в течение 100 лет, но только Б. Обама сделал реальные шаги в этом направлении. В результате за один 2014 г. порядка 10 млн человек впервые получили доступ к медицинскому страхованию [Remarks...2015];
- внесение изменений в миграционное законодательство (ключевой вопрос — легализация миллионов иммигрантов, не имеющих документов и находящихся за пределами правового поля);
- улучшение системы начального и среднего образования;
- расширение возможностей получения бесплатного образования в колледжах и т.д.

Принятые в пожарном порядке антикризисные меры, а также решения стратегического характера позволили заметно улучшить экономическое положение в стране (табл. 2). Начиная с 2010 г. стал расти ВВП, «бычий» (повышательный) тренд приобрели инвестиции в основной капитал и валовые накопления, увеличился объем импорта и экспорта, и главное — к началу 2016 г. были созданы миллионы рабочих мест, в том числе в ключевых секторах промышленности (автомобилестроении, энергетике, электронике, строительстве), что практически вдвое сократило число безработных по сравнению с уровнем 2009 г. В то же время реализация антикризисной стратегии потре-

бовала колоссальных финансовых расходов, в результате чего государственный долг в 2007–2015 гг. увеличился более чем вдвое и вплотную приблизился к астрономической сумме в 19 трлн долл. (более 105% ВВП).

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели США в 2010–2015 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП	2,5	1,6	2,2	1,5	2,4	2,4
Валовые инвестиции (% ВВП)	18,4	18,6	19,4	19,6	19,9	20,2
Валовые накопления (% ВВП)	15,1	15,7	17,7	18,2	18,8	18,7
Импорт товаров и услуг	12,7	5,8	2,2	1,1	3,8	4,9
Экспорт товаров и услуг	11,9	6,9	3,4	2,8	3,4	1,1
Безработица (% рабочей силы)	9,6	8,9	8,1	7,4	6,2	5,3
Число занятых (млн человек)	139,1	139,9	142,5	143,9	146,3	148,8
Доходы бюджета (трлн долл.)	4,351	4,556	4,749	5,278	5,454	5,734
Расходы бюджета (трлн долл.)	5,986	6,044	6,022	6,011	6,173	6,401
Государственный долг (трлн долл.)	14,176	15,362	16,559	17,463	18,211	18,993
Государственный долг (% ВВП)	94,7	99,0	102,5	104,8	105,0	105,8

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. April 2016. — imf.org/

Отдавая должное реформаторским усилиям 44-го президента США, заметим, что многие из его начинаний не только встретили сопротивление «непримиримой» оппозиции в лице консервативного крыла Республиканской партии (прежде всего так называемой *Tea Party*), но и не получили безусловной поддержки в обществе. На наш взгляд, одна из узловых проблем президентства Б. Обамы состояла в том, что проводимые его администрацией наиболее значимые реформы являлись долгосрочными проектами, ощутимые результаты которых если и дадут о себе знать, то в будущем. Но массового американского избирателя (так называемый средний класс) в первую очередь волновали вопросы сегодняшнего дня: повышение реальных доходов, укрепление собственного благополучия. А на этих направлениях продвижение вперед было сравнительно небольшим. В результате, выиграв битву за сохранение «священных коров» сложившейся в стране финансово-экономической системы (с помощью государства были сохранены крупнейшие финансовые компании), обеспечив выход американской экономики из кризиса (раньше, чем это произошло в Европе) и запустив программу реформ, Б. Обама проиграл политически. По итогам промежуточных выборов 2 ноября 2010 г. он утратил большинство в Палате представителей Конгресса США: демократы потеряли 63 места, перешедшие к республиканцам. К этому добавим, что на выборах 4 ноября 2014 г. Республиканская партия развила успех и впервые за восемь лет установила контроль над обеими палатами Конгресса: 244 места (из 435) в Палате представителей и 52 (из 100) — в Сенате. Это стало крупной внутривнутриполитической неудачей президента, свидетельствующей о низкой популярности его курса среди большинства американских избирателей.

Весьма противоречивы результаты социальной политики Белого дома. Подчеркнем, что в основе сохраняющегося в США социального напряжения лежит огромное материальное неравенство, когда 1% населения владеет 40% национального богатства [Research...]. Реальные доходы среднего американца почти не растут с начала 1970-х годов, а экономическая политика, проводимая всеми без исключения администрациями, включая правительство Б. Обамы, не способна переломить сложившееся положение, маргинализирующее миллионы людей. В итоге не только в городах, переживающих экономический упадок (Детройт и др.), но даже в агломерациях — лидерах в сфере инноваций и высоких технологий сохраняются обширные зоны крайней нищеты и массовой преступности. Таков, например, достойный фильма ужасов район под красноречивым наименованием «Джунгли» в Сиэтле — штаб-квартире авиакосмической корпорации *Boeing*, одной из самых технологически передовых и наукоемких американских компаний.

Заметим, что и сам Б. Обама признает усложнение социальной обстановки в стране, хотя и видит главные причины этого явления не в общественном устройстве США, а в негативных внешних эффектах, вызываемых общемировыми хозяйственными процессами. В частности, тем обстоятельством, что в условиях глобализации многие американские промышленные компании перенесли производство за рубеж в поисках более дешевой рабочей силы, доступного сырья и низких налогов. Последствием такой бизнес-стратегии стала деиндустриализация экономики (сокращение промышленного сектора), породившая серьезные дисбалансы на рынке труда в США. За последние 15 лет в стране закрылись 60 тыс. промышленных предприятий и было потеряно около 5 млн хорошо оплачиваемых рабочих мест. «Эти тренды, — специально отметил президент в ежегодном обращении «О положении в стране» в январе 2016 г., — оказали давление на трудящихся, даже на тех, кто имел работу, даже тогда, когда экономика росла. Семьям рабочих стало труднее преодолевать бедность, молодежи — сложнее строить карьеру, а пожилым людям — выходить на пенсию, даже когда они этого желали» [Remarks...2016].

Парадоксальным образом даже «гордость Обамы» и его главное свершение в социальной области — Реформа здравоохранения и защиты пациентов (*Patient Protection and Affordable Care Act*), вошедшая в широкий обиход под названием *Obamacare*, внесла раскол в общество, вызвав сопротивление крупнейших страховых компаний и недовольство миллионов «средних» американцев.

По выражению испанского политолога Висенте Паласио, «вдребезги разбилась» идея президента преодолеть внутреннее противостояние «двух Америк» и консолидировать нацию. «Главной ошибкой Обамы, — заключает В. Паласио, — была вера в то, что *две Америки* можно оставить в прошлом, что возможно повести страну по пути национального примирения, а в Конгрессе достичь двухпартийного консенсуса, как в добрые старые времена строительства великого послевоенного общества» [Palacio, p. 114]. В действительности президент столкнулся с массой застаревших социально-политических противостояний: сторонников и противников федерализма, Севера и Юга, жителей сельских районов и больших городов, либералов и консерваторов,

белых американцев и представителей этнических меньшинств. Можно сказать, что из всех крупных демократических государств именно в Соединенных Штатах общественная поляризация проявляется особенно ярко.

Доктрина Обамы: новые подходы

При всей приоритетной важности внутренних экономических и социально-политических проблем, максимальное количество новаций и попыток Б. Обамы «сломать традиции» концентрировалось в вопросах внешней политики Белого дома, участия США в мировых делах. Внешнеполитический курс Вашингтона 2009–2016 гг. не укладывается ни в одну из четырех американских исторических традиций, о которых писал известный ученый-международник Уолтер Рассел Мид: изоляционизм Т. Джефферсона, меркантилизм А. Гамильтона, милитаризм Э. Джексона и либеральный интернационализм В. Вильсона [Mead]. По сути, Б. Обама поставил целью выдвинуть и реализовать на практике новую внешнеполитическую доктрину, адаптированную к реалиям XXI в. и призванную дать ответ на ключевые международные вызовы. Он решил «примирить» Запад с исламскими странами, устранить угрозу распространения ядерного оружия, «перезагрузить» отношения с Россией, найти способы затормозить экспоненциальное экономическое и военно-стратегическое возвышение Китая, улучшить имидж США в регионах развивающегося мира и т. д. [Obama].

События последнего десятилетия свидетельствуют о том, что самая могущественная западная держава за пределами своих границ вынуждена действовать на «ничейной земле». Под этим метафорическим термином подразумеваются обширные географические пространства, на которых Вашингтон уже не в состоянии единолично доминировать ни экономически, ни политически. Сложность проблемы в том, что у других мировых держав (и традиционных, и восходящих) также не хватает национальных ресурсов для установления собственного контроля над «ничейными» территориями. Такого рода «патовая ситуация» сформировала новую геоэкономическую и геополитическую реальность, в которой Б. Обаме пришлось выстраивать свою внешнюю и оборонную политику и маневрировать с большим или меньшим успехом.

Хозяин Белого дома зачастую действовал методом проб и ошибок, а его доктрина во многом стала результатом сопряжения разного рода тактических ходов, продиктованных ситуативными обстоятельствами [Goldberg]. В то же время нельзя не видеть отдельных базовых установок внешнеполитической концепции и не учитывать ее амбициозного характера. В числе ключевых идеологических элементов «доктрины Обамы» следует отметить два момента.

Первый — отрицание весьма распространенного в политической науке и пропаганде тезиса об «упадке Америки» [Фукуяма]. Речь идет о трансформации самого характера американского лидерства, которое в изменившихся глобальных политико-экономических условиях в решающей степени должно опираться не только и не столько на военную мощь, сколько на «мягкую силу», на превосходство в инновационно-технологическом развитии. Кроме того, Вашингтону не следует на глобальном уровне действо-

вать в одиночку, а необходимо решительнее мобилизовывать партнеров, выстраивать коалиции и разделять ответственность. Именно это, по замыслу президента, способно было вернуть США роль «маяка демократии».

Второй момент (тесно связанный с первым) — новый подход к разрешению наиболее острых международных конфликтов. Б. Обама продемонстрировал «гиперчувствительность» к губительным последствиям смены политических режимов с помощью военных операций. Вот как это сформулировал сам президент: «Когда мы принимаем скоропалительные решения, руководствуясь эмоциями, а не разумом, когда первым ответом на вызов является отправка за границу войск, то мы рискуем погрязнуть в ненужных конфликтах и пренебрегаем взвешенной стратегией, способной обеспечить более безопасный и процветающий мир» [Remarks...2015].

В этом смысле внешнеполитическая доктрина Б. Обамы концептуально сродни философии легендарного древнекитайского стратега Сунь Цзы, изложенной им в знаменитом трактате «Искусство войны» [The Art of War...]. Главное в его воззрениях: активное использование дипломатии, стремление к минимизации боевых действий, а в идеале — нанесение противнику решительного поражения без применения военной силы. Такие установки в переводе на политический язык XXI в. являются не чем иным, как «умной силой» (*smart power*) — «комбинацией мягкой и твердой мощи» [Nye], или определенно выраженным стремлением добиваться на мировой арене поставленных целей не столько силовыми способами, сколько другими, менее затратными и опасными методами, главным образом дипломатическими инструментами (но с опорой на силу). Еще раз процитируем самого Б. Обаму: «Я верю в более умный вариант американского лидерства. Мы добиваемся большего, когда сочетаем военную силу с умелой дипломатией, когда увеличиваем собственную мощь, участвуя в коалициях с союзниками, когда не позволяем страхам слепить нас и не видеть тех возможностей, которые несет с собой новое столетие. И это в точности то, что сейчас делаем» [Remarks...2015].

Давая оценку практическому воплощению доктрины Обамы, заметим, что ее реализация несколько отодвинула от принятия внешнеполитических решений вашингтонских «ястребов» и так называемых «нарушителей спокойствия» (*trouble makers*). В итоге курс президента в международных делах и в сфере национальной безопасности Соединенных Штатов, не означая поворота на 180°, привел к известным подвижкам в дипломатической практике.

Следствием изменений во внешней политике США явилась подмеченная вашингтонским корреспондентом популярного журнала «The New Yorker» Райаном Лиззой стратегия «руководить с тыла» (*leading from behind*) [Lizza]. Согласно ей, Вашингтон в ряде ситуаций (например, в ходе ливийского кризиса) предпочитал внешне «оставаться на вторых ролях» и «дергать за веревочки» из-за кулис, предоставляя действовать на авансцене своим главным европейским союзникам по НАТО — Великобритании и Франции. Похожая тактика использовалась в ходе конфликтов на Украине и в Сирии. Однако такая линия поведения была характерна только в тех случаях, когда не существовало прямой угрозы жизненно важным интересам США. В других ситуациях Вашин-

гтон по старинке, в одностороннем порядке и без какого-либо международно-правового прикрытия, применял военную силу. Пример — ликвидация в Пакистане 2 мая 2011 г. Усамы Бен Ладена по приказу Белого дома (операция американского спецназа под кодовым названием «Копье Нептуна» — *Neptune Spear*) [Sanger].

Многочисленные публикации и высказывания исследователей американской политики и ее непосредственных акторов, включая ближайших советников и помощников Б. Обамы, позволяют выделить некоторые особенности поведения президента, в том числе его манеру принимать значимые внешнеполитические решения. Б. Обама, отмечают специалисты, «обладал большим даром слушателя» и терпеливо относился к соображениям и советам своих сотрудников, но очень часто его распоряжения и приказы прямо противоречили их рекомендациям. Это касалось как политиков самого высокого ранга (вице-президента Дж. Байдена, госсекретарей Х. Клинтон и Дж. Керри, министра обороны Р. Гейтса, главы ЦРУ Л. Панетты, советника по национальной безопасности Т. Донилона и др.), так и основных работников вашингтонской внешнеполитической «кухни»: Б. Родса, Д. Макдоноу, С. Райс, С. Пауэр. Более того, в периоды кризисов президент периодически уединялся в *Situation room* и в одиночестве выработывал ответы на возникающие геополитические и геоэкономические вызовы [Mann].

Закономерно, что стиль работы президента нередко (особенно задним числом) становился мишенью острой критики. Ему вменяли в вину «чрезмерную мягкость», излишнюю «нерешительность», требовали проявления большей твердости и последовательности в самых различных международных вопросах: вывод войск из Афганистана и Ирака, ситуация в Сирии, агрессия Исламского государства, политика России в отношении Украины, «сдерживание» Китая, ядерная программа Ирана, восстановление дипломатических отношений с Кубой. Таким образом, международный курс администрации Б. Обамы на протяжении всех лет его пребывания в Белом доме формировался в сложных условиях напряженной идейно-политической борьбы различных общественных сил.

В лабиринте международных проблем

Отдельные результаты внешней политики Б. Обамы можно проиллюстрировать с помощью конкретных кейсов, прежде всего на примере Ближнего Востока. В этом взрывоопасном районе президент поставил две основные задачи: дистанцировать Соединенные Штаты от ближневосточных конфликтов и одновременно добиться «примирения с исламским миром». К концу первого президентского срока хозяин Белого дома не достиг ни того, ни другого. В этой связи памятна речь американского лидера в Каирском университете 4 июня 2009 г., в которой он призвал мусульманскую молодежь всего мира «возглавить демократические преобразования в своих странах» [The President's...]. Выступление, можно сказать, оказалось пророческим: уже через полтора года в Северной Африке и на Ближнем Востоке началась череда «цветных революций», известная как «арабская весна» и приведшая к смене власти в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Беспорядки, перераставшие в политические кризисы, охватили и другие мусульманские страны, включая Алжир, Судан, Иорданию, Марокко, Саудовскую

Аравию. Сирия погрузилась в кровавую гражданскую войну с прямым военным участием иностранных государств. Подобный итог курса Запада во главе с Вашингтоном на «демократизацию арабского мира» стал подлинным проклятием президентства Б. Обамы, а неожиданный для многих мощный военно-политический подъем Исламского государства и его трансграничная, редкая по жестокости террористическая активность обернулись для США и других западных стран «экзистенциальной угрозой» [Lizza].

Примером успешной реализации (и даже «триумфом») доктрины Б. Обамы принято считать согласование 14 июля 2015 г. совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, в соответствии с которым Тегеран брал на себя обязательство не производить ядерный плутоний, переоборудовать имеющиеся на его территории атомные объекты и использовать их исключительно в мирных целях. Все это в обмен на снятие многолетних финансово-экономических санкций, наложенных США, ООН и Европейским союзом. Тем самым Вашингтону совместно с партнерами, участвовавшими в переговорах («шестерка» международных посредников — пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германия), удалось «остановить часы» иранского ядерного проекта и снизить угрозу распространения оружия массового уничтожения. В геополитическом смысле даже относительная «разрядка» в отношениях между Вашингтоном и Тегераном обозначила некоторое усиление позиций Ирана в региональном стратегическом соперничестве с Саудовской Аравией, к политическому руководству которой Белый дом испытывал определенное недоверие [Goldberg].

Не столь благополучно для вашингтонской администрации развивались события в других «горячих точках» Большого Ближнего Востока: Ираке и Афганистане. «В обоих случаях, — констатирует В. Паласио, — Обама оказался не в состоянии выполнить свое предвыборное обещание о полном выводе американских войск». Политика Вашингтона зашла в тупик, а президент «попал в ловушку, которую сам для себя приготовил», поскольку, с одной стороны, оставался убежденным противником продолжения военного присутствия США в указанных странах, а с другой — хорошо понимал, что без американских войск на этих конфликтогенных территориях очень быстро будет установлен откровенно террористический режим радикальных исламистов [Palacio, p. 68–69]. В значительной мере так и произошло: сокращение военного контингента США со 180 тыс. человек до 15 тыс. [Remarks...2015] обернулось активизацией обособившегося в Ираке Исламского государства, распространившего боевые операции на сопредельные страны.

В период президентства Б. Обамы эволюцию от взаимодействия к противостоянию претерпели американо-российские отношения. На первоначальном этапе Россия занимала одно из центральных мест во внешнеполитической повестке Белого дома, новый хозяин которого стремился интенсифицировать диалог с Кремлем, устраняя элементы конфликтности, унаследованные от администрации Дж. Буша-мл., и наращивая позитив. На наш взгляд, проблема для Б. Обамы была такова: чтобы, защищая национальные интересы США, не вторгаться в пространства, жизненно важные для Российской Федерации. Следуя такой линии, американские власти смогли достичь договоренности с российской стороной по вопросам, представляющим взаимную военно-полити-

ческую значимость. Свидетельством этому явилось подписание 8 апреля 2010 г. в Праге договора по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3 или *New START*), сменившего соглашение СНВ-1, срок которого истек в декабре 2009 г. Пражский договор рассматривался в Вашингтоне как один из символов заявленной политики «перезагрузки» отношений с Москвой. Б. Обама добивался сотрудничества президента В.В. Путина в конфликтных ситуациях, принимая во внимание право вето России в Совете Безопасности [Ядерное...].

Точкой перелома в американско-российских отношениях стал украинский кризис, четко обозначивший столкновение геополитических интересов двух мировых держав. Сложность в том, что в основе конфликта на Украине лежит своего рода цивилизационный разлом, говоря иначе — фактический раскол местного общества на сторонников «движения на Запад» и поборников максимально тесного сотрудничества с Россией. Украинские власти (прежде всего президент В.Ф. Янукович) не сумели найти баланс интересов, в результате чего конфликт вырвался наружу, приобрел форму локальной гражданской войны и позволил Москве в марте 2014 г. установить контроль над Крымом. В данной ситуации Б. Обама, нужно отдать ему должное, не поддался сильнейшему нажиму со стороны вашингтонских «ястребов» — конгрессменов-республиканцев, а также правительств ряда восточноевропейских и балтийских стран. Он воспринял присоединение Крыма к России как «свершившийся факт», тем самым переводя американско-российское противостояние в менее опасное политико-дипломатическое и торгово-экономическое русло. «Вместо того чтобы угрожать применением военной силы, Вашингтон совместно с Европейским союзом ответил дипломатическим наступлением и введением санкций, нацеленных на ослабление российской экономики...», — отмечали европейские политологи [Palacio, p. 72–73]. Заслугой Б. Обамы было его понимание, что на Украине лежат не просто стратегические, а жизненно важные интересы России, которые Москва готова защищать всеми имеющимися у нее средствами. Это, разумеется, не отменяет того факта, что анонсированная «перезагрузка» осталась в истории российско-американских отношений всего лишь тактическим шагом, а не стала стратегическим выбором. В период второго президентства Б. Обамы сфера противоречий между Вашингтоном и Москвой существенно расширилась, сотрудничество приобрело сугубо выборочный, «точечный» характер. Разразившийся украинский кризис как воронка втянул Россию и США в очередную конфронтацию в духе холодной войны.

Главным геоэкономическим и геополитическим вызовом США явилось возвышение Китая, буквально на глазах превращавшегося в мировую державу. Пожалуй, политику Б. Обамы в отношении КНР можно определить двумя емкими терминами: «терпение и сдерживание».

Терпение, поскольку между Соединенными Штатами и Поднебесной сложилось теснейшее торговое и финансово-экономическое взаимодействие беспрецедентных масштабов, которое Вашингтон не может игнорировать. Достаточно привести такой пример: в 2006–2015 гг. товарооборот между двумя странами составил астрономическую сумму почти в 5 трлн долл. (табл. 3).

Таблица 3

Торговля США с КНР (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2006	55,2	305,8	361,0	-250,6
2007	65,2	340,1	405,3	-274,9
2008	71,5	356,3	427,8	-284,8
2009	69,6	309,5	379,1	-239,9
2010	91,9	383,0	474,9	-291,1
2011	104,1	417,3	521,4	-313,2
2012	110,5	444,4	554,9	-333,9
2013	121,7	459,1	580,8	-337,4
2014	123,7	486,3	610,0	-362,6
2015	116,2	502,6	618,8	-386,4
2006–2015	929,6	4004,4	4934,0	-3074,8

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Сдерживание — как метод затормозить китайскую глобальную экспансию, поставить заслоны растущему влиянию Пекина, прежде всего в важнейшем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В качестве наиболее эффективного инструмента торгово-экономического сдерживания КНР администрация Б. Обамы избрала формирование Транстихоокеанского партнерства (ТТП) — интеграционного мегаблока, включившего в себя 12 государств АТР во главе с США, но без участия Китая. Если учесть, что одновременно с созданием ТТП Вашингтон выстраивает Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) с Европейским союзом, то становится очевидным стратегический замысел Белого дома: использовать свое уникальное положение во главе двух интеграционных мегаблоков для превращения Соединенных Штатов в «центр» глобальной экономики на пересечении ее самых мощных силовых линий. Настойчиво продвигая проекты ТТП и ТТИП, Обама открывает путь интеграционным объединениям «последнего поколения», функционирование которых, по замыслу вашингтонских стратегов, изменит правила мировой торговли в первую очередь в интересах американских транснациональных корпораций [Varoufakis]. Как подчеркивал сам президент, создание ТТП приведет к отмене или сокращению 18 тыс. налогов и таможенных платежей на товары «*made in USA*» [Remarks...2016].

Отмеченные тренды вызывают настороженное отношение к ТТИП многих европейцев, считающих, что такого рода объединение нанесет им ущерб, поскольку обернется потерей социальных завоеваний и, возможно, национальной идентичности [Taibo]. В этом коренятся те трудности, с которыми столкнулся президент США при подготовке соглашения с Европейским союзом. Европейцы нередко упрекают Б. Обаму в том, что он сам не знает, как ему строить отношения с Евросоюзом. Многие эксперты Старого

Света отмечают, что американский президент не выдвинул никакого крупного политического проекта сотрудничества с Европой, помимо ТТИП, что ему не удалось установить доверительные отношения с главами правительств европейских стран и обеспечить эффективное лидерство. Более того, подчеркивается, что «почти всегда Обама смотрел на Европу через призму НАТО» [Palacio, p. 99]. Так что в области взаимодействия двух полюсов западного мира — США и ЕС — накопилось немало сложных вопросов, ждущих стратегических ответов.

Приоритетной темой международной повестки Белого дома явились американо-кубинские отношения. О решении приступить к их нормализации 17 декабря 2014 г. синхронно объявили Б. Обама и глава правительства Кубы Рауль Кастро. В мировом экспертном сообществе обоснованно рассматривают это событие в контексте политики Вашингтона в Латинской Америке, поскольку антикубинский курс, включавший торгово-экономическое эмбарго, десятилетиями отравлял атмосферу межамериканских отношений, негативно влиял на имидж США в регионе, а при этом не достиг желаемой цели — падения коммунистического режима. «Пятьдесят лет изоляции Кубы не помогли продвижению демократии, но нанесли вред нашим отношениям с Латинской Америкой», — констатировал американский президент [Remarks...2016].

Действительно, к моменту прихода Б. Обамы в Белый дом политические и экономические позиции Соединенных Штатов к югу от Рио-Гранде, традиционно очень сильные, стали ослабевать. Об этом свидетельствовали: провал попыток США создать под своей эгидой интеграционный мегаблок «от Аляски до Огненной земли» (АЛКА); образование в регионе деятельной группы антиамерикански настроенных левых режимов во главе с Венесуэлой и Аргентиной; великодержавные претензии Бразилии, ее участие в БРИКС; крайне агрессивная экономическая экспансия китайских корпораций, ставших важными инвесторами и ключевыми торговыми партнерами ряда латиноамериканских стран и в некоторых секторах потеснивших американских конкурентов [Яковлев, 2014]. Можно добавить и заметную активизацию на латиноамериканском направлении российской дипломатии, рост двусторонних экономических обменов, формирование между Россией и отдельными государствами региона, включая Кубу, отношений стратегического партнерства [Яковлев, 2016].

По нашему мнению, примирение с Гаваной — гиперпрагматичное решение Б. Обамы, позволившее разрубить тугие узлы конфликтного прошлого. Это был умелый внешнеполитический ход, тщательно выверенный и рассчитанный на длительную перспективу. Восстанавливая в полном объеме американо-кубинские связи, Вашингтон получает в свои руки инструменты «мягкой силы», с помощью которых сможет «аккуратно» воздействовать на развитие внутренних общественных процессов на Кубе — особенно с учетом неизбежного ухода с политической сцены братьев Кастро.

Таким образом, в Латинской Америке США совершили поворот в направлении восстановления (и усиления) своих позиций, обеспечения крепкого и надежного тыла, вытеснения европейских и китайских конкурентов с обширного пространства и превращения региона в звено обновленного глобального американского влияния и доми-

нирующего присутствия [Schifter]. Конечно, для достижения этих целей Белый дом еще должен выдвинуть конструктивные предложения стратегического характера, способные заинтересовать политические и деловые круги стран Латинской Америки. Но это уже задача следующего американского президента.

Главные итоги международной деятельности Б. Обамы можно резюмировать одной фразой: разбитые мечты о глобальном управлении. Соединенные Штаты оказались не в состоянии переформатировать мир по своему образу и подобию, хотя и сохранили за собой значительный потенциал лидерства. Остается вопрос, достаточно ли этого потенциала для того, чтобы одержать решительную победу в обостряющейся конкурентной борьбе и экономически и политически господствовать на мировой арене.

* * *

В ноябре 2008 г. впервые в истории США победу на президентских выборах одержал афроамериканец. Уже одно это обстоятельство приковало к деятельности Б. Обамы на посту главы Белого дома мировое внимание. Но, как показали дальнейшие события, 44-й президент Соединенных Штатов выделялся не только цветом кожи, но и многими особенностями своей политики, результаты которой требуют всесторонней оценки и еще не раз станут предметом углубленного анализа и жарких дискуссий. Тем более, что многие начинания Б. Обамы носят долговременный характер, и их эффекты (прямые и косвенные) дадут о себе знать в будущем.

Далеко не все из того, о чем мечтал Б. Обама, придя в Белый дом, было сделано. Но период его пребывания у власти разделил новейшую политическую историю США на «до» и «после». И тем, кто унаследует президентский пост и обоснуется в Конгрессе — демократам, республиканцам, независимым, — придется объяснять, почему они отходят от курса Б. Обамы и к чему это приведет. Или, напротив, каким образом они собираются использовать его наследие, чтобы добиться тех целей, которые сегодня далеки от реального воплощения.

Литература

- Фукуяма Фрэнсис: трудное время для демократии и упадок США. 24 сентября 2014. — Mode of access: bbc.com/russian/multimedia/2014/09/140924_v_fucuyama (date of access: 06.08.2016)
- Ядерное наследие Обамы. — Mode of access: gazeta.ru/politics/2016/07/11_a_9539045.shtml (date of access: 04.08.2016)
- Яковлев П.П. Геополитический разворот стран Латинской Америки // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 7.
- Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: параметры стратегического партнерства // *Латинская Америка*, 2016, № 1.
- Back to Work: What Comes After the President's Final State of Union Address. January 12, 2016. — Mode of access: whitehouse.gov/blog/ (date of access: 03.07.2016)
- Bernanke Ben S. How the Fed saved the economy // *The Wall Street Journal*. New York, October 4, 2015.

- Goldberg Jeffrey*. The Obama Doctrine. April 2016. — Mode of access: theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/ (date of access: 23.07.2016)
- Lizza Rayan*. The Consequentialist. How the Arab Spring Remade Obama's Foreign Policy // The New Yorker. New York, May 2, 2011.
- Mann James*. The Obamians: The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. New York: Viking, 2012.
- Mead Walter Russell*. Special Providence: American Foreign Policy and how it changed the World. New York: Alfred A. Knopf, 2001.
- Nye Jr. Joseph S.* Get Smart. Combining Hard and Soft Power. — Mode of access: foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1 (date of access: 12.08.2016)
- Obama Barak*. The Audacity of Hope. Thoughts On Reclaiming The American Dream. Edinburgh: Canongate Books, 2008.
- OccupyWallStreet. NYC Protest for World Revolution. — Mode of access: occupywallst.org/ (date of access: 6.08.2016)
- Palacio Vicente*. Después de Obama. Estados Unidos en tierra de nadie. Madrid: Catarata, 2016.
- Remarks by the President in State of the Union Address. January 20, 2015. — Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/20/ (date of access: 11.08.2016)
- Remarks of President Barak Obama — State of the Union Address As Delivered. January 13, 2016. — Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/ (date of access: 13.08.2016)
- Research Institute. Global Wealth Report 2015. October 2015. — Mode of access: protothema.gr/files/ (date of access: 3.08.2016)
- Sanger David E.* Confront and Conceal: Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power. New York: Crown Publishers, 2012.
- Schifter Michael*. The US-Cuba Thaw and Hemispheric Relations. February 2016. — Mode of access: currenthistory.com/Article.php?ID=1304 (date of access: 8.08.2016)
- Taibo Carlos*. Para entender el TTIP. Una visión crítica del Acuerdo Transatlántico de Comercio e Inversiones. Madrid: Catarata, 2016.
- The Art of War, Sun Zi's Military Methods. New York: Columbia University Press, 2007.
- The President's Speech in Cairo: A New Beginning. June 4, 2009. — Mode of access: whitehouse.gov/ (date of access: 12.08.2016)
- Varoufakis Yanis*. El Minotauro Global. Estados, Europa y el futuro de la economía mundial. Barcelona: Debolsillo, 2015.

УДК: 323; 329; 324

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Особенности президентской кампании 2016 г. в США — случайная аномалия или предвестник турбулентности?

Аннотация. Президентская кампания 2016 г. радикально отличается от избирательных кампаний предыдущих лет. Решающим фактором стал нарастающий с 2011 г. кризис американской двухпартийной системы. Как результат — на политическую авансцену вышли преимущественно политические аутсайдеры, ранее не имевшие шансов на избрание на высшую государственную должность. Принципиально важную роль сыграла растущая политическая поляризация Америки, которая привела к формированию резко отличающихся друг от друга политических платформ Республиканской и Демократической партий. Эти тенденции сохранятся и в ближайшем будущем. Не исключено, что острый характер президентской кампании 2016 г. является прообразом будущих политических баталий с непредсказуемыми последствиями для политической системы страны.

Ключевые слова: «трампизм», «клинтонизм», аутсайдеры партийной системы, «революция Трампа», поляризация общества, электоральная база республиканцев, электоральная база демократов.

«Трампизм и Клинтонизм — политическое будущее США»

Весной 2016 г., в самый разгар первичных выборов и партийных собраний, известный американский историк, политолог и публицист М. Линд опубликовал в газете «Нью-Йорк Таймс» статью под броским заголовком «Трампизм и клинтонизм — политическое будущее США». Главный тезис гласил, что, вне зависимости от того, станут Д. Трамп и Х. Клинтон выдвиженцами от своих партий на пост президента США или нет, «одна вещь не вызывает никаких сомнений: трампизм представляет собой будущее Республиканской партии, а клинтонизм — будущее Демократической партии» [Lind, p. SR2].

Статья вызвала большой резонанс в американском политологическом сообществе. По заключению Линда, нынешняя президентская кампания и предстоящие в ноябре выборы в ретроспективном плане станут столь же знаковыми, как и президентские выборы 1968 г. (На рубеже 1960-х — 1970-х годов в Америке произошло окончательное разрушение «победоносной» политической коалиции, сформированной Ф. Рузвельтом в годы «нового курса» в 1930-е годы и во время Второй мировой войны и состоявшей

Сведения об авторе: Травкина Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук; travkina.n.m@gmail.com.

из профсоюзов, большей части рабочего класса, городской интеллигенции и демократов-южан.)

В последующие 40 лет сменявшие друг друга президенты-республиканцы и президенты-демократы опирались на подвижные, но во многих элементах идентичные массовые политические базы, основное различие между которыми носило социально-классовый и идеологический характер. Растущая дифференциация доходов и усиление неравенства в распределении богатств привели к тому, что основу базы демократов составили ориентированные на социальные государственные программы слои населения, в то время как ядром политической базы республиканцев стали американцы, усвоившие постулаты «свободного предпринимательства».

Рабочий класс раскололся: те его слои, которые по-прежнему были связаны с профсоюзным движением, сохранили верность демократам, в то время как заметно растущая часть неюнионизированных рабочих стала выступать на стороне республиканцев. Дифференциация в доходах средних слоев, экономической опорой которых все в большей степени становилось мелкое и среднее предпринимательство, также способствовала расколу этой социальной группы. Ее относительно бедная часть неизменно выражала симпатии демократам, в то время как экономически преуспевшие предприниматели поддерживали республиканцев с их философией «ограниченного государства». Наконец, ценностные расхождения привели к размежеванию американской интеллектуальной элиты. Для части интеллигенции, ориентирующейся на демократов, оказались привлекательны либеральные идеи; для интеллектуалов-республиканцев — социальный консерватизм и традиционные ценности американского общества.

Однако к началу президентской кампании 2016 г. в «политическом разломе» стали доминировать гендерно-расовые составляющие. Как отметил Линд, партийная идентичность по гендерно-расовому принципу, который пришел на смену социально-экономическому, не является чем-то принципиально новым. Еще в 1982 г. работа Национального комитета Демократической партии строилась на основе 7 официально признанных форумов: женщин, афроамериканцев, латиноамериканцев, американцев азиатского происхождения, сексуальных меньшинств, либералов и представителей бизнес-сообщества и профессионалов. Спустя 34 года они стали массовой политической базой кандидата демократов Хиллари Клинтон [Lind, p. SR2].

Соответственно, Республиканская партия все в большей степени стала выражать интересы белого большинства американского общества как стремительно формирующегося единого избирательного блока, для которого на второй план стали отходить размеры доходов и богатств. В этой связи Линд констатировал, что «еще задолго до того, как Д. Трамп заявил о своих президентских амбициях, экономические либертарианцы, переполнявшие ряды финансовых спонсоров Республиканской партии, республиканские «мозговые центры» и подконтрольные республиканцам СМИ стали стремительно сдавать свои позиции популистам. Оппозиция нелегальной иммиграции постепенно перестала быть периферийной проблемой, ассоциируемой в 1990-е годы с одинокой фигурой П. Бьюкенана, и стала центральной политической «лакмусовой бумажкой»,

которая четко отделила «подлинного республиканского консерватора» от республиканца «только по названию» [Lind, p.SR2].

Американские социологические исследования показывают, что в настоящее время республиканцы имеют заметную поддержку среди белого большинства, главным образом среди мужчин, в то время как демократы пользуются доминирующей поддержкой женщин и этнических меньшинств. Соответствующие данные суммированы в таблице.

Таблица 1

Гендерно-этническая поддержка Республиканской и Демократической партий США, %

Гендерно-этнические группы	Поддерживают или считают себя сторонниками Демократической партии	Поддерживают или считают себя сторонниками Республиканской партии	Различие
Белые	40	49	- 9
Белые мужчины	33	54	- 21
Латиноамериканцы	56	26	+ 30
Афроамериканцы	80	11	+ 69
Американцы азиатского происхождения	65	23	+ 42
Еврейская диаспора	61	31	+ 30
Женщины	52	36	+ 16

Источник: PewResearchCenter. A Deep Dive into Party Affiliation: Sharp Differences by Race, Gender, Generation, Education. April 7, 2015. PP. 1,2. – people-press.org/2015/04/07/a-deep-dive-into-party-affiliation/

Постепенному замещению социально-экономических критериев формирования партийной системы США на гендерно-расовые способствовал и кризис американской политической системы, который шел по нарастающей примерно после промежуточных выборов 2010 г. В результате этих выборов республиканцы получили устойчивый контроль над Палатой представителей Конгресса США, а после промежуточных выборов 2014 г. — и контроль над Сенатом, что, по сути, парализовало нормальный механизм функционирования Вашингтона.

Кризисные проявления и их последствия

Расхожая версия истории эволюции американской политической системы гласит, что с приходом в 1933 г. демократической администрации Ф. Рузвельта центр принятия политических решений окончательно переместился из финансовой столицы Америки, олицетворяемой Нью-Йорком и его Уолл-стритом, в Вашингтон — сосредоточение федеральной бюрократии и символ американской государственности. Практически это означало, что на высшую государственную должность стали претендовать только политики, имеющие самое непосредственное отношение к государственной службе, к партийному истеблишменту. В круг таких лиц попали шедшие на переизбрание президенты, вице-президенты, сенаторы и конгрессмены, губернаторы штатов.

В новое и новейшее время это стало обыденным и привычным. Не только американская политическая элита, но и рядовые избиратели не могли себе представить, что на пост президента страны станет претендовать аутсайдер — человек вне системы, «с улицы». Более того, все политически честолюбивые люди в США, когда-либо помышлявшие о том, чтобы стать президентом, считали само собой разумеющимся, что для избрания на эту должность они должны «пройти обкатку» партийной машиной и получить навыки в должности губернатора штата, члена конгресса, наконец, вице-президента страны. Без преувеличения можно сказать, что вплоть до президентской кампании 2016 г. борьба претендентов на высшую государственную должность была состязанием опыта и знаний, приобретенных на низших ступенях американской государственной машины¹.

---

¹ В 1960 г. в поединке за Белый дом сошлись сенатор-демократ Дж. Кеннеди и республиканец, вице-президент Р. Никсон. Отец Дж. Кеннеди — Джозеф Кеннеди, мечтавший, чтобы его сын в конечном итоге стал президентом, направил его по классическому карьерному пути: в 1946 г. Дж. Кеннеди избирается в Палату представителей, в 1952 г. — сенатором. Карьера Р. Никсона была до известной степени схожей: в 1946 г. он становится членом Палаты представителей, в 1950 г. — сенатором, в 1952 г. избирается вице-президентом США. После убийства Дж. Кеннеди в 1963 г. президентом становится Л. Джонсон, избранный в 1960 г. вице-президентом, профессиональный политик «до мозга костей». В 1936 г. он избирается в Палату представителей, в 1948 г. — сенатором. Таким образом, вплоть до избрания вице-президентом он в течение 24 лет был бессменным членом Конгресса США. В 1964 г. Джонсон уверенно победил республиканца Б. Голдуотера, который до этого 12 лет был сенатором.

В 1968 г. на «открытых выборах» Р. Никсон, который, естественно, апеллировал к своему восьмилетнему опыту работы вице-президентом США, победил демократа, вице-президента с 1965 г. Г. Хэмфри, который с 1948 по 1964 г. был бессменным членом Сената США. В 1972 г. Р. Никсону противостоял сенатор-демократ Дж. Макговерн, политическая карьера которого началась в 1956 г., когда он был избран конгрессменом. На момент участия в президентских выборах Дж. Макговерн был сенатором с 12-летним стажем. Уотергейтский скандал 1973–1974 гг., приведший к отставке Р. Никсона, вынес на вершину политической власти Дж. Форда, который до этого на протяжении 25 лет был членом Палаты представителей, занимая там с 1965 г. пост лидера республиканского меньшинства.

Выборы 1976 г. расширили привычный круг политиков, принимавших участие в президентских гонках на заключительном этапе. Президент Форд проиграл выборы Дж. Картеру, который до этого на протяжении 6 лет был губернатором шт. Джорджия и считался довольно успешным «управляющим». В 1980 г. ситуация повторилась — правда, на этот раз президент Картер проиграл выборы Р. Рейгану, который на протяжении 8 лет, то есть два срока подряд (с 1967 по 1975 г.), был губернатором одного из крупнейших американских штатов — Калифорнии. Соперник Рейгана на президентских выборах 1984 г. У. Мондейл был вице-президентом у Картера, а ранее, на протяжении 12 лет (начиная с 1964 г.), — сенатором.

На «открытых выборах» 1988 г. вице-президенту Дж. Бушу, который бессменно находился на этом посту с 1981 г., противостоял губернатор с восьмилетним стажем М. Дукакис. То, что не удалось сделать Дукакису в 1988 г., с успехом выполнил в 1992 г. У. Клинтон — молодой губернатор шт. Арканзас, находившийся на этой должности более 10 лет. А в 1996 г. он победил Р. Доула, который на протяжении 27 лет был сенатором.

В XXI в. успех вначале сопутствовал губернатору шт. Техас Дж. Бушу-мл.: в 2000 г. он победил вице-президента А. Гору, в 2004 г. — сенатора с 20-летним стажем Дж. Керри.

В 2008 г. на «открытых выборах» сошлись сенатор с 20-летним стажем Дж. Маккейн и молодой сенатор Б. Обама. Приход в Белый дом в самый разгар мирового финансового кризиса сенатора со скромным четырехлетним стажем, очевидного аутсайдера партийного механизма демократов [См. Травкина, 2008], возможно, явился важным политическим прецедентом, объясняющим аномалию 2016 г. Этот прецедент имел продолжение на следующих выборах: в 2012 г. республиканцы выдвигают соперником Обамы М. Ромни, который до этого был губернатором шт. Массачусетс всего один срок — с 2003 по 2007 г.

Системные политики служили гарантией сохранения политического курса, который приобрел в США надпартийный характер, что давало основание говорить о Вашингтонском консенсусе.

Ситуация в Вашингтоне радикально изменилась после промежуточных выборов 2010 г. Демократы, которые в 2008–2010 гг. достаточно прочно контролировали обе ветви власти, потеряли возможность проводить через Конгресс какие-либо масштабные реформы и преобразования. По сути, законотворческий процесс на капитолийском холме застопорился. Если с 1999 по 2010 г., в период работы конгрессов 106–111 созывов, в среднем за два года принималось 463 закона, то в 2011–2016 гг., в течение работы конгрессов 112–114 созывов, этот показатель сократился до 266, в 1,8 раза¹. В конгрессе 111 созыва (2009–2010 гг.) демократам удалось провести три важнейших законопроекта: закон об американском возрождении и реинвестициях (февраль 2009 г.), в рамках которого в экономику США было «влито» примерно 840 млрд долл., позволивших вывести ее из самого глубокого экономического кризиса после Второй мировой войны; закон о доступном медицинском страховании и защите прав пациентов (март 2010 г.), который впервые в американской истории ввел систему доступного медицинского страхования практически для всех слоев населения; наконец, закон Фрэнка-Додда о реформе Уолл-стрита и защите потребителей (июль 2010 г.), предусматривающий самые масштабные в новейшей истории США меры по регулированию финансового сектора американской экономики. А в последние 5 лет принимаемые законы носили в основном малозначительный и технический характер.

Реформаторская деятельность в Конгрессе практически полностью прекратилась, а постепенно устанавливавшие свой контроль над высшим законодательным органом США республиканцы сосредоточили все усилия на критике реформаторских начинаний демократов, эффективно блокируя новые инициативы, исходившие в том числе и от Белого дома. В США возникла ситуация «дисфункционального Вашингтона». Прежде всего это вылилось в развал бюджетного процесса. Достаточно указать, что в период с 2011 по 2017 фин. г. Конгресс США всего один раз — в 2016 фин. г. — принял проект бюджета на очередной финансовый год в установленные сроки и с соблюдением законодательно установленных процедур [A Budget...].

¹ Рассчитано по: Library of Congress. Congress.gov. Public Laws. — congress.gov/public-laws/114th-congress.

Именно полный развал бюджетного процесса привел, по заключению председателя Бюджетного комитета Сената М. Энзи, к тому, что в настоящее время только 30% федеральных расходов ежегодно рассматриваются и утверждаются американскими законодателями, а 70%, или порядка *3 трлн долл.*, бесконтрольно расходуется в «автопилотном режиме», в результате чего долг федерального правительства перевалил за *19 трлн долл.* [ABudget...] По оценке Главного контрольно-финансового управления, (ГКФУ) Конгресса США, в 2011–2015 фин. гг. по линии федерального бюджета были необоснованно выплачены (а в ряде случаев и просто разворованы) около 710 млрд долл., а ежегодный недобор налоговых поступлений в казну федерального правительства в среднем составил за этот период 385 млрд долл. [U.S. GAO..., p. 19, 26]

«Дисфункциональность» Вашингтона в беспрецедентной форме проявилась в указах президента Обамы об иммиграционной реформе от 20 ноября 2014 г., которые, по сути, явились нарушением Конституции США. То, что серьезная реформа, затрагивающая интересы большинства американцев, стала проводиться указами президента, минуя принятую для таких масштабных мероприятий законодательную практику, объясняется прежде всего несовершенством американского политического процесса в условиях разделенного правления. Принадлежащие к разным партиям президент и большинство законодателей практически блокируют законотворчество друг друга, в деятельности высшего руководства страны наступает паралич.

Эта ситуация усугубляется, когда на вершине президентской власти оказывается в известной степени случайная для партийной элиты фигура. Ведущую роль в данном случае сыграл «фактор Обамы», политика которого привела к резкой идеологической поляризации двух системообразующих партий.

Смысл указов, регулирующих статус примерно 11 млн незаконных иммигрантов, сводился к фактической легализации проживания (отложенной депортации) детей и подростков в возрасте до 18 лет, незаконно проникших в США со своими родителями или рожденных на американской территории после прибытия родителей. С этой целью были расширены сфера охвата и финансирование программы под названием «Отложенная депортация для въехавших детей», созданной еще в 2012 г. по линии Министерства внутренней безопасности.

Реакция республиканских законодателей оказалась остро негативной. Понимая бесперспективность процесса импичмента президента, для отрешения от власти которого требовалось две трети голосов Сената, они прибегли к тактике судебных запретов на реализацию положений указов Белого дома. Власти 27 штатов — практически все без исключения республиканцы — обратились с коллективным судебным иском в Техасский федеральный суд в г. Браунсвилле о признании незаконными программ «Отложенная депортация для въехавших детей» и «Отложенная депортация для родителей граждан США и лиц, находящихся в США на законном основании» и приостановке их реализации. 16 февраля 2015 г. федеральный судья Техасского суда вынес решение, согласно которому действие этих программ было приостановлено

Администрация Обамы без промедления обратилась в Апелляционный суд 5 судебного округа в г. Новый Орлеан, который 9 ноября 2015 г. в соотношении голосов 2:1 отклонил апелляцию федерального правительства и оставил в силе решение Техасского федерального суда, по существу запретив реализацию программ, инициированных администрацией Обамы. После этого администрация Обамы обратилась в Верховный суд США, который 23 июня 2016 г. своим решением в соотношении голосов 4:4 оставил решение Техасского суда без изменений [UnitedStates v. Texas...].

Встав на путь грубейшего нарушения американского законодательства в ноябре 2014 г., администрация пошла дальше, и по форме и по существу игнорируя решения судебных органов США. По линии Министерства внутренней безопасности были изданы специальные циркуляры и памятки, которые предписывали правоохранительным органам «либерально» относиться к незаконным иммигрантам и косвенным образом способствовать легализации их пребывания на территории США. При этом администрация действовала исключительно изобретательно, заявив, что в бюджете Министерства внутренней безопасности нет средств на реализацию запретов судебных инстанций. Судебные решения строились на том, что нелегальные иммигранты должны «отлавливаться и депортироваться» из США, и именно это направление деятельности Министерства внутренней безопасности оказалось лишенным необходимого финансирования. В итоге, согласно данным официальной статистики Службы гражданства и иммиграции США, в 2015 фин. г. только по линии программы «Отложенная депортация для въехавших детей» в США было легализовано пребывание порядка 450 тыс. человек [U.S. Citizenship...].

Ситуация с легализацией незаконных иммигрантов не только характеризует весьма противоречивый политический процесс в Вашингтоне, но и позволяет понять позицию кандидата на пост президента от республиканцев Д. Трампа по вопросу иммиграции.

Другой пример «дисфункциональности», на этот раз из сферы внешней политики. При заключении в 2015 г. важного международного договора — сделки по иранской ядерной программе, официально вошедшей в исторические анналы как «Совместный всеобъемлющий план действий», — администрация, вместо обычной процедуры представления Сенату на ратификацию международного соглашения и его одобрения 2/3 (67) голосов, прибегла к беспрецедентной правовой уловке. В начале 2015 г. в Конгрессе был разработан и принят, а 22 мая 2015 г. подписан президентом закон о рассмотрении соглашения об иранской ядерной программе. Согласно положениям этого закона, Сенат получил право в течение 60 дней со дня представления «Совместного всеобъемлющего плана действий» рассмотреть подписанный текст международного договора и принять резолюцию о его утверждении или не утверждении, то есть фактически ратифицировать или не ратифицировать его. Поскольку подписанное 10 июля 2015 г. соглашение было представлено в Сенат 19 июля, то крайним сроком для принятия соответствующей резолюции стало 17 сентября. Республиканцы выработали резолюцию о неодобрении достигнутого соглашения по иранской ядерной программе. Согласно процедурному регламенту Сената, для постановки этой резолюции на голосование на пленарном заседании требовались голоса 60 сенаторов. Поскольку соотно-

шение сил в Сенате было 55 республиканцев против 45 демократов, резолюция провалилась. В результате важнейший международный договор, имеющий принципиальное значение как для мировой, так и для американской национальной безопасности, вступил в силу только благодаря тому, что по состоянию на 17 сентября демократам удалось набрать чуть больше 40 голосов и заблокировать республиканскую резолюцию, опираясь исключительно на хитросплетения внутреннего регламента работы Сената США! [Congressional..., p. 26]

Таким образом, договор вступил в силу, минуя установленную Конституцией страны процедуру его ратификации 2/3 состава Сената США и даже более того — в разрез с мнением большинства сенаторов, правда, представлявшим исключительно Республиканскую партию США. Эти примеры позволяют говорить, что налицо глубокий системный кризис государственного управления. Прямым политическим результатом этого кризиса и явилась президентская кампания 2016 г.

Негативизм и критика Вашингтона

К началу избирательной кампании 2016 г. правящей партии, по сути, нечего было предъявить американским избирателям. Белый дом делал упор преимущественно на три показателя: достаточно анемичные темпы экономического роста, создание новых рабочих мест на протяжении последних пяти-шести лет и соответствующее сокращение безработицы. С 2010 г. по середину 2016 г. в частном секторе американской экономики было создано 15 млн новых рабочих мест, безработица по сравнению с рекордным показателем 2009 г. сократилась вдвое — с 10,0% до 4,9% [The Employment...].

Американская экономика находилась на подъеме на протяжении 7 лет подряд. Однако в течение 2010–2015 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП составили всего 2,2%. Внушало определенную тревогу и то обстоятельство, что в течение последних трех кварталов произошло замедление темпов экономического роста — примерно в два раза по отношению к базовому тренду 2010–2015 гг. В IV кв. 2015 г. темпы роста реального ВВП составили 0,9%, в I кв. 2016 г. замедлились до 0,8%, во II кв. 2016 г. несколько возросли — до 1,2% [Advance...].

В таких условиях находившаяся у руля Демократическая партия отошла от традиции выборов последних десятилетий: вместо вполне логичной кандидатуры вице-президента Дж. Байдена демократы уже весной 2015 г. консолидировано выдвигают Х. Клинтон, которая покинула администрацию в феврале 2013 г., пробыв 4 года в должности государственного секретаря США. Поскольку в ее предвыборной кампании активно участвовала вся ее семья — и муж, бывший президент У. Клинтон, и их дочь Челси, — акцентировались не столько успехи 8 лет пребывания у власти демократа Обамы, сколько ностальгия по успешным 1990-м годам: Клинтонны знают магический секрет процветания Америки!

Показательно, что президент Обама, активно включившийся в предвыборную кампанию Х. Клинтон в начале июля 2016 г., не сказал ничего существенного о ее достижен-

ях на протяжении 12 лет политической карьеры — в качестве сенатора от шт. Нью-Йорк и на посту госсекретаря. В своем выступлении на съезде Демократической партии 28 июля 2016 г. он превознес ее человеческие качества: «в нынешней гонке есть только один кандидат, который верит в светлое американское будущее и который посвятил всю свою жизнь этому будущему: мать и бабушка, которая отдаст все силы, чтобы помочь развитию детей, лидер с реальными планами, чтобы преодолеть все стоящие на ее пути преграды и пробиться через все невидимые потолки, стоящие на пути женщин и меньшинств, и таким образом расширить круг возможностей для каждого американца». Все деяния Х. Клинтон за 12 лет общественной карьеры в речи Обамы свелись к тому, что «в ней все еще жива память о каждом американце, с которыми она встречалась, с теми, кто потерял близких и любимых в трагических событиях 11 сентября; вот почему она, как сенатор от Нью-Йорка, боролась за выделение средств для помощи пожарным, медикам и полицейским, за восстановление города, и вот почему она, будучи госсекретарем и сидя в ситуационной комнате Белого дома, решительно высказалась в пользу операции, которая позволила ликвидировать бен-Ладена» [Office...].

Возможно, этим более чем скромным «списком достижений» объясняется один очень интересный факт. Будучи единственным кандидатом от «партии власти» на выборах 2016 г., на этапе первичных выборов и партийных собраний Х. Клинтон заручилась поддержкой почти 16,9 млн человек, или 55,2% избирателей, принявших участие в выборах претендента от Демократической партии [Democratic Convention...]. А за 8 лет до этого, в ходе первичных выборов и партийных собраний в кампании 2008 г., которые Х. Клинтон проиграла Б. Обаме, она сумела набрать более 18 млн голосов! [2008 Democratic ...]

Единственным соперником Х. Клинтон стал абсолютный «политический маргинал», престарелый сенатор от шт. Вермонт Б. Сандерс, который не побоялся назвать себя «демократическим социалистом». Тем самым он бросил вызов руководству Демократической партии в лице и Х. Клинтон, и Б. Обамы. Свое участие в первичных выборах Б. Сандерс, формально даже не являющийся членом Демократической партии, построил на лозунге «политической революции». Внимательное изучение инициатив сенатора Сандерса показывает, что он действительно предлагал план социального переустройства США, который в последний раз в другом формате выдвигался на президентских выборах 1948 г. социалистом Г. Уоллесом.

План Сандерса предусматривал масштабное перераспределение доходов и богатств от богатейших слоев американского общества в пользу беднейших слоев и американского среднего класса. Результатом этого должны были стать система бесплатного высшего образования, оплачиваемый 12-недельный отпуск, система всеобщего медицинского обслуживания, резкое расширение пенсионного обеспечения и вспомоществования для беднейших слоев населения, масштабные программы развития инфраструктуры, что позволит создать 13 млн новых рабочих мест, план занятости 1 млн молодых американцев. Для реализации преобразований социалистического толка Сандерс предложил перераспределить в казну федерального правительства 1 трлн долл. в течение 5 лет за счет введения офшорного налога на прибыли транснациональ-

ных корпораций, 75 млрд долл. в год за счет введения налога на прибыли Уолл-стрита, 5,5 млрд долл. в течение двух лет за счет закрытия налоговых лазеек для крупнейших американских корпораций, увеличение отчислений в фонды социального страхования для предпринимателей на 1,4 трлн долл. в год и ряд других мер по увеличению налогообложения и закрытию налоговых лазеек для наиболее состоятельных слоев американского общества [How Bernie...]. По сути, все эти предложения были навеяны неэффективностью и половинчатостью социально-экономической политики, которую проводила последние 8 лет администрация Обамы.

Оппозиционные американские политики и политические партии на протяжении многих десятилетий не отваживались выдвигать предложения столь радикальных социальных преобразований, понимая всю их политическую самоубийственность. Планы социального переустройства американского общества, выдвинутые Сандерсом, поддержали 13,2 млн человек, или 43,1% всех избирателей, участвовавших в первичных выборах и партийных собраниях кандидата на пост президента от Демократической партии [DemocraticConvention...]. На декларативном уровне большая часть предложений Сандерса была включена в утвержденную на партийном съезде программу, охарактеризованную как «самая прогрессивная предвыборная платформа» за всю историю Демократической партии [Heuvel]. Тем самым демократы создали прецедент колоссального значения для будущих президентских кампаний.

Из дюжины претендентов на президентскую должность от Республиканской партии реальными кандидатами после первой серии первичных выборов и партийных собраний, помимо Д. Трампа, стали трое: сенатор от Техаса Т. Круз, сенатор от Флориды М. Рубио и губернатор шт. Огайо Дж. Кейсик. Т. Круз получил поддержку 7,8 млн республиканских избирателей, или 25,1% принявших участие в первичных выборах и партийных собраниях, Дж. Кейсик — 4,3 млн голосов (13,8%) и М. Рубио — 3,5 млн голосов (11,3%) [RepublicanConvention...].

Итоги первичных выборов и партийных собраний у республиканцев отразили фундаментальную особенность президентской кампании 2016 г.: чем сильнее кандидат критиковал Вашингтон и руководство Республиканской партии (партийный истеблишмент) и чем меньше у него было заслуг и положительного опыта работы в системе органов государственной власти, тем в большей степени он мог рассчитывать на поддержку однопартийцев.

Ярче всего это проявилось в случае с Т. Крузом, избранным в Сенат США в 2012 г. Едва обосновавшись на Капитолийском холме, он тут же выказал свои президентские амбиции, построив деятельность на обещаниях демонтажа всего наследия администрации Обамы, главным образом системы всеобщего медицинского страхования. В ноябре 2014 г. в одной из речей он прямо обвинил Б. Обаму в том, что тот «пытается разрушить Конституцию США».

---

¹ Все остальные (помимо Д. Трампа), участвовавшие в первичных выборах, включая Б. Карсона, Дж. Буша и К. Кристи, получили в общей сложности 5% голосов республиканских избирателей.

Аналогичную критиканскую позицию занял и М. Рубио, избранный в Сенат в 2010 г. Он также практически ничем не отметился на поприще законотворчества. Рубио провалился на первичных выборах 15 марта 2016 г. в своем родном штате Флорида, где набрал всего 27% голосов флоридских республиканцев и проиграл Д. Трампу, набравшему 45,7% [RepublicanConvention...Florida...]. Избиратели штата вынесли М. Рубио своеобразный вотум недоверия и поставили, возможно, крест на его дальнейшей политической карьере.

Дж. Кейсик оказался единственным республиканцем «старой формации», выдвинувшим свою кандидатуру по итогам длительной политической карьеры. В 2010 г. он избирается губернатором одного из крупнейших американских штатов — Огайо, в 2014 г. уверенно переизбирается на второй срок. До этого он на протяжении 18 лет (в 1982–2000 гг.) был конгрессменом от штата, в 1995–2000 гг. занимал пост председателя влиятельного Бюджетного комитета Палаты представителей. С его именем связано проведение двух важных реформ 1990-х годов: изменение системы государственного вспомоществования (1996) и принятие закона о сбалансированном бюджете (1997).

Но апофеозом такой тенденции — выдвигать на высшую государственную должность «человека с улицы», аутсайдера партийной структуры, — безусловно, стала фигура Д. Трампа. Он заручился поддержкой 14,0 млн избирателей, что составило 45% голосов республиканцев, принявших участие в выборах [Republican Convention...]. Для сравнения можно вспомнить, что на этапе первичных выборов и партийных собраний Дж. Маккейн в 2008 г. набрал только 9,9 млн голосов республиканских избирателей [2008 Republican...], а М. Ромни в 2012 г. — 10,0 млн голосов [Republican Convention...].

В целом явка избирателей Республиканской партии на первичные выборы в 2016 г. была рекордной за всю историю ведения соответствующей статистики и составила около 15% официально зарегистрированных избирателей (в период 1980–2012 гг. средний показатель явки едва дотягивает до 10%) [Turnout...].

Про кампанию нью-йоркского миллиардера, которая проходила под лозунгом «революция Трампа», можно сказать: пришел, увидел, победил [Подробнее: Травкина, 2016]. Это был поход против всего руководства Республиканской партии, в результате чего от поддержки Трампа открыто отмежевалось семейство Бушей, в том числе два президента-республиканца — Дж. Буш-старший и Дж. Буш-младший, а также два республиканских кандидата на президентских выборах 2008 и 2012 г. — Дж. Маккейн и М. Ромни. Такой ситуации в истории Республиканской партии не было никогда. Без преувеличения можно сказать, что у республиканцев победил претендент, который дальше всех отстоял и от Вашингтона, и от государственной машины США. Феномен Трампа нельзя понять без учета одного принципиального факта: с конца 2015 г. степень доверия американской общественности к федеральному правительству устойчиво держалась на историческом минимуме (если рассматривать период после 1960 г.), упав ниже 20% [Thedemographic...].

Рост поляризации американского общества

Параллельно с нарастанием конфронтационных тенденций по линии Белый дом — Конгресс и кризисных явлений двухпартийной системы, в США полным ходом шла идейно-политическая поляризация консервативного и либерального спектров американского общества. На консервативном фланге заметно усиливали свои позиции правоконсервативные фундаменталисты, олицетворяемые Чайной партией и Чайным движением, на либеральном фланге резко возросло влияние леворадикальных сил, открыто называвших себя социалистами. Согласно данным социологических опросов, в течение 10 лет — с 2004 по 2014 г. — доля последовательных консерваторов среди республиканцев выросла с 70 до 92%, а доля последовательно настроенных либералов в Демократической партии — с 68 до 94% [Thedemographic...].

Размежевание между убежденными консерваторами и идеологически ангажированными либералами стало носить все в большей степени возрастной характер. Пожилые американцы по мере старения становились «убежденными консерваторами», а молодое поколение «по определению» являлось носителем либеральных и даже «революционных» идей. В этой связи можно отметить, что если в 2000 г. половина избирателей в возрасте 65 лет и старше и половина избирателей в возрасте от 18 до 29 лет голосовали за кандидата в президенты от Демократической партии, то спустя 12 лет, на президентских выборах 2012 г., за Обаму голосовало уже 60% избирателей в возрасте от 18 до 29 лет и только 44% — в возрасте 65 лет и старше [The demographic...].

Растущая идейно-политическая поляризация привела к синдрому «не моего президента»: глава государства все в меньшей степени становился «президентом всех американцев», его поддерживали только сторонники его собственной партии. Так, если в период президентства демократа У. Клинтона разрыв в показателях одобрения его деятельности сторонниками разных партий равнялся 53% (поддержка 80% демократов и 27% республиканцев), то в годы правления президента-республиканца Дж. Буша-мл. он вырос до 58% (поддержка 80% республиканцев и 23% демократов), а президента-демократа Обаму стабильно поддерживали 81% демократов и лишь 14% республиканцев. В целом при Обаме разрыв увеличился до рекордных 67%, чего не фиксировалось в США со времен президентства республиканца Д. Эйзенхауэра, который имел рекордную за весь послевоенный период степень поддержки у демократов — 49% и величину разрыва, равную 39%, что является примером минимального разрыва в поддержке сторонниками собственной и оппозиционной партий. В результате он вошел в американскую историю как надпартийный президент.

Ситуация поляризующейся политической жизни в полной мере дает о себе знать в ходе предвыборной кампании 2016 г. В частности, согласно проведенным социологическим опросам, последовательные сторонники Д. Трампа, как правило, не имеют друзей и знакомых среди последовательных приверженцев Х. Клинтон, и наоборот. Так, 31% лиц, поддерживающих Трампа, не имеют близких друзей и знакомых среди лиц, поддерживающих Клинтон, а среди лиц, поддерживающих Клинтон, соответствующий процент еще выше и составляет около половины (47%) избирателей-демократов [Few

Clinton., p. 1]. Среди сторонников Трампа только 4% имеют близких знакомых или тесно общаются со сторонниками Клинтон, а среди сторонников Клинтон таких, кто тесно общается с республиканцами, поддерживающими Трампа, еще меньше — всего 2%.

В условиях растущей поляризации снижается интенсивность обсуждения важных социально-экономических и политических проблем, стоящих перед обществом. Позиции Демократической и Республиканской партий по центральным социально-экономическим и политическим вопросам все больше кристаллизуются, и поэтому их обсуждение с приверженцами противоположной точки зрения становится бессмысленным и контрпродуктивным. В результате на первую позицию выдвигаются дебаты и обсуждение личностных качеств и характеристик основных кандидатов. Согласно опросам, почти две трети избирателей (59% против 32%) предпочитают обсуждать ход текущей президентской кампании через призму личностей кандидатов, а не их позиций по ключевым проблемам внутренней и внешней политики [Few Clinton., p. 7]. Отсюда становится понятным, почему президентская кампания 2016 г. оказалась построенной на череде непрекращающихся скандалов вокруг основных претендентов на Белый дом.

Избирательные кампании, таким образом, становятся все более «грязными», истеричными и скандальными. И это происходит в ситуации, когда американские социологи отмечают прогрессирующее нарастание озабоченности американского электората в отношении исхода выборов. В частности, в период президентской кампании 2000 г. только 50% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Имеет ли принципиальное значение, кто победит на данных выборах?» Эта доля заметно возросла на президентских выборах 2008 и 2012 г. (до 63%). В ходе президентской кампании 2016 г. личность потенциального победителя для дальнейшей эволюции американского общества является определяющей для 74% опрошенных [2016Campaign., p. 11].

Д. Трамп versus Х. Клинтон: прижатые к партийным базам

Сформировавшийся в США в течение последних двух-трех десятилетий базовый алгоритм победы на президентских выборах был сравнительно прост. Кандидат, получивший более или менее твердую поддержку своей партии, боролся за то, чтобы в максимальной степени склонить на свою сторону голоса так называемых независимых избирателей и постараться нейтрализовать негативное восприятие своей кандидатуры сторонниками оппозиционной партии. Причем ключевой в избирательном процессе была фигура выдвиженца на пост вице-президента, как раз и рассчитанная на поддержку независимых избирателей.

Примерно 10 лет назад в США начали складываться устойчивые основные группы избирателей. В настоящее время с Демократической партией себя ассоциирует 32% зарегистрированных американских избирателей, с Республиканской партией — 23%, к независимым себя относят 39% избирателей [A Deep Dive., p. 4]. По сравнению с началом 1990-х годов поддержка Республиканской партии уменьшилась примерно на 5%, демократы в целом сохранили свои позиции на уровне поддержки 1/3 избирателей, а независимые избиратели увеличили вес и влияние, оттянув на себя голоса ре-

спубликанского электората. В ситуации, когда независимым избирателям предлагали определить свои симпатии относительно двух партий. демократы в целом могли рассчитывать на поддержку и симпатии 48% американских избирателей, а республиканцы — только на голоса 39% избирателей [A Deep Dive..., p. 4].

В ходе президентской кампании 2016 г. Трамп в значительной степени расколол Республиканскую партию. На съезде партии Т. Круз открыто не поддержал кандидатуру Трампа и предложил своим сторонникам голосовать «по совести». Открыто не поддержали Трампа также Рубио и Кейсик. Поэтому перед Трампом встала задача прежде всего консолидации своей собственной партии. Именно с этой целью он выбрал кандидатом на роль вице-президента консервативного губернатора шт. Индиана М. Пенса, сторонника Чайного движения, который на первичных выборах поддержал кандидатуру Т. Круза.

В Демократической партии роль раскольника сыграл Б. Сандерс. И хотя на съезде партии он активно поддержал кандидатуру Х. Клинтон и призвал отдать за нее голоса своих сторонников, опросы общественного мнения, проведенные после съезда, показали, что примерно 30% участников «революции Сандерса» по-прежнему не поддерживают Х. Клинтон [Enten]. Этим и объясняется выбор Клинтон в качестве своего вице-президента сенатора от шт. Вирджиния Т. Кейна, который считается либералом, способным привлечь голоса колеблющейся части электората Демократической партии. Фактически оба кандидата предпочли не рисковать и иметь «электоральную синицу» в руках, нежели поставить на «рулеточного журавля» в небе.

Таким образом, в отличие от предыдущих президентских кампаний XXI в., независимые избиратели оказались брошенными на произвол политической Фортуны. Это делает исход президентских выборов достаточно труднопредсказуемым, зависимым от политической и экономической конъюнктуры, которая будет складываться в самый канун выборов к началу ноября. На их исход могут также повлиять и случайные факторы — например, очередной скандал, который разразится вокруг Х. Клинтон или Д. Трампа.

Затрудняет предсказание исхода президентских выборов и быстро меняющаяся электоральная база американского общества, в котором все большую роль играют гендерно-этнические факторы. Вполне возможно, что в политической системе США будет и дальше происходить ослабление двух «осевых» партий — Демократической и Республиканской, а влияние станут наращивать третьи партии или независимые кандидаты, которые будут строить избирательную стратегию на основе широких электоральных коалиций, а не на узкопартийной идеологии традиционных групп.

Литература:

Травкина Н.М. Выборы 2008: время внесистемных политиков. Джон Маккейн: «операция преемник» — американская специфика; Барак Обама: новые времена, новые лидеры // США*Канада — экономика, политика, культура. 2008. № 9. С. 3–36.

- Травкина Н.М.* Президентская кампания 2016 года как отражение эволюционных особенностей политической системы США // Россия и Америка в XXI веке. 2016. Вып. 1. URL: rusus.ru/?act=read&id=487 (date of access: 22.08.2016)
- 2008 Democratic Popular Vote // RealClearPolitics. URL: realclearpolitics.com/epolls/2008/president/democratic_vote_count.html (date of access: 22.08.2016)
- 2008 Republican Popular Vote // RealClearPolitics. Election 2008. URL: realclearpolitics.com/epolls/2008/president/republican_vote_count.html (date of access: 22.08.2016)
- 2016 Campaign: Strong Interest, Widespread Dissatisfaction // PewResearchCenter. July 07, 2016. URL: people-press.org/2016/07/07/2016-campaign-strong-interest-widespread-dissatisfaction/ (date of access: 22.08.2016)
- A Budget That Matters // United States Senate Committee on Budget. Enzi M. Wanted. 05.11.16. URL: budget.senate.gov/chairman/newsroom/oped/wanted-a-budget-that-matters (date of access: 22.08.2016)
- A Deep Dive into Party Affiliation: Sharp Differences by Race, Gender, Generation, Education // PewResearchCenter. April 7, 2015. URL: people-press.org/2015/04/07/a-deep-dive-into-party-affiliation/ (date of access: 22.08.2016)
- Advance Estimate of Gross Domestic Product for the Second Quarter of 2016 // The White House. July 29, 2016. URL: whitehouse.gov/blog/2016/07/29/advance-estimate-gross-domestic-product-second-quarter-2016 (date of access: 22.08.2016)
- Congressional Research Service. Iran Nuclear Agreement. May 31, 2016. – Mode of access: fas.org/sgp/crs/nuke/R43333.pdf (date of access: 22.08.2016)
- Democratic Convention. The Green Papers. 2016 Presidential Primaries, Caucuses, and Conventions. – Mode of access: thegreenpapers.com/P16/D (date of access: 22.08.2016)
- Enten H.* About A Third Of Bernie Sanders's Supporters Still Aren't Backing Hillary Clinton // FiveThirtyEight. August 8, 2016. URL: fivethirtyeight.com/features/about-a-third-of-bernie-sanders-supporters-still-arent-backing-hillary-clinton/ (date of access: 22.08.2016)
- Few Clinton or Trump Supporters Have Close Friends in the Other Camp // PewResearchCenter. August 3, 2016. URL: people-press.org/2016/08/03/few-clinton-or-trump-supporters-have-close-friends-in-the-other-camp.pdf (date of access: 22.08.2016)
- Heuvel K.* The most progressive Democratic platform ever // The Washington Post. July 12, 2016. URL: washingtonpost.com/opinions/the-most-progressive-democratic-platform-ever/2016/07/12/82525ab0-479b-11e6-bdb9-701687974517_story.html (date of access: 22.08.2016)
- How Bernie pays for his proposals // Bernie 2016. URL: berniesanders.com/issues/how-bernie-pays-for-his-proposals/ (date of access: 22.08.2016)
- Lind M.* Trumpism and Clintonism Are the Future // The New York Times. April 17. 2016. p.
- Office of the Press Secretary. Remarks by the President at the Democratic National Convention. Wells Fargo Center. Philadelphia, Pennsylvania // The White House. July 28, 2016. URL: whitehouse.gov/the-press-office/2016/07/28/remarks-president-democratic-national-convention (date of access: 22.08.2016)
- Remarks by the President at the Democratic National Convention. Wells Fargo Center. Philadelphia, Pennsylvania//TheWhiteHouse.July28,2016.URL:whitehouse.gov/the-press-office/2016/07/28/remarks-president-democratic-national-convention (date of access: 22.08.2016)
- Republican Convention. The Green Papers. 2012 Presidential Primaries, Caucuses, and Conventions. – Mode of access: thegreenpapers.com/P12/R (date of access: 22.08.2016)

- Republican Convention. The Green Papers. 2016 Presidential Primaries, Caucuses, and Conventions. Florida Republican. Presidential Nominating Process. Primary. – Mode of access: thegreenpapers.com/P16/FL-R (date of access: 22.08.2016)
- The demographic trends shaping American politics in 2016 and beyond // PewResearchCenter. January 27, 2016. URL: pewresearch.org/fact-tank/2016/01/27/the-demographic-trends-shaping-american-politics-in-2016-and-beyond/ (date of access: 22.08.2016)
- The Employment Situation in July // The White House. August 5, 2016. URL: whitehouse.gov/blog/2016/08/05/employment-situation-july (date of access: 22.08.2016)
- Turnout was high in the 2016 primary season, but just short of 2008 record // PewResearchCenter. June 10, 2016. URL: pewresearch.org/fact-tank/2016/06/10/turnout-was-high-in-the-2016-primary-season-but-just-short-of-2008-record/ (date of access: 22.08.2016)
- U.S. Citizenship and Immigration Services. Number of I-821D. Consideration of Deferred Action for Childhood Arrivals by Fiscal Year, Quarter, Intake, Biometrics and Case Status: 2012–2015. – Mode of access: uscis.gov/sites/default/files/USCIS/Resources/Reports%20and%20Studies/Immigration%20Forms%20Data/All%20Form%20Types/DACA/I821d_performancedata_fy2015_qtr3.pdf (date of access: 22.08.2016)
- U.S. GAO. Testimony Before the Committee on the Budget, U.S. Senate. Fiscal Year 2015 U.S. Government Financial Statements: Need to Address the Government's Remaining Financial Management Challenges and Long-Term Fiscal Path. CAO-15-541T. April 6, 2016. – Mode of access: gao.gov/assets/680/676377.pdf (date of access: 22.08.2016)
- United States v. Texas. Docket No. 15-674 // SCOTUSblog. Supreme Court of the United States blog. URL: scotusblog.com/case-files/cases/united-states-v-texas/ (date of access: 22.08.2016)

УДК 323; 324; 321; 329

Наиля ЯКОВЛЕВА

Португалия: кризис постреволюционной модели и поиск нового вектора развития

Аннотация. *Статья посвящена политическим изменениям в современной Португалии. В марте 2016 г. на пост президента страны вступил Марселу Ребелу де Соуза, бывший лидер социал-демократов, ныне позиционирующий себя как «левый правых». Знаковые перемены затронули и другие ветви власти, а также партийную систему. В парламенте получила преимущество коалиция левых сил, а новое правительство возглавил лидер Социалистической партии Антониу Кошта. Автор анализирует значение «левого дрейфа» Португалии для развития страны и ее отношений с Россией.*

Ключевые слова: *Португалия, демократия, президентские выборы 2016 г. парламентские выборы 2015 г., партийная система, состав парламента, «левый дрейф», отношения с Россией.*

Достижения и проблемы

Португальская модель развития начала формироваться практически с нуля после Апрельской революции 1974 г., которая послужила мощным катализатором глубоких внутренних трансформаций. Исторический период, открытый «революцией гвоздик», получил название III Республики. Страна успешно прошла этап демократического транзита, не поддавшись давлению радикальных сил как правого, так и левого толка, стремясь окончательно расстаться с авторитарным прошлым. Проведенные в постреволюционный период преобразования привели к коренному изменению общественного ландшафта. Сегодня это демократическая страна с дееспособными институтами, свободной прессой, достаточными условиями для наращивания человеческого потенциала, комфортной и продолжительной жизнью основной массы населения, открытой экономикой. Такой предстает Португальская Республика в мировых рейтингах (табл. 1).

Как видно из приведенной таблицы, во всех рейтингах Португалия занимает вполне достойные места, не «дотягивая» до уровня самых передовых держав, но находясь на значительном расстоянии от неблагополучных стран. Это свидетельствует о том, что за прошедшие годы нация проделала большой путь в своем социально-политическом и экономическом развитии. Помимо внутренних факторов, способствовавших становлению нынешней модели общественного устройства, необходимо указать и на внешний фактор, оказавший решающее влияние на ее формирование. Своими успе-

---

Сведения об авторе: *Яковлева Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, кандидат исторических наук; nel-yakovleva@yandex.ru.*

хами страна в немалой степени обязана вступлению в Евросоюз, полноправным одиннадцатым членом которого (тогда Европейского экономического сообщества — ЕЭС) она стала 1 января 1986 г.

Таблица 1

Место Португалии в мировых рейтингах (2015 г.)

Индекс	Составитель	Количество стран в рейтинге	Португалия
Индекс политической свободы (Freedom in the World)	Freedom House	195	Статус свободной страны
Индекс свободы прессы (Global Press Index)	Freedom House	199	18
Индекс свободы прессы (Press Freedom Index)	Reporters without Borders	180	26
Индекс демократии (Democracy Index)	Economist Intelligence Unit	167	33
Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom)	Heritage Foundation	178	64
Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index)	Transparency International	168	28
Индекс слабости государств (Fragile States Index)	The Fund for Peace	178	164*
Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index)	WIPO, Cornell University, INSEAD	141	30
Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index)	World Economic Forum	140	38
Индекс развития человеческого потенциала** (The Human Development Index)	United Nations Development Programme	188	43
Индекс продолжительности жизни (Life Expectancy Index)	World Health Organization	228	50 (79 лет)

* Обратный отсчет.

** Данные 2014 г.

Источники:

freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015#.VtMqluTVzLM;

freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2015#.VtMq8eTVzLM;

index.rsf.org/#/;

eiu.com/;

heritage.org/index/pdf/2015/book/Highlights.pdf;

transparency.org.ru/images/docs/cpi/CPI2015_Table_RU.pdf;

globalinnovationindex.org/content/page/data-analysis/;

fsi.fundforpeace.org/rankings-2015;

3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf;

hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf;

who.int/gho/mortality_burden_disease/life_tables/situation_trends/en/.

30-летней годовщине этого события был посвящен обширный доклад Фонда Франсишку Мануэла душ Сантуша «Три десятилетия Европейской Португалии: итоги и перспективы», в котором приведены впечатляющие результаты пребывания страны в ЕС в цифрах и фактах [Três décadas de Portugal europeu...]. В то же время приходится констатировать, что данный эксперимент имел неоднозначные последствия. С одной стороны, доступ к коммунитарным европейским фондам способствовал существенному повышению качества жизни населения и массовому распространению европейских ценностей, удержал от возвращения к авторитарным формам правления, позволил выстроить национальный вариант государства всеобщего благосостояния. С другой — отложил проведение жизненно необходимых экономических реформ, создал иллюзию процветания, не позволил обществу изжить элементы иждивенческого сознания как рудимент революционной эпохи [Яковлева Н.М. Эволюция социального государства. С. 102–125]. Существование в едином европейском пространстве, нивелирующее особенности национальной культуры и образа жизни, способствовало росту националистических настроений и влиянию «партий левого фланга». Последние встали на позиции евроскептицизма и выступали за выход страны из Евросоюза.

Все это сказалось в 2011 г., когда португальцы выступили против продолжения реализации согласованной с Брюсселем Программы стабилизации и роста. Под влиянием массовых выступлений парламент отказался поддержать четвертый пакет антикризисных мер, что привело к отставке премьер-министра, социалиста Ж. Сократеша и роспуску парламента. По итогам досрочных парламентских выборов к власти пришла коалиция правоцентристских сил, сформировавшая XIX конституционное правительство под руководством Педру Пассуша Коэлью. Ему удалось добиться экономического роста, несмотря на неблагоприятный социально-политический контекст и перманентное давление со стороны левой оппозиции.

В период 2011–2015 гг. по представлению левых парламентских партий шесть раз ставился на голосование вотум недоверия кабинету министров. На президента А. Каваку Силву оказывалось давление с целью отставки премьера и правительства и проведения досрочных выборов. Кризис сложившейся системы социально-экономических отношений в известной мере деморализовал часть португальского общества, не вполне адекватно воспринимавшего усилия правоцентристского правительства по спасению страны от банкротства и выступавшего против выполнения программы кредиторов (Евросоюз, ЕЦБ и МВФ) по сокращению бюджетного дефицита [Яковлев П.П. К новой модели роста С. 80–88.]. Одновременно левыми профсоюзами было организовано беспрецедентное количество забастовок (около 1100 за четыре года). При этом противостояние между властью, представленной правоцентристами, и левой оппозицией так или иначе выстраивалось вокруг «европейской» темы. Левые «радикалы» (Компартия, «Зеленые», Левый блок) выступали под лозунгами выхода страны из Евросоюза и прекращения контроля со стороны «тройки» кредиторов. Такую же позицию они занимали и при правительстве социалистов, что способствовало его отставке в 2011 г. Поставить точку в споре относительно путей дальнейшего развития должны были очередные парламентские выборы.

Итоги парламентских выборов 2015 г.

Осенью 2015 г. в Португалии состоялись выборы представителей законодательной власти. В соответствии с Конституцией 1976 г. парламентом страны является однопалатная Ассамблея Республики (АР), депутаты которой (230 мандатов) избираются на четыре года на основе пропорционального партийного представительства. По итогам парламентских выборов президент назначает премьер-министра, которому поручает сформировать правительство. При назначении главы правительства президент обязан согласовать его кандидатуру с партиями, представленными в парламенте. Именно поэтому парламентские выборы и борьба за пост премьер-министра как ключевой фигуры в определении главных векторов экономического развития являются приоритетными направлениями партийной деятельности. Главными конкурентами здесь выступают Социалистическая (левоцентристская) и Социал-демократическая (правоцентристская) партии, которые и формируют сменяющие друг друга правительства. При этом социал-демократы выступают, как правило, в коалиции с Народной партией (Социально-демократический центр — Народная партия).

Стабильность партийной системы, характеризующейся доминированием и альтернативой двух центристских сил, всегда считалась одной из сильных сторон португальской демократии [Яковлева Н.М. Эволюция политической системы. С. 61–89.]. Однако в последние годы партийная система подверглась некоторой трансформации — правда, строго в пределах сложившейся бипартийности. При этом традиционные партии (СП, СДП и НП) находятся в поисках новой идентичности. Среди малых партий происходит ротация, старые партии «умирают», уступая место новым. С 2011 г. наблюдается увеличение численности новых малых партий, пополняющих главным образом левый спектр. Так, в 2011–2015 гг. Конституционный суд Португалии зарегистрировал 7 новых партий, из них 4 — в 2015 г., накануне парламентских выборов. «Скамейка» правых сил остается традиционно короткой, и это отражается на композиции АР. Несмотря на активное формирование новых организаций, партийная система по европейским меркам остается сравнительно компактной (21 партия) [Tribunal Constitucional Portugal...].

Помимо партий, существует постоянно действующий избирательный блок — Унитарная демократическая коалиция (УДК), созданная в 1987 г. Компартией (КПП) и Экологической партией «зеленых». В парламенте они составляют отдельную фракцию и солидарно голосуют по всем вопросам. До последних выборов в АР было представлено 6 партий — СП (левый центр), СДП и НП (правый центр), КПП и «экологи», а также Левый блок (ЛБ). Три последние партии относят к левым радикалам, но не экстремистской направленности (так называемый «мягкий радикализм»). Их удельный вес в парламенте всегда был невысок. Приведенный расклад сил неожиданно изменился после 4 октября 2015 г.

В парламентских выборах 4 октября приняло участие 55,86% от общего числа граждан, имеющих право голоса (9,7 млн человек) [Eleições legislativas...]. Это самый низкий показатель участия граждан в выборах законодательной власти с 1976 г. [Яковлева Н.М. Португалия. Итоги политического развития... С. 22.] По мнению экспертов,

абсентеизм избирателей играет на руку правым партиям, так как большая часть португальского электората традиционно симпатизирует левым. Если бы на избирательные участки пришло большее число избирателей, правоцентристский избирательный блок «Португалия, вперед» мог проиграть выборы, а так он вышел победителем — правда, потеряв при этом 25 мандатов, которые перешли к их оппонентам из левого лагеря (табл. 2). Социалисты получили 12 дополнительных мандатов, УДК — 1. Из сюрпризов можно назвать резкое (более чем в два раза) увеличение численности депутатов от Левого блока, а также появление одного депутата от новой партии Люди-Животные-Природа (ЛЖП)¹. Расширение состава парламентских партий произошло впервые с 1999 г., когда в АР вошли 2 представителя только что образованного ЛБ.

Таблица 2

Итоги парламентских выборов 4 октября 2015 г.

Партия/Блок	Количество мандатов		Разница
	2015	2011	
СДП + НП	107	108+24	- 25
СП	86	74	+12
УДК	17	16	+1
ЛБ	19	8	+11
ЛЖП	1	0	+1

Источник: Secretaria-Geral Ministério da Administração Interna (SGMAI) – eleicoes.mai.gov.pt/legislativas2015/#none

Относительный успех левых партий, выступавших против выполнения программы кредиторов и продолжения политики режима экономии, был достигнут за счет недовольства населения политикой правоцентристов в социальной области. В предвыборной кампании левые кандидаты умело использовали этот козырь.

Как видно из таблицы 2, в нынешнем составе АР образовалось два традиционных большинства — первое у СДП и НП, второе у СП. Абсолютного большинства, необходимого для утверждения правительственной программы, не удалось достичь ни одной политической партии. Следуя сложившимся правилам, президент А. Каваку Силва поручил формирование нового правительства лидеру первого большинства премьер-министру П. Пассушу Коэлью. Для одобрения программы нового, XX кабинета министров необходимо было заручиться поддержкой 116 депутатов. Иными словами, ее должны были поддержать как минимум 9 депутатов из других партий. Надежды возлагались в первую очередь на социалистов, с которыми правоцентристы попытались сформировать правительственный альянс. Однако возглавивший СП в 2014 г. мэр Лиссабона Антониу Кошта предпочел вести самостоятельную политическую игру и отказался от предложения правоцентристов.

¹ Политическая партия PAN (Pessoas-Animais-Natureza) была зарегистрирована Конституционным судом в 2011 г.

Новое правительство было сформировано из представителей СДП и НП 30 октября. 10 ноября, накануне обсуждения правительственной программы в АР, А. Коште удалось подписать соглашения о взаимодействии с каждой из левых партий. Впервые в постреволюционной истории страны лидер СП фактически нарушил вето на вступление его партии в какой-либо альянс с коммунистами, существовавший с 1976 г., и согласился принять требования более радикальных левых сил (ЛБ и УДК).

В результате этого маневра в новом составе АР сумма голосов депутатов от левых партий составила 122, и этого количества было достаточно, чтобы отвергнуть представленную П. Пассушем Коэлью программу. 11 ноября XX правительство было вынуждено уйти в отставку, просуществовав рекордно короткий срок — 11 дней. Согласно принятой процедуре президент А. Каваку Силва приступил к консультациям с социальными партнерами (членами Госсовета, представителями партий, профсоюзов) о дальнейших действиях. Во избежание назревавшего политического кризиса президент поручил формирование XXI правительства лидеру партии, представляющей второе парламентское большинство, — социалисту А. Коште, сформулировав при этом ряд условий. Глава государства предупредил, что в случае неисполнения хотя бы одного из них отправит премьер-министра и правительство в отставку. Требования касались, в частности, необходимости выполнения международных обязательств страны как члена Евросоюза и НАТО [Sá Lourenço Nuno].

2 декабря парламент проголосовал за программу социалистов, предварительно согласованную с ЛБ и УДК, и правительство, сформированное из членов СП и независимых, приступило к работе. Таким образом временно была устранена угроза кризиса внутреннего управления, а социалисты получили возможность реализовать на практике достигнутые соглашения. По мнению большинства аналитиков, поддержка левыми парламентскими партиями деятельности правительства социалистов весьма условна, и договоренности будут рано или поздно аннулированы ввиду непреодолимых разногласий. Возможности для маневров у кабинета министров под руководством А. Кошты ограничены. Императив выполнения международных обязательств страны, требований Евросоюза и условий президента может вступить в противоречие с соглашениями о поддержке левыми партиями и привести к новому правительственному кризису.

Итоги парламентских выборов послужили катализатором внутренних трансформаций традиционных партий, а также способствовали распаду сложившихся коалиций. Прекратил существование предвыборный правоцентристский альянс «Португалия, вперед». Многолетний лидер народников Паулу Порташ ушел в отставку, партию ждет перезагрузка программных установок и новое руководство. Противоречия, существующие в недрах СП, могут усилиться и привести к расколу партии, выходу из нее той части, которая не согласна с курсом А. Кошты и выступает против соглашений с левыми партиями. Смена лидеров и появление новых фигур в политическом пространстве свидетельствует о набирающем обороты процессе обновления постреволюционных элит.

В целом политическая ситуация после парламентских выборов характеризовалась нарастающей нестабильностью, и задача по ее урегулированию должна была лечь на

плечи нового президента в связи с окончанием мандата А. Каваку Силвы. Проведение выборов выпало на воскресенье 24 января 2016 г.

Президентский тест с известным результатом

Отличительной чертой президентской кампании 2016 г. стало беспрецедентное количество претендентов на высший государственный пост, что во многом объясняется «мягкими» законодательными нормами. В частности, в соответствии со статьями 15 и 127 Конституции любой гражданин, достигший 35 лет, может представить в Конституционный суд необходимые документы и список подписей граждан в свою поддержку, чтобы официально зарегистрироваться кандидатом в президенты Португалии.

О своем желании попытаться счастья на этом поприще первоначально объявили 22 претендента. Однако некоторые из них не смогли выполнить необходимые по закону требования (набрать от 7500 до 15000 подписей), а кто-то, трезво взвесив свои шансы, отказался от борьбы в пользу других кандидатов. В итоге были зарегистрированы 10 человек — рекордная для президентских выборов цифра. Разумного объяснения этому нет, поскольку с самого начала все опросы отдавали победу одному кандидату, а небольшие шансы составить ему хоть какую-то конкуренцию имела лишь пара соперников.

В список кандидатов вошли люди разных профессий, возрастов, социального положения и пола из различных регионов страны (табл. 3).

Таблица 3

Кандидаты в президенты Португалии в 2016 г.

Кандидат	Возраст	Профессия	Кол-во подписей в поддержку
Энрике Нету	79	бизнесмен	7950
Антониу Сампайю да Новoa	61	профессор	13000
Кандиду Феррейра	66	медик	8300
Эдгар Силва	53	священник	15000
Жоржи Секейра	50	психолог	9100
Виторину Силва (Тино де Ранш)	44	каменщик	8118
Мариза Матиаш	39	социолог	12000
Мария де Белем	66	юрист	9200
Марселу Ребелу де Соуза	67	юрист	15000
Паулу Мораиш	52	преподаватель	8000

Источник: Tribunal Constitucional de Portugal. – tribunalconstitucional.pt/tc/home.html, сайты кандидатов.

В соответствии с основным законом кандидаты в президенты не представляют никакие политические организации, но любая партия, коалиция или объединение могут прямо или опосредованно их поддерживать [Яковлева Н.М. Президентские выборы...]. Так, социалисты выразили косвенную поддержку Антониу Сампайю да Новoa и Марии де Белем, Левый блок — Маризе Матиаш, коммунисты — Эдгару Силве. Социал-демократы и народники выступили в пользу единственного выдвигенца из правых — Марселу Ребелу де Соузы, хотя он подчеркнул позицию в качестве абсолютно независимого кандидата.

Главным элементом предвыборной кампании стали телевизионные дебаты кандидатов, в которых все остальные участники полемизировали с М. Ребелу де Соузой. По мнению наблюдателей, дебаты были малоинтересными для большинства избирателей, не содержали новых идей и не выявили ярких лидеров, способных составить конкуренцию главному претенденту.

М. Ребелу де Соуза всячески избегал любой идентификации с СДП, идеологически определял себя как «левый правых» и напоминал, что еще 15 лет назад прекратил политическую деятельность. Он сделал правильные выводы из «пирровой» победы социал-демократов на парламентских выборах и выступал как будущий президент всех португальцев, говоря то, что от него хотел услышать простой избиратель. «У него не было определенной программы, он не защищал конкретные идеи, не рисковал предсказывать будущее и был двусмысленным при оценке настоящего», — так критиковало поведение кандидата издание «Observador»¹. Марселу дал понять, что его будущую победу не стоит воспринимать как реванш социал-демократов. Он уверял, что главное для страны — это стабильность, поэтому правительству с его стороны будет оказана необходимая поддержка.

Главная тактическая задача состояла в привлечении максимального числа сторонников любых взглядов и обеспечении победы в первом туре. М. Ребелу де Соуза «как трудолюбивый и умный муравей искал пути, чтобы переиграть соперников, и с помощью утонченной тактики сумел найти ключ к победе», — подчеркивал профессор права Университета Порту Андре Ламаш Лейте².

На состоявшихся 24 января 2016 г. выборах М. Ребелу де Соуза одержал ожидаемую победу в первом же туре. Вторым результатом достался А. Сампайю де Новoa. Наибольшими сюрпризами стали третий результат М. Матиаш, получившей поддержку Левого блока, а также провал М. де Белем, которой накануне прочили не менее 16% голосов. Расчет А. Сампайю де Новoa на второй тур оказался неверным, поскольку за всех противостоявших победителю кандидатов проголосовало в общей сложности 48% избирателей. Голосование за аутсайдеров можно квалифицировать как протестное, так же можно трактовать и нежелание 51,34% избирателей, имевших право на участие в выборах главы государства, прийти на избирательные участки.

¹ Observador. Lisboa, 25.01.2016.

² Público. Lisboa, 09.01.2016.

Марселу Ребелу де Соуза стал двадцатым президентом в португальской истории, пятым демократически избранным президентом постреволюционной эпохи, четвертым гражданским главой государства (табл. 4).

Таблица 4

Результаты президентских выборов 24 января 2016 г.

Общие сведения об избирателях		
Общее число избирателей	9751398	100
Участовавших в голосовании	4744567	48,66
Действительных бюллетеней	4642015	
Незаполненных бюллетеней	58964	
Недействительных бюллетеней	43588	
Воздержавшихся от голосования	5006831	51,34
Кандидат в президенты	Кол-во полученных голосов	Голоса, %
Марселу Ребелу де Соуза	2413956	52,00
Антониу Сампайю де Новoa	1062138	22,88
Мариза Матиас	469814	10,12
Мария де Белем	196765	4,24
Эдгар Силва	183051	3,94
Виторину Силва (Тино де Ранш)	152374	3,28
Паулу Мораиш	100191	2,16
Энрике Нету	39163	0,84
Жоржи Секейра	13954	0,30
Кандиду Феррейра	10609	0,24

Источник: Diario da Republica, 1.a serie – № 35 – 19 de fevereiro de 2016. – cne.pt/sites/default/files/dl/pr_2016_mapa_oficial_resultados_3_2016.pdfDiário da República

Новый португальский президент (полное имя — Марселу Нуну Дуарте Ребелу де Соуза) родился 12 декабря 1948 г. в Лиссабоне в семье медика и политического деятеля Балтазара Ребелу де Соуза [Matos V.]. Родители дружили с Марселу Каэтану¹, в честь которого и был назван их сын. В 1971 г. Марселу закончил юридический факультет Лиссабонского университета, где в 1984 г. получил докторскую степень. Впоследствии он преподавал право и до 2010 г. руководил различными научными подразделениями при факультете. Кроме того, был профессором Католического университета и Нового университета в Лиссабоне, почетным доктором Университета Порту. Не менее успешной была и его политическая карьера, которая началась в ранней юности. Он примкнул к Социал-демократической партии сразу после ее создания в 1974 г., быстро вошел

¹ Марселу Каэтану (1906–1980 гг.) — председатель совета министров Португалии с 27 сентября 1968 г. по 25 апреля 1974 г.

в руководящий состав, а в 1975 г. уже был избран членом Конституционного собрания. Его активная деятельность внутри СДП способствовала избранию в 1984 г. на пост лидера партии Анибала Каваку Силвы. С 1996 по 1999 гг. Марселу сам возглавлял партию. Был одним из инициаторов вхождения СДП Португалии в Европейскую Народную партию (ЕНП) в 1996 г., в 1997–1999 гг. был вице-президентом последней. Избирался также депутатом Европарламента. Политическая карьера послужила платформой для продвижения по государственной службе. В 1981 г. вошел в состав VIII конституционного правительства, которое возглавлял Франсишку Пинту Балсемау, в качестве государственного секретаря. В 1982 г. занял пост министра по парламентским вопросам. В разные периоды возглавлял и муниципальные советы. В 2000-е годы дважды входил в Государственный совет Португалии. В последнее время работал на телевидении, где вел свою программу. Выступал с политическими комментариями, обрел общенациональную популярность. Удачно избранная стратегия на выборах и известность были главными слагаемыми его успеха. «Ему удалось отделиться от остальных кандидатов и донести до избирателя, что он будет внимателен к его проблемам. Он добился победы благодаря своей личной репутации, а не какой-то идеологии. Сейчас много политиков, которые ходят по улицам и обнимаются с избирателями. Профессор тоже это делал, но у него получилось лучше, чем у других. Уже давно он утратил свою фамилию и был просто Марселу, как футбольная звезда. Медийный опыт превратил его в маэстро Storytelling (нарратива, рассказа), рассказывающего свои истории под углом зрения человека, одинокого в политике, ни с кем не связанного, кроме Бога. Он считает себя убежденным католиком и симпатизирует папе Франциску», — писал профессор Международного университета в Ла-Риохе (Испания) Антонио Рубио Рио [RubioRio A. R.].

Главная задача нового президента будет состоять в поисках путей достижения консенсуса по всем вопросам, волнующим португальское общество. В Португалии всегда актуальна проблема сосуществования основных ветвей власти разной политической направленности, но личные отношения давно знакомых М. Ребелу де Соузы и А. Кошты позволяют надеяться на решение спорных вопросов мирным путем. Выход из кризисного тупика возможен лишь при условиях взаимопонимания и взаимодействия между основными политическими и экономическими акторами и обеспечения политической стабильности. Это означает смещение всех политических сил, в том числе и леворадикальных, к центру. В любом случае в ближайшей пятилетке глава государства обречен стать центром политической жизни. От того, какую модель президентства предпочтет харизматичный телекомментатор М. Ребелу де Соуза, в немалой степени будет зависеть, куда пойдет Португалия — к развитой демократии европейского образца или национальной разновидности популистского режима.

«Левый дрейф» Португалии и отношения с Россией

Электоральный спурт конца 2015 г. — начала 2016 г. в Португалии привел к изменению внутривнутриполитической ситуации. В предыдущие четыре года доминировали правые центристы, представители которых занимали, впервые в постреволюционной истории, все три главных государственных поста — президента, премьер-министра и председателя парламента. Они не оставляли сомнений в приверженности страны к Евросоюзу,

гарантировали выполнение Лиссабоном всех международных обязательств и способствовали выходу Португалии из острой фазы экономического кризиса.

Парадоксы демократии привели к власти правительство во главе с социалистом А. Коштой, которому удалось создать в парламенте левое большинство. На президентских выборах победа досталась выходцу из «правых», который заявил о своем центризме, на практике также сдвигаясь влево. Поэтому справедливо говорить о «левом дрейфе» как главном политическом тренде в Португалии.

Каким образом эта новая реальность может отразиться на российско-португальских отношениях, вошедших в этом десятилетии в своеобразный политический дедлок? В последние годы интенсивность двусторонних контактов на высшем уровне заметно снизилась. Достаточно сказать, что руководители двух стран не встречались с 2010 г., когда в Лиссабоне с кратким визитом (главным образом для участия в заседании Совета Россия — НАТО) побывал президент РФ Д.А. Медведев, завершив тем самым десятилетний период повышенного интереса российской стороны к иберийскому государству.

Процесс налаживания конструктивного диалога между Россией и Евросоюзом, Россией и НАТО был приостановлен в связи с известными событиями в Крыму и на Украине. Португалия в качестве члена ЕС и Североатлантического альянса вынуждена действовать в рамках согласованной внешнеполитической стратегии, отражающей геополитические и экономические интересы «коллективного Запада», как их понимают в Вашингтоне и Брюсселе. Позиция Лиссабона координируется как в структурах Европейского союза и НАТО, так и в рамках других международных организаций, куда входит иберийская страна, а также в диалоге с США. Сказанное, однако, не означает, что у португальских властей нет своего взгляда и собственной линии поведения в трудных международных ситуациях.

Соблюдая лучшие традиции национальной дипломатической школы, Португалия всегда старается занимать взвешенную и осторожную позицию, пытаясь не навредить наработанным двусторонним связям с третьими странами, но и не «потерять лицо» в отношениях с главными партнерами. Все последние годы проблема имиджа являлась приоритетной для Лиссабона. Следуя избранной линии поведения, президент А. Каваку Силва во время обострения разногласий руководства России с западными лидерами по поводу украинских событий выразил мнение, что Евросоюз должен быть открытым для диалога и взаимодействовать с Россией¹. Тем не менее, в 2014 г. политические контакты между двумя странами были приостановлены, и лишь в середине 2015 г. вновь состоялись мидовские и парламентские консультации. Отношения российских властей с правоцентристским руководством Португалии ограничивались официальными протокольными встречами, по преимуществу в рамках многосторонних форматов. А. Каваку Силва за десять лет своего президентства ни разу не посетил Россию, не состоялось ни одного визита премьер-министра П. Пассуша Коэлью, хотя его предше-

¹ Diário de Notícias. Lisboa 26.02.2014.

ственник Ж. Сократеш в 2007 г. имел долгую (более двух часов) беседу с президентом В.В. Путиным во время своего приезда в Москву.

При этом имелись направления, которые развивались сравнительно успешно. Первое — сотрудничество в сфере культуры и науки. Например, еще в 2010 г. в Лиссабоне открыт Российский центр науки и культуры и подписана программа научного и культурного сотрудничества. Оно включает в себя работу в Португалии российских ученых и артистов по контрактам, организацию частными импресарио гастролей российских исполнителей. По информации Посольства РФ в Португальской Республике, только в рамках фестиваля «Русская весна — 2011» в португальских концертных залах выступило более 200 российских артистов из пяти регионов. Проводились мероприятия, направленные на популяризацию российской культуры и русского языка, выставки русского искусства и недели российского кино. Ряд российских и португальских университетов имеют соглашения о сотрудничестве и осуществляют обмен преподавателями и студентами. В 2012 г. состоялось открытие Русского центра Фонда «Русский мир». В 2013 г. был открыт памятник выдающемуся русскому художнику К. Брюллову, который в 1849–1850 гг. жил и работал на Мадейре. В 2015 г. в Фуншале прошла 3-я Неделя российской культуры. Это совместный проект Федерального агентства «Россотрудничество» и фонда «MULTILINGUAL SCHOOLS Foundation», между которыми с декабря 2014 г. действует Соглашение о сотрудничестве в области образования и изучения русского языка¹.

Второе направление — развитие туризма. Соглашение о сотрудничестве в области туризма было подписано еще в 2007 г. Стороны надеялись, что оно будет способствовать налаживанию динамичного обмена туристами, а также окажет существенное влияние на формирование имиджей России и Португалии как интересных туристских направлений. Основные российские туроператоры, работавшие на португальском направлении, создали «Португальский туристический клуб», чтобы совместно использовать имеющиеся резервы, снизить издержки и активизировать рекламную деятельность на основе больших финансовых возможностей. В Португалии группа российских инвесторов учредила туристическую компанию, которая сумела в короткие сроки наладить чартерные авиаперевозки между двумя странами. На португальском направлении работали десятки российских туроператоров, было открыто прямое сообщение между Москвой и Лиссабоном, а в 2014 г. — прямое воздушное сообщение с Санкт-Петербургом.

Правительство П. Пассуша Коэлью, разработавшее перспективный план развития туристической отрасли, надеялось, что россияне могут быть заинтересованы как в отдыхе, так и в приобретении недвижимости в Португалии. Для этого были веские основания. В 2009–2013 гг. число туристов из России выросло почти на 180%, что позволило нашей стране подняться с 22-го на 17-е место среди других туристических партнеров Португалии. При этом в 2013 г. россияне истратили на свое пребывание почти в 3 раза

¹ Посольство РФ в Португальской Республике. URL: embrussia.ru/ru/culture (дата обращения: 11.03.2016).

больше денежных средств, чем в 2009 г.¹ В связи с нарастанием экономического кризиса в России в 2014 г. поток туристов упал на 11,5% по сравнению с 2013 г., но при этом объем денег, полученных португальской казной, возрос².

Третье направление — деловое сотрудничество. В конце 2013 г. оживились приостановленные в годы кризиса 2008–2009 гг. контакты в сфере бизнеса. Это произошло по инициативе португальской стороны, в связи с пересмотром национальной внешнеполитической стратегии. В качестве приоритетного вида деятельности правительства П. Пассуш Коэлью была заявлена экономическая дипломатия, направленная на восстановление доверия к Португалии со стороны других стран в целях привлечения инвестиций, продвижения международной деятельности португальских компаний, товаров и брендов за рубежи государства и наращивания объемов экспорта товаров и услуг [Programa do XIX governo constitucional]. Преследуя цель максимально расширить круг возможных импортеров продукции португальских компаний, Лиссабон обратил взор в сторону России. Приезд в Москву делегации предпринимателей во главе с вице-премьером правительства Паулу Порташем и последующие миссии, возглавлявшиеся высокопоставленными чиновниками, подтвердили серьезный интерес португальской стороны к российскому рынку. Расчет правительства был прост: выход национального бизнеса на емкий российский рынок и привлечение капиталов в Португалию могли способствовать решению накопившихся экономических проблем. Тактика португальских властей себя оправдала — последние пять лет двусторонняя торговля развивается с положительным для Португалии сальдо торгового баланса (табл. 5). Даже в 2014 г. (год введения санкционного и антисанкционного режимов) португальцам удалось ввезти в Россию товаров втрое больше, чем купить у нашей страны. В 2015 г. разрыв был ощутимо сокращен, главным образом за счет увеличения объемов поставок российских товаров на португальский рынок.

Таблица 5

Динамика двусторонней торговли товарами в 2011–2015 гг. (тыс. евро)

	2011	2012	2013	2014	2015
Российский экспорт в Португалию	140383	388545	489630	151346	261927
Российский импорт из Португалии	352667	449814	520560	441590	347518
Сальдо торгового баланса	-212284	-61268	-30930	-290244	-85591

Источник: Trade Map. Trade statistics for international business development – [trademap.org/\(X\(1\)S\(303lgq55bf5kparyvpuirj32\)\)/Bilateral_TS.aspx](http://trademap.org/(X(1)S(303lgq55bf5kparyvpuirj32))/Bilateral_TS.aspx)

Количество португальских компаний, занимающихся экспортными поставками в Россию, выросло с 383 в 2011 г. до 638 в 2015 г. Тем не менее Португалия не является для России значимым торговым партнером. В 2014 г. она заняла всего лишь 89-е место

¹ AICEP/ Portugal Global. Rússia — Síntese País e Relacionamento Bilateral. P. 4.

² Turismo de Portugal. URL: turismodeportugal.pt/

среди импортеров российской продукции и 55-е — среди поставщиков товаров в РФ. Это самые худшие показатели за последние пять лет (для сравнения, в 2013 г. она занимала 61-е и 52-е места соответственно)¹.

Надо признать, что торгово-экономическое сотрудничество, исходя из потенциальных возможностей обеих стран, развивается недостаточными темпами. Эта оценка верна даже с учетом всех политических ограничений. Возможно, приход к власти в Португалии новых политических акторов сможет разблокировать ситуацию и способствовать поиску взаимовыгодного диалога. В двусторонних контактах на высшем уровне не последнюю роль играет личностный фактор. В этом плане и А. Кошта, слывущий превосходным переговорщиком, и харизматик М. Ребелу де Соуза существенно отличаются от своих предшественников, больше напоминая по стилю поведения лидеров левопопулистских стран Латинской Америки, с которыми у российских руководителей сложились достаточно тесные отношения, основанные на принципах взаимопонимания и взаимоуважения, что привело в итоге к существенному улучшению двусторонних связей.

Отношения между Португалией и Россией имеют давнюю историю и охватывают такие области, как культура, наука, образование, дипломатия и экономика. Углубление сотрудничества является первоочередной задачей на будущее, несмотря на новые вызовы и возможные препятствия.

Литература:

- Яковлев П.П. К новой модели роста // Португалия: эпоха перемен. Под ред. Н.М. Яковлевой. М., ИЛА РАН, 2014.
- Яковлева Н.М. Португалия. Итоги политического развития. К 40-летию «Революции гвоздик» // Латинская Америка, 2014. № 5.
- Яковлева Н.М. Президентские выборы на фоне кризиса // Научный портал «Перспективы». 07.02.2011. URL: perspektivy.info/oykumena/europe/portugalija_prezidentskije_vybory_na_fone_krizisa_2011-02-07.htm (дата обращения: 11.03.2016)
- Яковлева Н.М. Эволюция политической системы // Португалия: путь от революции... Под ред. В.Л. Верникова. М.: Весь мир, 2014.
- Яковлева Н.М. Эволюция социального государства // Португалия: эпоха перемен. Под ред. Н.М. Яковлевой. М.: ИЛА РАН, 2014.
- Eleições legislativas de 2015 4 de Outubro // Governo de Portugal. URL: eleicoes.mai.gov.pt/legislativas2015/ (data de circulação: 11.03.2016)
- Matos V. Marcelo Rebelo de Souza — Biografia. Lisboa. Esfera dos livros. 2012.
- Programa do XIX governo constitucional. — Modo de acesso: portugal.gov.pt/media/130538/programa_gc19.pdf (data de circulação: 11.03.2016)
- Rubio Rio A. R. Elecciones presidenciales portuguesas 2016: la consagración de Marcelo Rebelo de Sousa // Real Instituto Elcano. ARI 16.2016 — 08.02.2016. URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/

¹ Governo de Portugal. URL: portugalglobal.pt/PT/Biblioteca/

ari16–2016–rubioflo-elecciones-presidenciales-portuguesas-2016-consagracion-marcelo-rebelo-de-sousa (fecha de trato: 11.03.2016)

Sá Lourenço Nuno As seis condições presidenciais segundo os acordos e Programa de Governo do PS// Público. Lisboa. 23.11.2015. URL: publico.pt/politica/noticia/as-seis-condicoes-de-cavacos-acordos-e-programa-de-governo-de-costa-1715320 (data de circulação: 11.03.2016)

Três décadas de Portugal europeu: balanço e perspectivas. Coord // Fundação. Augusto Mateus. 2015. URL: ffms.pt/estudo/1113/tres-decadas-de-portugal-europeu (data de circulação: 11.03.2016)

Tribunal Constitucional Portugal. URL: tribunalconstitucional.pt/tc/partidos.html (data de circulação: 11.03.2016)

УДК 325; 323; 327

ВАДИМ ТРУХАЧЁВ

Иммиграция и «кризис беженцев» в Австрии

Аннотация. Австрия долго считалась одной из самых спокойных стран в Европе. Здесь не было громких преступлений или беспорядков с участием иммигрантов-мусульман. Однако даже в Австрии радикальный исламизм пустил глубокие корни, а политика мультикультурализма потерпела неудачу. Сегодня эта страна находится в рядах главных противников политики «открытых дверей» для беженцев, а электоральные результаты антииммигрантских партий и политиков — одни из самых высоких в Европе.

Ключевые слова: Австрия, Европа, «кризис беженцев», беженцы, исламизм, иммиграция, иммигранты, мультикультурализм.

В середине марта 2016 г. на всю Европу прогремело заявление канцлера Австрии, представителя Социал-демократической партии Вернера Файманна. Он обрушился на политику «открытых дверей» для беженцев, проводимую его коллегой из Германии Ангелой Меркель. Глава австрийского правительства выразил недовольство тем, что его страна превратилась в огромный перевалочный пункт для сотен тысяч людей, жаждущих попасть на германскую территорию.

По словам канцлера Австрии, соседнее государство «должно сломать сложившуюся модель, при которой победителю достается главный приз в виде прибытия в Германию». Файманн потребовал от германских властей ввести квоту на беженцев в размере 400 тысяч в год и пригрозил выдворить всех, кто незаконно проник в Австрию [Kronen Zeitung].

В феврале–марте 2016 г. австрийские руководители провели ряд встреч с представителями Македонии, Сербии, Хорватии и Словении, где договорились о закрытии границ для беженцев. Глава австрийского МВД, член консервативной Народной партии Йоханна Микль-Лайтнер раскритиковала идею Меркель о сохранении «балканского транзита» беженцев. «Моя позиция ясна: «балканский маршрут» останется закрытым, и надолго. Бесконтрольный огромный поток (мигрантов) на этом маршруте должен стать историей» [Von Schiltz, Tauber].

Слова австрийских руководителей любопытны и показательны. В новейшей истории имело место крайне мало случаев, когда руководство меньшей по размеру немецкоязычной страны выступало с критикой политики большей. Германия и Австрия вместе

Сведения об авторе: Трухачёв Вадим Вадимович — старший преподаватель факультета международных отношений и зарубежного регионоведения (ФМОиЗР) РГГУ, кандидат исторических наук; vadimvts@mail.ru.

признавали независимость Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, отторжение Косово от Сербии. И Германия, и Австрия отправили войска в Афганистан в 2001 г. и, опять же единодушно, выступили против операции в Ираке в 2003 г. Наконец, политика и той и другой страны способствовала появлению в них крупных иммигрантских общин.

Из разногласий можно вспомнить разве что нежелание властей Австрии (в отличие от канцлера Германии) осенью 2014 г. ужесточать санкции в отношении России. Впрочем, спустя некоторое время австрийцы, как и другие страны ЕС, поддержали данное решение. О глубинных противоречиях речь не шла. В принципе и в Германии, как и в Австрии, хватает политиков, предпринимателей и общественных деятелей, не одобряющих политику Меркель в отношении России. Со своей стороны, ни Файманн, ни другие члены австрийского кабинета не делали никаких резких выпадов по поводу санкций в адрес германских властей. Так что заявление по поводу миграционной политики представляется чем-то из ряда вон выходящим.

Громкие слова главы правительства прозвучали спустя несколько дней после потрясшего всю страну преступления в пятом по величине городе Австрии — Инсбруке. 18-летний беженец набросился на 52-летнюю австрийку, изнасиловал, а затем еще и заставил записать номер его телефона. Полиции удалось задержать насильника. Выяснилось, что он прибыл в Австрию в январе 2016 г. именно по «балканскому маршруту» и жил в лагере недалеко от Инсбрука [Nach Vergewaltigung...].

Напряженность в связи с потоком беженцев извне Европы заставляет присмотреться к тому, как обстоит дело с мусульманской иммиграцией в Австрии и в какой степени к началу миграционного кризиса страна сумела обеспечить интеграцию в общество людей, исповедующих ислам.

История ислама в Австрии

Первая крупная группа мусульман достигла современной Австрии в 1529 г., когда турецкое войско появилось под стенами Вены. Взять город им не удалось, и собственно австрийские земли в состав Османской империи не вошли. Крупная мусульманская община появилась в Австро-Венгрии только в 1908 г., когда монархия Габсбургов приросла Боснией и Герцеговиной. И уже четыре года спустя появился «Закон об исламе», регулирующий положение приверженцев данной религии [Islamgesetz 1912].

В 1918 г. Австро-Венгрия распалась, боснийские славяне-мусульмане оказались вне границ образованной на обломках империи Австрийской Республики. В результате австрийское статистическое ведомство ведет подробный учет иностранных граждан с 1961 г., когда в Австрию прибыли первые гастарбайтеры, в числе которых имелись и мусульмане [Jahresdurchschnittsbevölkerung ... Ausländer].

К 2000 г. число иностранцев в Австрии превысило 700 тысяч (почти 9% населения), а к 2014 г. — более чем на 100 тысяч перевалило за миллион (12,9%). (В данной статистике учитываются исключительно иностранные граждане. Лица, рожденные за ру-

бежом, но получившие австрийское гражданство, сюда не входят.) Наибольшее число иностранцев прибыли из стран бывшей Югославии (свыше 60%) и Турции (более 20%) [Jahresdurchschnittsbevölkerung ... Staatsangehörigkeit].

По данным на 2014 г., всего в Австрии насчитывалось 574 тыс. последователей ислама (6,8% населения), из них более 200 тыс. имели австрийское гражданство. В Вене их число превышает 216 тыс. (12,5% жителей города). В Австрии только на законных основаниях действует 248 мечетей, они есть во всех девяти федеральных землях. Многие из них имеют четкую национальную привязку: турецкая, боснийская, бенгальская, марокканская и т.д. Немецкоязычная версия «Википедии» дает список из 18 исламских организаций Австрии с отсылками к их сайтам [Statistisches...; Muslime in Österreich; Registrierte Moscheen; Islam in Österreich].

Крупнейшая мусульманская община страны — турки (275 тыс. человек). По несколько десятков тысяч насчитывают общины боснийских мусульман и албанцев из Косово и Македонии. Среди австрийских школьников немецкий не является родным языком для 234 тыс. (21%), в Вене эта доля достигает 46%. Примерно для 59 тыс. школьников родным языком является турецкий, для 67 тыс. — сербскохорватский, для 16 тыс. — албанский [Türken in Österreich...; Ein Fünftel...].

Что касается беженцев, количество прибывших из Афганистана, Сирии и Ирака составляло, соответственно, 20 тыс., 12 тыс. и 7 тыс. Кроме того, на австрийской земле находится не менее 25 тыс. чеченцев — в 2000-е годы они составляли крупнейшую группу просителей убежища. На протяжении последних лет число лиц, обращающихся за убежищем, постоянно росло. Если в 2010 г. их было 11 тыс., то в 2014 г. — более 28 тыс., а к апрелю 2015 г. — свыше 33 тыс. [Tschetschenen...; Asyl und Migration...; Mikl-Leitner...; Migration: 40.000...]

Таким образом, еще до начала кризиса с беженцами в Австрии проживала большая мусульманская община иммигрантов. Властям на протяжении многих лет приходилось решать вопросы, связанные с их вписыванием в австрийское общество. На этом пути встречались как успехи, так и значительные неудачи.

Относительный успех интеграции

В 2006 г. в венском еженедельнике «Der Profil» утверждалось, что Австрия более других европейских государств преуспела в интеграции приезжих. Издание отметило целый ряд программ, способствовавших вписыванию турок в австрийское общество, когда представителям данной общины удавалось открывать свои магазины, рестораны и даже банки. Особо подчеркивалось, что, в отличие от Германии, Франции, Швеции или Бельгии, в австрийских городах удалось избежать создания «иммигрантских гетто» [Integration...].

Согласно статистике, в Вене нет ни одного района, где бы доля не только мусульман, но и приезжих в целом превышала 50% [Volkszählung... I, II; Daten und Fakten...].

Примечательно, что никакого специального постановления о расселении иммигрантов городские или федеральные власти никогда не принимали, но негласно такая политика все же проводилась. В результате австрийской полиции удавалось контролировать происходящее, и в той же Вене не сложились крупные сообщества, живущие по отличным от принятых в Европе правилам.

С этим во многом связано отсутствие погромов с участием приезжих. Вене не пришлось сталкиваться с тем, что пережили парижане в ноябре 2005 г. или жители Стокгольма в мае 2013 г., когда много дней полыхали иммигрантские пригороды. Австрия избежала крупных терактов, подобных взрывам в Мадриде (2004 г.), Лондоне (2005 г.), терактам в Париже в январе и ноябре 2015 г., взрывам в Брюсселе 22 марта 2016 г. В Вене никогда не объявляли чрезвычайное положение и не устраивали большие полицейские облавы на исламистов, как это в 2015–2016 гг. часто происходило в столицах Франции и Бельгии.

Относительное спокойствие в Австрии отчасти можно объяснить невысокой степенью религиозности местных мусульман. Австрийский социолог и богослов П.М. Цуленер отмечал в этой связи, что у второго поколения местных мусульман интерес к религии падает, и только 29% данной группы приверженцев ислама выполняют все религиозные предписания (в первом поколении доля таких верующих достигает 54%). Только 48% австрийских мусульман каждую пятницу ходят в мечеть [Zulehner].

Действительно, случаев, когда мусульмане нашли достойное место в австрийском обществе, включая политическую элиту хватает. Можно указать, например, на четырех депутатов Национального совета (парламента), прекрасно говорящих по-немецки и имеющих ученые степени не ниже магистерской. Курдянка из Турции Айгюль Бериван Аслан и турчанка Алев Корун входят во фракцию «зеленых». Еще одна турчанка, Нуртен Йылмаз, — депутат от социал-демократов. Уроженец Инсбрука, депутат от Народной партии Асдин эль-Хаббаси имеет марокканские корни [Abgeordnete...].

Причин относительного успеха с интеграцией приезжих несколько. Одно из объяснений — историческое. В отличие от других государств Западной Европы, у австрийцев уже был опыт проживания мусульман на территории страны в начале XX в., и австрийские власти могли на него опереться. Для боснийских мусульман Австрия — в какой-то степени метрополия. Кроме того, Австро-Венгрия являлась союзницей Османской империи в Первой мировой войне.

В отличие от Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии или Португалии, Австрия несмотря на имперское прошлое и опыт владычества на Аппенинах и Балканах, никогда не имела колоний как таковых. Соответственно, у них нет повода относиться к стране своего пребывания с неприязнью — в отличие от пакистанцев в Англии, алжирцев во Франции или индонезийцев в Голландии.

Относительно высокой степени интеграции в общество и отходу многих мусульман от религии способствует сам национальный состав приезжих. Иммигранты прибывали

в Австрию не из самых консервативных исламских стран. В Турции еще в 1920-е годы М. Кемаль Ататюрк отделил религию от государства. В социалистической Югославии религия не могла играть заметную роль в жизни общества. Многим туркам, боснийским мусульманам, косовским и македонским албанцам было легче приспособиться к европейскому образу жизни, чем алжирцам во Франции или, тем более, пакистанцам в Великобритании и сомалийцам в Норвегии.

Проблемы с мигрантами

Австрийцы — народ смешанного происхождения, потому к проживанию рядом людей, говорящих на другом языке, здесь привыкли. Достаточно перечислить имена канцлеров и президентов Австрии за последние десятилетия (Бруно Крайский, Фред Зиновац, Франц Враницкий, Томас Клестил, Виктор Клима), — все названные фамилии имели чешское или словенское происхождение. Но чехи, словенцы, хорваты или венгры — представители тех же культуры, религии и цивилизации, что и австрийские немцы, а потому вписались в местное общество относительно безболезненно.

В случае с приезжими из мусульманских стран Австрия (как и другие страны Западной, Центральной и Северной Европы) столкнулась с иными проблемами. Иммигрантам, исповедующим ислам, свойственно другое, нежели у современных европейцев, отношение к правам человека, месту женщин в обществе, к сексуальным меньшинствам и т. д. Они приехали из стран, где трудовая дисциплина находится в целом на более низком, чем у европейцев, уровне. И многие из них оказались не в состоянии принять правила и образ жизни, существующие в современной Европе.

В результате, несмотря на некоторые успехи в интеграции, проблемы с мигрантами из мусульманских стран в Австрии есть, и власти давно уже признали их наличие. В 2006 г. глава МВД страны Лиза Прокоп со ссылкой на проведенный ее ведомством телефонный опрос приверженцев ислама заявила, что 45% австрийских мусульман не желают вписываться в европейское общество [Prokop...].

По данным австрийского статистического ведомства, безработица среди иммигрантов (мусульман здесь специально не выделяли) примерно в полтора раза выше средней по стране. В 2014 г. общая доля безработных составляла 8,4%, а среди выходцев из других стран — 12,1%. Исследования рынка труда, проведенные в 2014–2015 гг. по заказу телеканала ORF и издания «Wirtschaftsblatt», показывали, что 36% всех безработных имеют неавстрийское происхождение и что именно среди иммигрантов безработица растет быстрее всего (в 2015 г. — рост на 25% против 14% в среднем по стране) [Arbeitslose...; Hohe Arbeitslosigkeit ...; Weiterhin...].

Официальной статистики преступлений, совершенных приезжими, в Австрии, как и в других странах ЕС, не ведется. Однако в 2009 г. газета «Wiener Zeitung» со ссылкой на источники в МВД сообщила, что иммигранты совершают две трети квартирных краж в стране. А в январе 2015 г. в Вене разразился крупный скандал. В одном из школьных классов, где почти половину учеников составляли турки, отменили экскурсию в собор

Святого Стефана из опасения, что дети будут себя плохо вести в главном католическом храме страны [Die Kriminalitätswelle...; Dom-Verbot...]. Данный эпизод наглядно свидетельствует о степени уважения многих школьников-иммигрантов к истории и культуре родного государства.

Есть в Вене и свои неблагополучные районы. Так, наибольшее количество преступлений стабильно фиксируется в районе Фаворитен (Вена-10), где процент мусульман выше общегородского (по данным переписи 2001 г., здесь их 11,2% — против 7,8% в среднем по городу). А самые низкие доходы — у жителей района Рудольфсхайм-Фюнфхаус (Вена-15), где доля мусульман наибольшая в столице (14,7%). В 2009 г. репортеры немецкого издания «Die Zeit» провели по нему экскурсию, в ходе которой описали район как центр наркомании и проституции [Volkszählung ... I,II; So (un-)sicher...; Polizei...; Das Schmuddelkind...].

Настоящей проблемой стали массовые драки с участием приезжих. Так, в апреле 2009 г. на баскетбольной площадке лагеря для беженцев в городке Трайкирхен устроили потасовку около 200 выходцев из Чечни и Афганистана. В сентябре 2010 г. в Линце чеченец и турок не поделили девушку, каждому из них на помощь пришли соплеменники и дело закончилось поножовщиной. В марте 2014 г. в городском парке того же Линца выясняли отношения до 40 чеченцев и афганцев. Причину драки никто стражам порядка объяснить не смог, ибо никто из ее участников не говорил по-немецки [В Трайскирхене...; Massenschlägerei ... und Tschetschenen; Massenschlägerei ... Volksgarten].

Примечательно, что на содержание каждого беженца до нынешнего миграционного кризиса австрийские власти выделяли 1400 евро в месяц [Asyl und Migration...]. В итоге их содержание в 2014 г. обошлось примерно в полмиллиарда евро, что является существенной суммой даже для зажиточной Австрии. Но неоднократные инциденты с участием вынужденных переселенцев и мигрантов показывают, что даже крупные затраты на их содержание и программы их интеграции в австрийское общество не дают необходимого результата.

Рост иммигрантского населения, особенно мусульманского, вызывает тревогу у жителей страны. Российский политолог Е.В. Пинюгина обратила внимание на то, что многие австрийцы, согласно исследованиям, весьма настороженно относятся к мусульманам, причем резкий подъем таких настроений пришелся на начало XXI в. 72% коренных австрийцев уверены, что мусульмане плохо вписываются в общество. 71% убеждены, что ислам не имеет ничего общего с демократией. 60% высказались за запрет минаретов, свыше половины — за запрет на ношение платков. 54% жителей Австрии видят в исламе главную угрозу для Европы [Пинюгина].

Результаты опросов и другие данные показывают, что успехи австрийских властей в интеграции выходцев из других стран следует считать относительными. Процент безработных среди иммигрантов выше, чем у коренных австрийцев, а это означает, что среди них и больше тех, кто живет на пособия. Несмотря на все меры по недопущению образования иммигрантских анклавов, предпосылки к их созданию имеются. Районы,

где много выходцев из других стран, относятся к социально неблагополучным. Контролировать ситуацию там в полной мере не удавалось и до событий 2015–2016 гг.

Джихадизм на австрийской почве

Долгое время в Вене не было крупной мечети. Потребность в ней появилась после того, как в городе расположилась штаб-квартира ОПЕК, и в Австрии поселились несколько тысяч выходцев из стран Персидского залива. В 1979 г. на деньги короля Саудовской Аравии на востоке Вены в районе Флоридсдорф возвели Исламский культурный центр, после чего саудовские деньги продолжали течь в Австрию [Цит. По: Трухачёв 21.01.2016].

Постепенно в городе и в стране сформировалась община радикальных исламистов, которые неоднократно давали о себе знать. В 2013 г. в газете «Die Presse» вышла статья о салафитских мечетях Вены, где шел сбор средств в помощь джихадистам, сражающимся в Сирии против войск президента Башара Асада. Часть прихожан была связана с исламистскими кругами Боснии и Герцеговины, а финансирование мечетей осуществлялось из стран Ближнего Востока [Die Salafisten...].

В 2014 г. МВД Австрии сообщило о как минимум 130 гражданах страны, воюющих в рядах «Исламского государства». Один из них, бывший рок-музыкант туниССкого происхождения Фирас Уиди, угрожал родной стране взрывами. Настоящим шоком стал побег в ИГИЛ двух австрийских девушек с боснийскими корнями, в возрасте 15 и 16 лет. Самра Кесминович и Сабина Селимович жили в районе Фаворитен. Перед побегом они написали прощальную записку: «Не ищите нас, мы будем служить Аллаху — и умрем за него, если он захочет». Позднее появилась информация, что они разочаровались в ИГИЛ и попытались бежать из Сирии, но были убиты [ISIS...; Wiener Dschihad...]

История двух школьниц побдила депутатов Национального совета Австрии ужесточить законодательство. В феврале 2015 г. были приняты поправки к «Закону об исламе» 1912 г. Согласно им, государство гарантирует мусульманам уважение к их праздникам и еде в армии, больницах и тюрьмах. Параллельно в Австрии запретили зарубежное финансирование исламских организаций. Кроме того, с 2016 г. в Венском университете началась государственная подготовка и аттестация имамов. Все они отныне обязаны владеть немецким языком. Преподавание в мусульманских учебных заведениях на других языках теперь запрещается [Nationalrat beschließt...; Novelle...].

Принятие поправок в закон более чем вековой давности показывает, что обеспечить должный контроль за происходящим в мечетях в стране, где религия законом отделена от государства, не удалось. Кроме того, правоохранительные органы Австрии не сумели воспрепятствовать пропаганде исламистских идей через Интернет или с помощью печатных материалов.

В Австрии, как и в других государствах Европы, долгое время не обращали особого внимания на источники финансирования мечетей и мусульманских организаций. Меж-

ду тем Саудовская Аравия и еще ряд стран Персидского залива известны тем, что там господствует наиболее радикальный и непримиримый вариант ислама. Подготовленные в этих странах или на их деньги имамы проповедуют вещи, мало совместимые с нормами свободы, демократии и веротерпимости — столпами современного Евросоюза и отдельных его государств.

Значительная часть иммигрантов-мусульман является или ощущает себя социально неустроенной, а именно такие люди считаются питательной средой для экстремистских организаций вроде «Аль-Каиды» и ИГИЛ, создавших в стране свои ячейки. С наплывом беженцев и нелегальных мигрантов, среди которых могут находиться немало экстремистов, удержать приемлемый уровень безопасности стало еще труднее.

Рост влияния несистемных партий

Проблема с приезжими из мусульманских стран давно заняла видное место в политической программе несистемных партий, которые чаще всего называют крайне правыми или право-популистскими. Так, основатель «Союза за будущее Австрии» и многолетний руководитель Австрийской партии свободы Йорг Хайдер в 2008 г. заявлял: «Я выступаю против исламистского фундаментализма. А он все шире расплзается по Европе. Это тревожит... Такое не имеет ничего общего с мирной религией. Это извращенное мышление. Я уверен, что нам в Австрии нужен закон, защищающий от подобного, поэтому нам не надо больше минаретов!» [Цит. по: Трухачев 29.09.2008]

Примерно в том же духе высказывался и нынешний лидер партии Хайнц-Кристиан Штрахе: «Мусульманский платок не простой предмет одежды, а политический символ исламизма, символ унижительного положения женщин». Еще: «Мы нашли смелость сказать об опасных... исламистских тенденциях... Или Европа смирится с собственным закатом, или мы спасем ее вместе». Можно отметить также следующее высказывание, подтверждаемое приведенными выше данными статистики: «У нас... чересчур много представителей различных культур, а в школах чересчур много иностранных детей» [Цит. по: Трухачев 14.02.2011].

В целом отношение австрийского политического класса к массовой иммиграции (особенно мусульманской) всегда было неоднозначным. Так, во время дебатов перед выборами в городской совет Вены 2010 г. на эту тему рассуждали представители пяти партий, представленных в тот момент в национальном парламенте. Лояльнее всех относились к приезжим «зеленые» (Grüne), говорившие о недопустимости поиска среди них преступников. Они призывали расширить права иммигрантов, а также автоматически давать гражданство их детям, родившимся в Австрии [Thema im Wahlkampf...].

Представители социал-демократов (SPÖ) полагали, что необходимо развести вопросы интеграции приезжих и борьбы с преступностью. Они высказались за упрощение правил приема иностранцев на работу и большее внимание к изучению ими немецкого языка. В консервативной Народной партии (ÖVP) также подчеркивали, что иммигрантов нельзя отождествлять с нарушителями закона. В то же время консерваторы счита-

ли, что любой претендент на жительство в Австрии должен сначала выучить немецкий язык. Они также дали понять, что пора ввести запрет на ношение паранджи в общественных местах и образование гетто для приезжих [Thema im Wahlkampf...].

Несистемные партии высказывались значительно жестче. Представители Австрийской партии свободы (FPÖ) требовали безотлагательной высылки из Австрии всех приезжих, совершивших правонарушения, а также настаивали на полном запрете иммиграции из стран Азии и Африки. Члены «Союза за будущее Австрии» (BZÖ) полагали, что Австрии надлежит как можно быстрее восстановить пограничный контроль. Они также предложили ввести для приезжих своего рода балльную систему, с помощью которой можно будет отследить степень их интеграции в общество. Те, кто вписывается в австрийскую действительность плохо, должны подлежать высылке [Thema im Wahlkampf...].

Жаркая полемика разгорелась и при обсуждении вышеупомянутого «Закона об исламе» в феврале 2015 г. Правящая коалиция в составе социал-демократов и консерваторов поддержала документ. «Зеленые» и представители либеральной партии «Новая Австрия» (NeOs) критиковали его за излишнюю жесткость, считая, что закон усилит подозрения в адрес мусульман. Евроскептики из «Списка Штронаха» (Team Stronach) в целом поддержали документ, но призвали распространить его действие и на торговлю халляльной пищей¹.

Жестче всех выступил против закона лидер Австрийской партии свободы Х.-К. Штрахе. Он счел его излишне мягким и призвал вернуться к началу обсуждения. По его мнению, в документе нужно прописать запрет на строительство минаретов, запрет паранджи и проповедей на любом языке, кроме немецкого. В заключение Штрахе сделал однозначный вывод: «Ислам не имеет отношения к Австрии» [Thema im Wahlkampf...].

Итоги как федеральных, так и местных выборов показывают, что проблемы интеграции мусульман (и приезжих в целом) достаточно сильно волнуют австрийских избирателей. На протяжении последних 10–12 лет результаты антииммигрантских партий неизменно идут вверх. На общенациональных выборах 2006 г. за Партию свободы и «Союз за будущее Австрии» голосовали в сумме около 16% избирателей, в 2008 г. — около 28%, а в 2013 г. (если добавить результат евроскептиков Штронаха, ряды которых пополнила часть представителей «Союза за будущее Австрии») — 31%. В Вене на городских выборах крайне правых в 2005 г. поддержали около 16%, в 2010 г. — 27%, а осенью 2015 г. — уже 31% [Ergebnisse bei...; Wiener Gemeinderats...]. А в первом туре выборов президента 24 апреля 2016 г. кандидат от Партии свободы Н.Хофер занял первое место, набрав около 36% голосов избирателей.

В Австрии и прежде имелся довольно высокий процент тех, кто голосует за партии этого направления. Австрийское общество отличается достаточно высокой по меркам

¹ Nationalrat beschließt neues Islamgesetz.

развитых европейских стран долей сельского населения — 66% (75% — в Германии, 79% — во Франции, 86% — в Швеции, 90% — в Нидерландах) [Urban population...].

А сельские жители традиционно более консервативны, нежели горожане, среди них больший процент тех, кто с опаской относится к переменам — в том числе и к изменению национального и религиозного состава населения. Кроме того, сообщения о деятельности радикальных исламистов в Вене, рост мусульманской иммиграции и неудачи курса на интеграцию порождают дополнительную тревогу и склоняют многих избирателей к голосованию за несистемные партии.

Таким образом, иммигрантский вопрос оказывает все большее влияние на расклад политических сил. Примечательно, что эта тенденция наблюдалась еще до недавнего массового наплыва беженцев.

Нападения «по кёльнскому сценарию» и ужесточение риторики властей

В августе 2015 г. в Австрию хлынули сотни тысяч беженцев и нелегальных мигрантов из стран Азии и Африки, прибывавшие из Турции через Грецию, Македонию, Сербию и Венгрию. 28 августа стало известно о страшной находке на шоссе, идущем к Вене от венгерской границы. В одном из фургонов полиция обнаружила тела 71 незаконного мигранта. Немедленно возникла версия, что они намеревались через Австрию проследовать в Германию [Über 70...].

Выступая в парламенте 11 ноября 2015 г., глава МВД Австрии Йоханна Микль-Лайтнер заявила, что на территории страны скопилось 445 тысяч беженцев — тем самым население страны увеличилось за считанные недели на 5%. Перед Новым годом она уточнила, что примерно 80 тысяч из них попросили политическое убежище в Австрии. В таких условиях канцлер Вернер Файманн заговорил о том, что беженцев необходимо перераспределить по всем 28 государствам ЕС [Mikl-Leitner...; Bundesministerin...; Ordnung...].

Резкое обострение иммигрантского вопроса в Европе произошло в первые дни 2016 г. Тогда Европу потрясла серия массовых нападений на женщин со стороны беженцев, прибывших из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Наиболее многочисленные случаи имели место в немецком Кёльне, но похожие сообщения пришли и из Австрии.

Первые нападения беженцев на женщин в Зальцбурге отмечались еще в ночь на 26 декабря 2015 г., когда до 15 выходцев из стран Ближнего Востока напали на двух девушек, возвращавшихся из клуба. А в новогоднюю ночь события развивались по кёльнскому сценарию. Десятки женщин пожаловались на грабежи и сексуальные домогательства, совершенные в самом центре Зальцбурга. Впоследствии полиция установила, что среди нападавших были беженцы из Афганистана и Сирии. Еще одно сообщение о приставаниях и кражах, совершенных выходцами из того же региона, пришло из Вены [Übergriffe auf...; Silvester...].

Как и в случае с Германией, в Австрии ведущие СМИ рассказали о случившемся с опозданием. Соответствующий сюжет из Зальцбурга показали по национальному каналу ORF только 7 января. Этим же числом датируются и сообщения об инцидентах в ведущих газетах страны — «Die Presse» и «Der Standard» [Übergriffe auf...; Silvester...; Sexuelle...].

Первой реакцией канцлера Файманна на случившееся стала критика тех, кто считает беженцев преступниками. По словам канцлера, «расизму не место в Европе». Но уже через несколько дней глава правительства дал понять, что действие Шенгенского соглашения для Австрии «временно прекращается». «Каждый, кто к нам приезжает, должен подвергаться усиленной проверке... Тем, у кого нет права на получение статуса беженца, будет отказано... Если ЕС не сможет защитить внешние границы, то будущее «Шенгена» в целом окажется под вопросом» [Faymann...].

По уточненным данным, за 2015 г. число просителей убежища в Австрии составило 90 тыс., что примерно втрое превысило цифру предыдущего, 2014 года. В таких условиях австрийское правительство объявило о введении квоты на беженцев, в соответствии с которой страна готова ежегодно принимать не более 37,5 тыс. человек. Предельное число искателей убежища в ближайшие четыре года не должно превышать 1,5% населения [Regierung...].

Ужесточение риторики и действий руководства Австрии происходило в период устойчивого роста влияния несистемных партий, в программах которых борьба с массовой миграцией всегда являлась приоритетным пунктом. Теперь часть их лозунгов перехватили и «системные» политики.

Удар по Шенгенской зоне

Еще до слов канцлера Файманна о частичном прекращении действий Шенгенского соглашения Австрия фактически поставила под сомнение принцип прозрачности границ в Евросоюзе. В октябре 2015 г. она усилила контроль на границе с Венгрией и Словенией. С декабря австрийцы и вовсе приступили к строительству специальных заграждений на словенской границе [Verstärkte...; Grenzzaun...]. А 26 января 2016 г. глава МВД Й. Микль-Лайтнер призвала выгнать Грецию из Шенгенской зоны, если та не предотвратит проникновение беженцев далее в Европу. По словам министра, Шенгенская зона «трещит по швам» [Schengen-Rauswurf...].

Австрия, настаивающая на закрытии «балканского маршрута» и уже начавшая снова огораживать свои рубежи, не одинока в проведении подобной политики. Еще в 2015 г. Чехия, Словакия и Венгрия заявили о нежелании видеть у себя беженцев. С начала 2016 г. пограничный контроль возобновили Норвегия, Дания, Швеция, Бельгия, Германия, Франция, Мальта. А 25 января 2016 г. главы МВД государств ЕС предложили минимум на два года всюду вернуть паспортный контроль на границах [Migrant crisis...; Трухачев 09.09.2015]. Тем самым принцип прозрачных границ скоро может остаться в прошлом — по одной из основ Евросоюза нанесен сильнейший удар.

Однако возвращение пограничного контроля едва ли способно решить вопрос с мигрантами. В Европе уже проживает не один десяток миллионов мусульман, часть из них с рождения имеют паспорта стран Евросоюза. Среди них немало тех, кто не в состоянии вписаться в общество, а некоторые и вовсе готовы встать на путь террористической деятельности. Кроме того, более миллиона беженцев уже находятся в Европе, в том числе и в Австрии. И с ними тоже надо что-то делать. Действенного решения данной проблемы не предложили ни канцлер Файманн, ни кто-либо из руководителей других государств.

Стоит отметить: то, что с угрозой прекратить действие Шенгена, поставив под удар одну из основ европейской интеграции, выступила Австрия, заслуживает особого внимания. В жилах австрийцев течет и немецкая, и славянская, и венгерская кровь. Австрийскую империю в какой-то степени можно считать предтечей Евросоюза. Одним из основоположников современной европейской идеи был австрийский граф Рихард Куденхофе-Калерги. Внешней политикой ЕС в 2004–2009 гг. руководила бывшая глава МИД Австрии Бенита Ферреро-Вальднер. Сегодня комиссаром ЕС по расширению является австриец Йоханнес Хан. Кажется, Австрия просто обречена играть роль одного из столпов европейской интеграции. Однако кризис с беженцами превращает ее в государство-евроскептика.

На фоне Австрии картина во Франции, Бельгии или Швеции, где есть иммигрантские гетто и иммигранты-мусульмане уже совершили очень громкие преступления, выглядит еще более тревожной. Австрийский пример можно считать показательным. Но даже в этом, относительно успешном по меркам Западной Европы случае политика мультикультурализма потерпела неудачу.

Литература:

- В Трайскирхене драка между чеченцами и афганцами // Russian Austria. 01.04.2009. URL: russianaustria.com/news/v-traiskirkhen-draka-mezhdu-chechentsami-i-afgantsami (дата обращения: 14.04.2016)
- Пинюгина Е.В. Религиозные основы национальной идентичности и иммиграция: австрийский казус // Портал «Перспективы». 14.02.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/religioznyje_osnovy_nacionalnoj_identichnosti_i_immigracija_avstrijskij_kazus_2014-02-14.htm (дата обращения: 14.04.2016)
- Трухачев В. «Афрозстонцы» и «арабская Варшава»: Почему Восточная Европа не рада мигрантам // Российский совет по международным делам. 09.09.2015. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=6553#top-content (дата обращения: 14.04.2016)
- Трухачев В. Австрия: «антиисламская» передовая Европы // Правда.Ру. 14.02.2011. URL: pravda.ru/world/europe/european/14-02-2011/1065936-osterreich-0/ (дата обращения: 14.04.2016)
- Трухачев В. Австрия: мультикультурализм мертв // Интернет-газета «Столетие». 21.01.2016. URL: stoletie.ru/zarubejje/avstrija_multikulturalizm_mertv_484.htm (дата обращения: 14.04.2016)
- Трухачев В. Успех ультраправых в центре Европы грозит взорвать континент // Правда.ру. 29.09.2008. URL: pravda.ru/world/europe/european/29-09-2008/285133-austria-0/ (дата обращения: 14.04.2016)

- 50.000 Anträge in diesem Jahr // Die Presse. 15.05.2015. URL: diepresse.com/home/politik/eu/4732337/MiklLeitner_Schliesse-weitere-Zelte-nicht-aus?direct=4732585&vl_backlink=/home/politik/innenpolitik/4732585/index.do&selChannel=&from=articlemore (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Abgeordnete zum Nationalrat, die derzeit ein Mandat innehaben // Republik Österreichs. Parlament. URL: parlament.gv.at/WWER/NR/AKT/#46799004 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Arbeitslose (nationale Definition) // Statistik Austria. URL: statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/arbeitsmarkt/arbeitslose_arbeitssuchende/arbeitslose_nationale_definition/index.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Asyl und Migration: Lösung „wird uns viel Geld kosten“ // Die Presse. 27.07.2015. URL: diepresse.com/home/politik/innenpolitik/4785762/Asyl-und-Migration_Losung-wird-uns-viel-Geld-kosten (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Bundesministerin für Inneres Mag. Johanna Mikl-Leitner in Nationalrat. 11.11.2015 // Parlament Österreichs. URL: parlament.gv.at/pd/stvorwww/XXV/NRSITZ/NRSITZ_00100/A_-_14_53_47_Bundesministerin_fur_Inneres_Mag__Johanna_Mikl-Leitner.pdf (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Das Schmuttelkind von Wien // Die Zeit. 12.11.2009. URL: zeit.de/2009/47/A-15ter-Bezirk (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Daten und Fakten — Wiener Bevölkerung nach Migrationshintergrund // Wien Magistrat. URL: wien.gv.at/menschen/integration/grundlagen/daten.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Die düsteren SMS der Wiener Dschihad-Mädchen // News.At. 02.05.2014. URL: news.at/a/gotteskriegerinnen-sms-wiener-dschihad-maedchen (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Die Kriminalitätswelle rollt munter weiter! // Wiener Zeitung. 27.11.2009.
- Die Salafisten aus Wien Favoriten // Die Presse. 13.10.2013. URL: diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/1463917/Die-Salafisten-aus-Wien-Favoriten (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Dom-Verbot für Muslime: Stadtschulrat schreitet ein // Kurier. 05.01.2015. URL: kurier.at/chronik/wien/dom-verbot-fuer-muslime-stadtschulrat-schreitet-ein/106.399.267 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Ein Fünftel der Schüler hat nicht Deutsch als Muttersprache // Die Presse. 10.03.2015. URL: diepresse.com/home/bildung/schule/4681726/Ein-Funftel-der-Schuler-hat-nicht-Deutsch-als-Muttersprache (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Ergebnisse bei den Nationalratswahlen 2013 // Nationalratswahlen in Österreich. URL: nationalratswahl.at/ergebnisse.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Faymann will schärfere Grenz-Kontrollen // OE.24. 16.01.2016. URL: oe24.at/oesterreich/politik/Faymann-will-schaerfere-Grenz-Kontrollen/220120400 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Grenzzaun: Österreich zahlt 330.000 € Miete // Heute.At. 11.12.2015. URL: m.heute.at/news/oesterreich/art23655,1242372 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Hohe Arbeitslosigkeit unter Migranten — 19.01.2014 // ORF.at. URL: volksgruppen.orf.at/diversitaet/hfh/stories/2626042/ (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Integration: Die bösen Moslems. Religiöse Fanatiker, entmündigte Frauen & Töchter? // Der Profil. 20.05.2006. URL: profil.at/home/integration-die-moslems-religioese-fanatiker-frauentochter-141124 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- ISIS-Krieger Firas H. droht jetzt Österreich // OE.24. 01.09.2014. URL: oe24.at/oesterreich/chronik/wien/ISIS-Krieger-Firas-H-droht-jetzt-Oesterreich/156294052 (behandlungsdatum 13.04.2016)

- Islam in Österreich // Wikipedia. URL: de.wikipedia.org/wiki/Islam_in_%C3%96sterreich#Islamische_Organisationen_in_%.C3.96sterreich (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Islamgesetz 1912 // Islamische Gemeinschaft in Österreich. URL: derislam.at/?c=content&cssid=Islamgesetz_1912&navid=886&par=10 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Jahresdurchschnittsbevölkerung seit 1961 nach Bundesland — Ausländer // Statistik Austria. URL: statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/bevoelkerungsstand_und_veraenderung/bevoelkerung_im_jahresdurchschnitt/022314.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Jahresdurchschnittsbevölkerung seit 1961 nach Geschlecht und Staatsangehörigkeit // Statistik Austria. URL: statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/bevoelkerungsstand_und_veraenderung/bevoelkerung_im_jahresdurchschnitt/022309.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Kronen Zeitung. 13.03.2016.
- Massenschlägerei zwischen Tschetschenen und Afghanen in Linzer Volksgarten // unzensuriert.at. 23.03.2014. URL: unzensuriert.at/content/0015083-Massenschl-gerei-zwischen-Tschetschenen-und-Afghanen-Linzer-Volksgarten (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Massenschlägerei zwischen Türken und Tschetschenen // nachrichten.at. 12.09.2010. URL: nachrichten.at/oberoesterreich/Massenschlaegerei-zwischen-Tuerken-und-Tschetschenen;art4,460714 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Migrant crisis: EU seeks more controls for Schengen borders // BBC. 25.01.2016. URL: bbc.com/news/world-europe-35400495 (date of access: 13.04.2016)
- Migration: 40.000 Asylwerber prognostiziert // Die Presse. 17.04.2015. URL: diepresse.com/home/panorama/welt/4711280/Migration_40000-Asylwerber-prognostiziert?_vl_backlink=/home/panorama/welt/index.do (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Mikl-Leitner: Nicht warten, sondern handeln // Bundesministerium für Inneres. 29.11.2015. URL: bmi.gv.at/cms/bmi_asyl_betreuung/_news/bmi.aspx?id=646543666330552B6364553D&page=0&view=1 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Muslime in Österreich // Der Standard. 12.09.2014. URL: derstandard.at/2000005451456/Muslime-in-Oesterreich (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Nach Vergewaltigung in Innsbruck: 18-jähriger Asylwerber festgenommen // Der Standard. 03.03.2016. URL: derstandard.at/2000032238959/Nach-Vergewaltigung-in-Innsbruck-18-jaehriger-Asylwerber-festgenommen (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Nationalrat beschließt neues Islamgesetz // Parlament Österreichs. 25.02.2015. URL: parlament.gv.at/PAKT/PR/JAHR_2015/PK0152/index.shtml (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Novelle nach 103 Jahren // ORF. 25.02.2015. URL: orf.at/stories/2266590/2266591/ (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Ordnung und Menschlichkeit vereinbaren // SPÖ. 11.01.2016. URL: spoe.at/story/ordnung-und-menschlichkeit-vereinbaren (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Polizei entlarvt Wiens gefährlichste Bezirke // Heute.at. 26.08.2015. URL: m.heute.at/news/oesterreich/wien/art23652,1203264 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Prokop: 45 Prozent der Muslime nicht integrationswillig // Der Standard. 13.05.2006. URL: derstandard.at/2445751/Prokop-45-Prozent-der-Muslime-nicht-integrationswillig (behandlungsdatum 13.04.2016)

- Regierung will heuer nur 37.500 Flüchtlinge aufnehmen // Die Presse. 20.01.2016. URL: diepresse.com/home/politik/innenpolitik/4908257/Regierung-will-heuer-nur-37500-Fluechtlinge-aufnehmen?_vl_backlink=/home/index.do (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Registrierte Moscheen // Islamische Gemeinschaft in Österreich . URL: derislam.at/?c=content&p=suchen_moschee&v=vereine&cssid=Moscheen&navid=420&par=40&cssid=Moscheen&navid=1175&par=40 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Schengen-Rauswurf: Griechen über Mikl-Drohung empört // Kurier. 23.01.2016. URL: kurier.at/politik/eu/schengen-rauswurf-griechen-ueber-mikl-drohung-empoert/176.695.505 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Sexuelle Übergriffe Salzburg // ORF. 07.01.2016. URL: youtube.com/watch?v=UVFGdZK3-SQ (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Silvester: Auch in Österreich sexuelle Übergriffe // Die Presse. 07.01.2016. URL: diepresse.com/home/panorama/oesterreich/4899860/Silvester_Auch-in-Oesterreich-sexuelle-Uebergriffe (behandlungsdatum 13.04.2016)
- So (un-)sicher ist Ihr Bezirk // Kurier. 05.09.2013. URL: kurier.at/chronik/wien/kriminalstatistik-so-un-sicher-ist-ihr-bezirk/25.431.044 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Statistisches Jahrbuch Österreichs 2016 // Statistik Austria. URL: statistik.at/wcm/idc/k02de99.pdf?IdcService=GET_PDF_FILE&dDocName=054401 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Thema im Wahlkampf — Migration // ORF. 17.09.2010. URL: wiev1.orf.at/stories/468503 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Tschetschenen: Asyl wird restriktiver Community // Wiener Zeitung. 05.08.2014. URL: wienerzeitung.at/nachrichten/oesterreich/politik/230644_Tschetschenen-Asyl-wird-restriktiver.html?em_cnt=230644 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Türken in Österreich — drittgrößte Community // Wiener Zeitung. 05.08.2014. URL: wienerzeitung.at/nachrichten/wien/stadtleben/650093_Tuerken-in-Oesterreich-drittgroesste-Community.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Über 70 tote Flüchtlinge im Burgenland: Mikl-Leitner will Anlaufstellen an EU-Grenze // Der Standard. 28.08.2015. URL: derstandard.at/2000021354835/Offenbar-mehrere-tote-Fluechtlinge-in-Schlepperfahrzeug-auf-A4 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Übergriffe auf Frauen in Salzburg, eine Anzeige in Wien // Der Standard. 07.01.2016. URL: derstandard.at/2000028620344/Mehrere-Uebergriffe-auf-Frauen-in-der-Stadt-Salzburg (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Urban population (% of total) // The World Bank. URL: data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS (date of access: 13.04.2016)
- Verstärkte Kontrollen an Grenze zu Slowenien // Kurier. 17.10.2015. URL: kurier.at/politik/eu/nach-ungarn-sperre-verstaerkte-kontrollen-an-grenze-zu-slowenien/159.002.697 (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Volkszählung 2001 Hauptergebnisse I, II — Wien // Statistik Austria. URL: statistik.at/web_de/nomenu/suchergebnisse/index.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Von Schiltz Ch.B., Tauber A. "Balkanroute bleibt geschlossen und zwar dauerhaft" // Die Welt. 10.03.2016. URL: welt.de/politik/ausland/article153131877/Balkanroute-bleibt-geschlossen-und-zwar-dauerhaft.html (behandlungsdatum 13.04.2016)
- Weiterhin Rekordarbeitslosigkeit in Österreich // Wirtschaftsblatt. URL: wirtschaftsblatt.at/home/nachrichten/newsletter/4723061/Weiterhin-Rekordarbeitslosigkeit-in-Oesterreich-Ende-April-419875 (behandlungsdatum 13.04.2016)

Wiener Dschihad-Mädchen tot? // News.at. 25.11.2015. URL: news.at/a/samra-kesinovic-is-erschlagen (behandlungsdatum 13.04.2016)

Wiener Gemeinderats- und Bezirksvertretungswahlen // Wien Magistrat. URL: wien.gv.at/politik/wahlen/grbv/ (behandlungsdatum 13.04.2016)

Zulehner P.M. Religion im Leben der Österreicherinnen 1970–2010 // Paul M. Zulehner. URL: zulehner.org/site/forschung/religion/article/347.html (behandlungsdatum 13.04.2016)

УДК 008; 304; 327

ХАУКЕ РИТЦ

Утраченное культурное единство Большой Европы и новая холодная война

Аннотация. В XIX в. весь европейский континент, включая Россию, был в культурном отношении неразделим. Это единение опиралось на общность духовных основ — особое, европейское, понимание истории и искусства. Что же развело пути развития Запада и Востока Европы в наше время? Почему сегодня, через 25 лет после падения Берлинской стены, их отношения зашли в тупик? Суть проблемы в том, что с начала холодной войны Запад пережил колоссальную культурную трансформацию, которая серьезно затронула две главные составляющие европейской культуры. Культурная составляющая западной экспансии больше не связана с классическими европейскими традициями. Напротив, она представляет систему ценностей нового типа.

Ключевые слова: Большая Европа, европейская культура, европейская цивилизация, культурное единство Европы, холодная война, Запад и Восток, трансформация культуры.

Очевидно, что совокупный вес Европы в мире неуклонно сокращается. И конфликт внутри самой Европы может лишь ускорить этот процесс. Кроме того, нельзя допустить, чтобы континент, переживший столько войн в прошлом, вновь утратил стабильность и, возможно, даже стал ареной Третьей мировой войны. Вот почему идея Большой Европы важна как никогда. Но как бы безотлагательна она ни была, приходится признать, что о «Европе от Лиссабона до Владивостока» чаще всего говорят так, будто никто по-настоящему не верит в это понятие.

К примеру, если западные политики обсуждают идею Большой Европы, они обычно имеют в виду исключительно продвижение на Восток западной политической системы и западных культурных ценностей. И в основном речь идет о политической системе, построенной на Западе после Второй мировой войны. При этом там редко раздумывают над тем, что Россия — в силу культурных особенностей, о которых я скажу позже — просто не может принять эту концепцию.

Нечто подобное происходит и с российской стороны. Здесь идею Большой Европы представляют как сугубо прагматические отношения, основанные на экономических интересах, либо как отношения, уходящие корнями в классическую европейскую культурную традицию. Однако ни то, ни другое не находит понимания на Западе. Европей-

Сведения об авторе: Ритц Хауке — немецкий философ и политолог, доктор философии по философии истории, приглашенный лектор факультета глобальных процессов МГУ, участник форума «Петербургский диалог»; hauke-ritz@versanet.de.

ские политики предпочитают не слышать отсылок к старым традициям — ведь Европа отказалась от этих традиций под влиянием Америки. Идея чисто прагматических экономических связей также не встречает отклика, потому что после 1989 г. геополитически влиятельные круги Запада сформулировали для себя масштабную стратегию, далеко выходящую за пределы экономики и имеющую колоссальные последствия для культуры. Но культурная составляющая западной экспансии больше не связана с классическими европейскими традициями. Напротив, теперь она представляет систему ценностей нового типа, которая выросла из поп- и лайфстайл-культуры, возникшей на Западе начиная с 1968 г.

Надежды Москвы на то, что Запад в какой-то момент осознает взаимные экономические интересы, связывающие его с Россией, понятны. Однако, чтобы дожить до этого, России крайне важно понять, что на самом деле представляет из себя западный мир. В частности, в современной западной политике есть псевдорелигиозные мотивы, к которым доводы разума неприменимы. И вся эта риторика об «избранном» западном мире в ближайшее время никуда не исчезнет.

Таким образом, разговоры о Большой Европе в большинстве случаев ведутся заведомо не всерьез. В обозримом будущем ни Россия не станет частью Запада, ни Запад не сможет, да и не захочет, смотреть на вещи под другим углом. Мы находимся в тупике, и признать это значит быть реалистом. Но это не повод, чтобы унывать или отчаиваться. Вполне возможно, еще настанет время, когда перспектива Большой Европы станет реальной. А сегодня важнее сосредоточиться на вопросе, как взаимоотношения России и Запада зашли в этот тупик.

Прежнее культурное единство Европы

Если вернуться на некоторое время назад, можно увидеть, что культурное единство Большой Европы — вовсе не недостижимый идеал, а нечто реально существовавшее. В XIX в. весь европейский континент был в культурном отношении неразделим. Революционный порыв того времени не обошел стороной ни одну из европейских наций. Жаркие споры о философии XVIII–XIX вв. велись повсюду от Москвы до Лиссабона. Произведения французской и немецкой литературы читали и анализировали в России, русскую литературу ценили в Центральной Европе. Кажется, континент существовал как единый организм, и изменения в одной его части вскоре сказывались во всех остальных. Так длилось на протяжении как минимум столетия, от Венского конгресса до начала Первой мировой войны. Томас Манн запечатлел эту эпоху единой европейской культуры в романе «Волшебная гора», где в интернациональной атмосфере швейцарского санатория европейцы всех мастей вели философские дискуссии о будущем Европы.

Существует ли сегодня хоть какая-то возможность вновь найти общий язык, на котором говорила Европа тогда?

Чтобы понять это, необходимо ответить на другой вопрос: какие духовные традиции в первую очередь определяли европейское единение? Бесспорно, русская революция

1917 г., последующий подъем фашизма в Центральной Европе и, наконец, холодная война развели пути развития Востока и Запада. Что же случилось с нами на этих разных путях? Почему сегодня, через 25 лет после падения Берлинской стены, мы оказались там, где мы есть?

Мой тезис заключается в следующем. За годы холодной войны Запад пережил колоссальную культурную трансформацию, которая серьезно затронула две главные составляющие европейской культуры. Не осознав этот факт, вести разговоры о Большой Европе бесполезно.

Две главные составляющие европейской культуры

1. История

Очень часто мы смотрим на европейскую культуру изнутри. И тогда нам кажется, что республиканские ценности и права человека — краеугольный камень европейской культуры. Но если отступить на несколько шагов и посмотреть на историю Европы извне, станут очевидны другие важнейшие черты. На мой взгляд, наиболее удивительными, выдающимися особенностями европейской культуры — теми, благодаря которым Европа останется в веках, — являются европейское понимание истории и европейское понимание искусства. Другие элементы — республиканские ценности, верховенство закона — тоже неотъемлемы от европейской культуры. Но эти черты не уникальны. Похожие формы организации встречаются не только в Европе.

В плане истории европейцев отличает особое восприятие времени. Это — линейное восприятие, которое изначально возникло в иудейской религии и затем в течение 2000 лет утверждалось христианством. Время понимается как история Спасения, имеющая начало и конец. Начало — исход евреев из Египта, конец — приход Мессии. Или же начало — распятие и воскресение Христа, а конец — его второе пришествие в день Страшного Суда. Или русская либо французская революция — и затем окончательная победа революционных идей. Что считать началом, а что концом, может определяться по-разному. Понимание может быть религиозным или секулярным: центральной идеей может быть спасение или прогресс. Однако то, что история представляется линейным процессом и человеческая жизнь должна играть свою роль в этом движении, есть незаменимая краеугольная основа европейской культуры [Taubes, 1947].

Люди многих культур пытались найти связь между собой и вечностью. Но пути такого поиска в разных культурах неодинаковы. У народов Азии часто практикуется способ существования, предписывающий отстранение от всего скоротечного. В европейской культуре, по существу, люди заняты прямо противоположным, пытаюсь нащупать связь с вечностью через непостоянство. Представители азиатских культур часто пытаются бежать от пут земной суеты, например с помощью медитации. В Европе же получил развитие иной подход: земная жизнь здесь воспринимается как должное, и борьба с земными путями возможна лишь в пределах самой этой жизни. Европейская цивилизация выработала традицию, в которой преодолевалось противоречие вечного и смертного.

Человек, воспитанный в европейской традиции, стремится приобщиться к вечности, вовлекаясь в быстротечность времени, видит в мимолетности всех явлений свершение истории в ее целостности, с ее началом, концом и общим смыслом [Heinrich, 1982].

Как Иисус несет свой крест, как верующий христианин несет в себе всю боль и скорбь земной жизни, так европейская культура несет крест самой истории, какой бы мимолетной и несовершенной ни казалась реальность текущего времени. Не случайно именно Европа подвигла другие народы войти в историческое измерение [Löwith]. Многие из них жили в почти доисторической системе, в которой время уподоблялось бесконечному вращению колеса. Приход европейцев часто приносил этим народам множество бед: геноцид, болезни, рабство, разрушение местного уклада и традиций. Однако, нередко действуя жестоко и грубо, европейцы вместе с тем помогли этим народам осознать историческое измерение и войти в него. Тот факт, что Европа дала толчок историческому развитию, является несомненной заслугой европейской культуры перед человечеством, несмотря на оборотную сторону, которую мы все сегодня признаем.

Восприятие времени, присущее европейской культуре и позволившее Европе сыграть в истории такую роль, разумеется, отразилось также на политическом устройстве нашего континента. В этой связи можно упомянуть такие (часто неверно употребляемые) термины, как «демократия» и «республика». Однако необходимо отметить, что в основе лежит именно европейское восприятие времени и истории. Без него никакой западной политической культуры вообще бы не было [Taubes, 1993]. Поэтому объявить конец истории, как это сделал Френсис Фукуяма в 1989 г. [Fukuyama], и одновременно сослаться на республиканскую систему ценностей — это либо глупость, либо подмена понятий.

2. Искусство

Другая важная составляющая европейской культуры связана с искусством. Почему именно с искусством? Дело в том, что в большинстве других культур искусство понимается во многом иначе, чем в Европе. Там искусство либо играет декоративную роль, либо является частью религиозного культа. Только в Европе искусство было удостоено иного назначения. Только здесь художественное творчество стало восприниматься как отдельный способ передачи знания. Искусство, наряду с философией, естествознанием и богословием, стало одной из почитаемых областей учености. Ничего подобного не было ни в одной другой культуре [Heinrich Der Untergang...].

Сегодня можно сказать, что это определило вектор развития европейской культуры в целом. Ведь мысль, выраженная в искусстве, менее логична, однако именно потому гораздо более характерна и самобытна, чем знание, высказанное в научной или даже философской форме [Adorno, 1995]. Благодаря своему особому значению, искусство помогло сгладить негативные последствия научно-технической революции с ее жестко-технологичным и сугубо прикладным подходом к действительности.

Европейское восприятие искусства оказалось еще и противовесом упадку христианской религии, переживавшей глубокий кризис в связи с научно-технической ре-

волюцией. Таким образом, можно утверждать, что европейское искусство, с момента своего зарождения и до недавнего прошлого — по крайней мере до середины XX в., — играло роль спасательной шлюпки для христианской системы ценностей, поскольку христианство было попросту слишком важно для цивилизации, чтобы забыть о нем, но и слишком своеобразно, чтобы стать доказанным фактом в научно-ориентированной культуре, получившей развитие в эпоху модерна [Adorno Zum Ende, 1997, s. 283].

Вот почему с периода Возрождения до XIX в. мы видим взлет феномена, названного Гегелем «Kunstreligion» («религия искусства»), когда произведение искусства и мастер, его создавший, становятся предметом культа, подобного религиозному. Это религиозное отношение к искусству, вместе с появившимся тогда же понятием философии истории, объединило европейскую культуру — впервые после Великого церковного раскола 1054 г. А первый вариант того, что мы называем Большой Европой, возник в XVIII в. и существовал до начала XX столетия, объединяя пространство от Иберийского полуострова до российского Дальнего Востока. Происходившее было, по сути, секуляризацией христианства и потому неразрывно связано с христианством. Если Бог стал человеком в теле Иисуса Христа, значит и человек несет в себе нечто божественное. А значит и человек может стать создателем — хотя бы произведения искусства [Götter...]. К тому же произведение искусства само по себе виделось частью откровения, поскольку оно открывало божественную природу языка, который Бог, с его способностью творить изреченным словом, оставил своим творениям.

Именно эта вера лежала в основе религиозного почитания искусства, охватившего всю Европу. Подобное отношение было особенно характерно для областей, исповедовавших православное христианство, где иконография еще раньше внесла свою лепту в общее понимание взаимоотношений Господа с его творением. Мысль о том, что божественное может проявиться в произведении искусства, здесь была гораздо привычнее, чем там, где главенствовали католическая и, в особенности, протестантская церкви. Этим объясняется и тот факт, что связи России с Европой, установленные во времена Петра I, поддерживались, в частности, путем взаимного обмена произведениями искусства, музыки и литературы.

Провал экспансии европейской культуры на Запад

Ключевой вопрос нашего времени заключается в том, бесследно ли исчезла эта традиция, оставив о себе лишь память, подобно древнему миру, или ее можно хотя бы частично возродить. Ведь если традиция не может быть восстановлена, значит, культурное единство европейского континента в обозримом будущем недостижимо. Республиканские ценности как таковые — несмотря на то, что политики то и дело на них ссылаются — не смогут стать объединяющей основой.

Прежде всего, эти ценности даже на Западе остались не более чем фасадом [Crouch]. В последние десятилетия западный мир произвел над собственными народами мно-

жество психологических операций [Ganser]. Более того, сегодня он вполне открыто отрицает право на частную жизнь. Поэтому западный мир уже не может с полным основанием представлять себя воплощением республиканских ценностей. Европа и, в особенности, Соединенные Штаты уже вошли в постреспубликанскую эру. И даже если эти ценности все еще существуют, без европейского понимания истории и искусства они теряют опору [Taubes Theologie...].

Что же произошло с этими краеугольными камнями европейской культуры? Почему они были в целостности в начале XX в., но не сохранились к концу столетия? Ответ нужно искать, в частности, в истории холодной войны.

Для понимания того, что произошло, необходимо осознать, что Европа с географической точки зрения имеет два крыла. Россия — крыло европейской культуры на Востоке, США — на Западе. Восточная экспансия происходила под глубоким влиянием православного христианства, наследия Византии, в то время как западная — под влиянием кальвинистского варианта протестантизма.

Несмотря на то, что Россия — многоэтническое государство, в этой стране сложилась культура, очень похожая на культуры традиционных европейских национальных государств, таких как Франция и Германия. Соединенные Штаты, напротив, никогда не являлись настоящим национальным государством, с самого начала будучи плавильным котлом наций. Так что американская культура не могла развиваться во внутренне сложную систему, столь типичную для европейских национальных государств, включая Россию. Более того, американская культура возникла из необходимости создания общей основы, способной объединить миллионы иммигрантов из разных стран. Этой общей основой стала так называемая американская мечта, в сущности — форма индивидуализма, сложившаяся под воздействием кальвинистской веры в то, что Бог заранее определил, кто спасется, а кто попадет в ад. К тому же американское государство создавалось приблизительно тогда же, когда формировался капитализм в его современном виде. Поэтому докапиталистических ценностей, способных уравновесить огромное влияние капитализма на культуру, там было слишком мало. Можно сказать, что американская культура стала первой в мире поистине капиталистической культурой [Adorno, 1969].

Все это оказало воздействие на ранее упомянутые главные составляющие европейской культуры в США. Европейское восприятие искусства там так до конца и не прижилось, несмотря на то, что начало XIX в. было в этом смысле многообещающим. Европейское отношение к истории также не утвердилось. Вместо этого, протестантские церкви, поддерживающие ярко выраженный индивидуализм, проложили дорогу сугубо приватной интерпретации христианской истории спасения. Наконец, сама по себе молодость американского государства вкупе с географической изолированностью континента привели к тому, что история не осознавалась американцами как мировая реальность. Таким образом в XX в. в США утвердилась культура, вообще не имеющая прочной связи с историей и нацеленная, по-видимому, на жизнь в постоянном настоящем, а не в линейной концепции времени [Taubes, 1988].

Трансформация европейской культуры в период холодной войны

Когда американцы пришли в Западную Европу после Второй мировой войны, они обнаружили, что европейское понимание истории и времени им не знакомо. Более того, они столкнулись с тем, что подобное философское и политическое видение истории тесно переплеталось с набирающим обороты рабочим движением, с социалистической и коммунистической идеологией. Коммунистические партии в Италии и Франции, профсоюзы и социалистические партии в других странах в то время обладали большим влиянием и глубокими корнями в обществе. Учитывая геополитическую ситуацию, совершенно естественно, что США видели в этих объединениях потенциальную «пятую колонну» Советского Союза. Они начали искать способ сдержать рабочее движение.

Для этих целей был основан ряд организаций культурной направленности. Одной из них стал Конгресс за свободу культуры, в значительной степени определявший американскую культурную политику в Западной Европе на протяжении первых 20 лет холодной войны и тайно финансировавшийся ЦРУ [Saunders]. Среди основных задач организации были создание и поддержка нового левого движения, не связанного с социалистическим и коммунистическим видением мира. Некоммунистические левые силы стали реальностью на втором этапе холодной войны. Левые начали все больше заниматься проблемами защиты окружающей среды, прав человека, критики консервативных пережитков, сексуальной либерализации, равноправия сексуальных меньшинств, феминизма, борьбы против дискриминации и пр. [Gottfried, 2005] Многие из этих вопросов на самом деле давно являлись частью левого дискурса. Однако теперь они стали краеугольным камнем политической идентичности левых, а социальные вопросы, которым прежде отводилось центральное место, утратили свое значение.

Мы видим, что подобный культурный сдвиг произошел и в искусстве. Конгресс за свободу культуры тратил немалые суммы на финансирование и поддержку новых направлений в искусстве, которые ценились как выражение индивидуальной свободы в капиталистическом обществе. Одним из таких направлений, получившим щедрую поддержку от ЦРУ, был абстрактный экспрессионизм, продвижением которого занимались Музей современного искусства и выставка современного искусства «Документа» (*documenta* — ред.) в Касселе¹. Абстракция здесь возобладала настолько, что вопрос о соотношении формы и содержания отпадал. В абстрактный экспрессионизм было уже невозможно вкладывать политический смысл. В этом течении ярко проявилось то, как современное общество переосмыслило идею свободы, которая теперь считается сугубо частным делом [Seppmann].

Помимо искусства, объектом американской культурной политики в период холодной войны стала философия. В 1970–1980 годах главенствовали теории, отрицавшие философский смысл истории. Сама традиция философии истории теперь подвергалась постоянной критике со стороны нового поколения философов-постмодернистов, ут-

¹ ... documenta. Mode of access: <http://www.documenta.de/#> (date of access: 20.04.2016).

верждавших, что история закончилась, как и эпоха великих нарративов. Многие из них отвергали не только идеологию марксизма, но и лежавшие у ее истоков гносеологические принципы: например, то, что история может рассматриваться как линейный процесс, что исторический прогресс в принципе возможен, что история может иметь субъект, будь то рабочий или интеллектуальный класс. Наконец, даже идеи справедливости и истины применительно к истории были оспорены. Утверждалось, что все эти идеи в конечном итоге ведут в ГУЛАГ [Lyotard].

Гносеологическая атака на марксизм, надо сказать, была успешной: она способствовала пониманию того, что марксизм устарел, что в конечном итоге привело к перестройке в СССР [Zinoviev]. Однако в процессе атаки на исторические концепции разрушению подверглись, наряду с гносеологическими истоками марксизма, и гносеологические основы философии Просвещения. Более того, этот поток критики поставил под сомнение весь процесс секуляризации религии, когда-то связавший современность с христианским наследием [Taubes *Zur Konjunktur...*]. Как следствие, европейская культура в последние десятилетия демонстрирует все более негативное отношение к собственной истории и традициям [Gottfried, 2002]. Сегодня в Европе мы наблюдаем ситуацию, когда к другим религиям порой относятся с большим уважением, чем к христианству.

Все это позволяет утверждать, что экспансия европейской культуры на запад, в США, не увенчалась успехом. Она не привела к расширению европейского культурного пространства. Напротив, в Северной Америке возник новый тип культуры, заданной капитализмом, — культуры, которую уже нельзя считать европейской. И в силу своего отличия этот новый тип культуры становится со временем все более враждебным по отношению к главным чертам европейской культуры.

Одним из итогов Второй мировой войны стало американское присутствие в Западной Европе. Преступления нацистов, а также холодная война дали американцам предлог, чтобы проникнуть вглубь европейской культуры и трансформировать ее. В наши дни эта трансформация достигла такого уровня, что культурный фундамент и культурное сознание Европы оказались в серьезной опасности и близки к окончательному исчезновению. Только ощутимое снижение американского влияния вместе с новым Просвещением, с учетом прошлого опыта, способны остановить этот процесс. В противном случае культурное разделение Европы, одна часть которой трансформируется под влиянием США, а другая, восточная, поддерживает суверенитет, достаточный для сохранения своих традиций, — такое разделение будет увековечено.

Уже сейчас мы являемся свидетелями того, какие трагические последствия несет утрата двух краеугольных камней европейской культуры. Фактически она ведет к так называемому технологическому нигилизму, когда методы управления природой переносятся на управление человеком и обществом в целом. Когда человек рассматривается всего лишь как «оттиск» природы и заслуживает соответствующего отношения. А вследствие этого высшее измерение человеческой жизни и культуры, когда-то сформированное христианством, снова оказывается утеряно.

Россия как единственная значительная европейская страна, не входящая в НАТО, до сих пор успешно отражала американские попытки проникновения в культурную сферу. Время покажет, сможет ли она избежать в культурном отношении участи остальной Европы. Если ей это удастся, Россия станет своего рода Ноевым ковчегом для всей европейской культуры.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной

Литература:

- Adorno Theodor W.* Ästhetische Theorie. Frankfurt a. M., 1995.
- Adorno Theodor W.* Kulturindustrie — Aufklärung als Massenbetrug // Dialektik der Aufklärung — Philosophische Fragmente. Frankfurt a. M., 1969.
- Adorno Theodor W.* Zum Ende // Minima Moralia. Frankfurt a. M., 1997.
- Crouch Colin Post — Democracy. Washington, D.C. 2004.
- Fukuyama Francis The End of History // The National Interest. Summer 1989.
- Ganser Daniele NATO Geheimarmeen in Europa — Inszenierter Terror und verdeckte Kriegsführung. Zürich, 2008.
- Gottfried Paul Edward Multiculturalism and the Policy of Guilt — Towards a Secular Theocracy. Columbia/London, 2002.
- Gottfried Paul Edward The Strange Death of Marxism — The European Left in the New Millennium. Columbia, 2005.
- Heinrich Klaus Der Untergang von Religion und Kunst in Wissenschaft // Floß der Medusa. Frankfurt a. M., 1995.
- Heinrich Klaus Götter und Halbgötter der Renaissance // Floß der Medusa. Frankfurt a. M., 1995.
- Heinrich Klaus Parmenides und Jona — Ein religionswissenschaftlicher Vergleich // Parmenides und Jona — Vier Studien über das Verhältnis von Philosophie und Mythologie, Frankfurt a. M., 1982.
- Löwith Karl Weltgeschichte und Heilsgeschehen // Sämtliche Schriften. Bd. 2. Stuttgart, 1983.
- Liotard Jean-François Randbemerkungen zu den Erzählungen // Postmoderne und Dekonstruktion. Stuttgart, 1990. S. 49.
- Saunders Francis Stonor Who Paid the Piper — the CIA and the Cultural Cold War. London, 1999.
- Seppmann Werner Ästhetik der Unterwerfung — Am Beispiel der Documenta. Hamburg, 2013.
- Taubes Jacob Abendländische Eschatologie. Bern, 1947.
- Taubes Jacob Ästhetisierung der Wahrheit im Posthistoire // Streitbare Philosophie, Margherita von Brentano zum 65. Geburtstag. Berlin, 1988.
- Taubes Jacob Die Politische Theologie des Paulus. München, Paderborn, 1993.
- Taubes Jacob Theologie und politische Theorie // Vom Kult zur Kultur. München, 1996.
- Taubes Jacob Zur Konjunktur des Polytheismus // Vom Kult zur Kultur. München, 1996.
- Zinoviev Alexander Global Suprasociety and Russia. Moscow, 1999.

УДК 140.8; 316

ДАРИО ЧИТАТИ

**Европа не есть Запад: интересы, ценности
и идентичность в европейской традиции**

Аннотация. Автор прослеживает генеалогию современного общества, в котором между интересами и ценностями образовался непреодолимый разрыв. Кризис ценностей определяется тем, в каком соотношении индивидуальный интерес и общие ценности находятся со сферой обязательств, обычаев и исторической идентичности. В англо-саксонских культурах именно интерес получил признание как основополагающий принцип, а противостояние противоположных интересов считается мерой социальной и цивилизационной развитости. Сегодня это представление предлагается всему миру как единственно верное. Общественные формы и институты, опирающиеся на него, отождествляются с демократическими. На самом деле противостояние интересов и индивидуалистическая свобода по-западному являются сущностью не демократии которая может воплощаться и в иных формах, а лишь западной либеральной модели управления обществом. Также эти принципы не исчерпывают ни понимания свободы, ни тем более идентичности Европы. Возможно ли повернуть тенденцию вспять и вернуть шкалу ценностей в центр современного общества? Автор выделяет три направления такого процесса.

Ключевые слова: категория «ценности», категория «интерес», ценностный кризис, современное общество, ценностный релятивизм, идентичность Европы, Запад и Восток, возрождение традиций.

If there is one thing worse than the modern weakening
of major morals it is the modern strengthening of minor morals

Нынешнее укрепление третьестепенных запретов еще хуже,
чем ослабление запретов первостепенных.

(Честертон Г. К., *Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе.* СПб. 2000.)

La vida humana, por su naturaleza propia, tiene que estar puesta a algo,
a una empresa gloriosa o humilde, a un destino ilustre o trivial.

Человеческая жизнь по самой природе своей должна быть отдана чему-то,
великому или малому, блистательному или будничному.

(Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс.* М. 2007 г. С. 131.)

Сведения об авторе: Читати Дарио — руководитель программы «Евразия», Институт высших геополитических исследований и смежных наук (IsAG — Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie), Рим, Италия; dario.citati@uniroma1.it.

Концепты «интерес» и «ценность» следует рассматривать не только как принадлежащие к различным сферам, но и как термины, противоположные по смыслу. Действительно, в семантическое поле ценностей включаются попытки описать социальное пространство через идеи добра и зла. И делается это вопреки исключительному многообразию нравственных понятий, наблюдаемых на протяжении столетий у разных народов. Иными словами, ценности представляют собой то, что объединяет и регулирует в обязательном порядке конкретное общество людей. Отнюдь не случайно религия — которая не исчерпывается нравственным наполнением, но находится в неразрывной связи со сферой ценностей — толковалась гуманистами эпохи Возрождения в значении «связывать воедино» (от *лат. religare*).

В то же время слово «интерес» имеет совершенно иную этимологию — «находиться между», «среди чьих-либо вещей» (*лат. inter esse negotia alicuius*) — и тем самым уже подразумевает идею отчужденности и разделения элементов одного множества. Следовательно, можно обобщенно утверждать, что ценности направлены на объединение, в то время как интересы являют собой то, что различает и разъединяет.

Однако в ходе исторического развития той части человечества, которую часто необоснованно называют «западной», интересы и ценности в конечном счете переплелись. В политической жизни многих стран интерес не только вступил в полные гражданские права в сфере нравственности, но в отдельных случаях даже возвысился до мерила цивилизации. Это стало результатом того длительного историко-географического процесса, анализ которого представил в социальном ракурсе Фердинанд Тённис [Tönnies]. Процесс этот заключался в переходе от *общности* (*нем. Gemeinschaft*) к *обществу* (*нем. Gesellschaft*).

Общность, исторически соотносимая со средневековой реальностью земледельческих общин или малых коммун, входивших в состав христианского мира (*лат. Respublica christiana*), представляет собой уклад, основанный на единстве и взаимосвязи восприятия, закрепленный обычаями, узами родства и дружбы (при этом архетипом последних выступает семья). Общество же, напротив, формируется как искусственный и механический агломерат индустриальной эпохи и определяется сосуществованием разрозненных и независимых друг от друга индивидов, объединенных преимущественно контрактными обязательствами и логикой обмена и выгоды, то есть интереса.

В англо-саксонских культурах, в которых данный процесс возобладал, принято считать «развитыми» и даже «цивилизованными» лишь те страны, где интерес получил признание как основополагающий принцип человеческой деятельности. Именно противостояние противоположных интересов в данных культурах считается мерой социальной зрелости и цивилизационной развитости. Сегодня это представление предлагается всему миру как единственно верное. Более того, общественные формы и институты, опирающиеся на указанные принципы, отождествляются с демократическими, приводя к серьезному искажению самого понятия «демократия». На самом деле противостояние интересов и индивидуалистическая свобода по-западному являются сущностью не демократии (которая может воплощаться и в иных формах), а лишь за-

падной либеральной модели управления обществом. Подобным образом, эти принципы не исчерпывают и понимания свободы. Они отражают лишь то, что еще Бенжамен Констан рассматривал — пусть излишне схематично, но убедительно — как признак, отличающий Современность (Модерн) от Античности: понимание свободы уже не как прямого участия в коллективной реализации власти, наделенной правом принятия решений, а как личного удовлетворения [Constant].

Данное различие в определении понятия свободы, подобно различию между общностью и обществом, в определенной степени имеет отношение к «пространственной революции», восходящей к географическим открытиям XV века и затем окончательно осуществившейся на европейском континенте в ходе урбанизации и индустриализации. Это позволяет утверждать, что общинное измерение подверглось эрозии в том числе из-за *геополитического процесса*, который коренным образом преобразовал представления о пространстве и человеческих отношениях вследствие развития технологии и форм коммуникации.

Еще древнегреческие историки отмечали глубокую взаимосвязь между политической организацией и территориальной протяженностью. Констан также считал, что античная свобода характеризовалась единством этических воззрений и это было обусловлено малыми масштабами античных общностей. Но лучше всех, пожалуй, уяснил тонкую связь между географическим пространством и пространством идейно-нравственным Карл Шмитт, говоривший в своей книге «Номос земли в праве народов» об утрате места поселения на земле и объединяющих ценностей в пространстве без границ, в котором господствует технология [Schmitt, 1950].

Немецкий юрист и политический философ считал, что *номос* современного мира берет свое начало именно в «морской» пространственной революции, иными словами, в установлении господства Англии над океанскими просторами и промышленной революции в этой стране. Сложившийся между Морем и Технологией союз вовсе не был случайным, он стал прямым следствием островного положения Британии. Сухопутное существование отличается укорененностью в фиксированной местности, очерченной природными и человеческими границами, которые обуславливают стабильность экономической деятельности и нравственного уклада. Морское же существование и восприятие пространства сквозь призму водной стихии освобождают жизнь от каких-либо границ и способствуют независимости, отрыву от стабильных связей. Море порождает мятежное прометеевское стремление к «новизне», поиску и техническому прогрессу. Именно в силу того, что Англия «взглянула на Землю с точки зрения Моря», она стала родоначальницей промышленной революции. Англия не только указала путь материального развития, на который вступили все остальные государства (в том числе чтобы противостоять мощи Англии и сохранить независимость). Тем самым она способствовала эмансипации от ценностей, понимаемых как «нечто связующее». Неслучайно в Англии, к тому времени уже вполне обретшей статус «морской державы», возник феномен огораживания — насильственной ликвидации общинных земель (и обычаев средневековой Европы). Более того, именно в Туманном Альбионе зародились и либерализм, провозглашающий права индивида главенствующими над отношениями с другими

людьми, и классическая теория экономики, рассматривающая интерес и стремление к прибыли как основополагающие мотивации в деятельности человека.

Во всем этом можно проследить генеалогию современного общества, в котором, как нам видится, между интересами и ценностями образовался непреодолимый разрыв, так что само понятие «общий интерес» выглядит ныне оксюмороном. Интерес никак не может быть общим — в значении «единый и разделяемый» — именно в силу того, что он изначально осмысливается в свете сопоставления и даже противостояния с иным субъектом. Интересы принято называть, к примеру, *национальными* в соответствии с тем, насколько они отличаются от интересов другого государства. В составе государственных структур выделяются так называемые *группы интересов*, и выступают они таковыми именно потому, что защищают блага, плохо увязываемые с благом остальных сограждан. Аналогичным образом права меньшинств — порою их следовало бы определять как *интересы меньшинств* — часто являются примером отстаивания независимости частного от общего. В свою очередь, интересы отдельного индивида принято называть *частными* именно в силу того, что они не совпадают с интересами других индивидов. Ярко выраженный оттенок конфликтности «интерес» приобретает в современной экономике. Французский антрополог Луи Дюмон считает, что наука об экономике придала отношениям с вещным миром приоритетный статус по сравнению с отношениями между людьми [Dumont, 1977, 1983].

Поясним на конкретном примере сложность общепринятого понимания «интереса» в современном обществе. Европейский союз является членом ВТО и, следовательно, закрепляет в числе своих основополагающих принципов право на свободное движение товаров. В то же время против ЕС не раз выдвигались обвинения в том, что в сфере сельского хозяйства он проводит политику протекционизма, облагая таможенными пошлинами импорт или практикуя льготы для местных производителей, защищающие их от потенциальных рисков рыночной конкуренции. Ограничивая конкуренцию, данная политика ведет к удержанию цен на высоком уровне и тем самым возлагает бремя издержек на самого же европейского потребителя. В чем именно заключается общий интерес — в защите труда производителя или в праве потребителя на выбор товара из многообразной линейки и в его освобождении от уплаты добавленной стоимости, обусловленной косвенной формой монополии — определить далеко не просто.

С одной стороны, политика протекционизма отвечает вполне оправданному убеждению, охарактеризовать которое можно, прибегнув к терминологии Шмитта, как «сухопутное». Убеждение это заключается в том, что стоимость товара непременно сопряжена с территорией — местом производства — и с трудом населяющих эту территорию жителей. Солидарность в рамках политического уклада, таким образом, предполагает признание ценности производственных структур на территории и их поддержку. Тут логичен призыв, обращенный ко всем членам, поступиться собственными интересами (то есть мириться с отсутствием более дешевого товара). Призыв этот выглядит вполне оправданным, так как направлен он на необходимую защиту меньшинства от более серьезного риска — кризиса всего сектора и безработицы.

С другой стороны, очевидно, что выбор — обоснованный или нет — в пользу защиты отдельного сектора от предполагаемой конкуренции зависит сегодня от политического представительства самого сектора и потому отражает больше соотношение сил, чем соблюдение принципа. Далекое не все производственные отрасли могут рассчитывать на равнозначные формы поддержки. Парадокс в том, что даже если подобную протекционистскую защиту предоставить всем отраслям экономики, мы придем не к обеспечению «общего интереса», а к застою всей системы, обусловленному претензией на неизменность отдельных ее компонентов. Перефразируя метафору Менения Агриппы, уподобившего социальное общество телу, а его классы и слои — членам этого тела, можно сказать, что излишняя крепость отдельного члена приводит к параличу организма. Складывается ситуация, когда не только производственные структуры, но и различные государственные и общественные учреждения (государственные чиновники, профсоюзы, профессиональные корпорации, ассоциации предпринимателей и т.д.) оказывают столь сильное давление, что оно препятствует любому изменению в рамках сложнейшего механизма балансирования между законными требованиями и корпоративным лоббизмом.

Призыв к действиям во имя общих интересов особенно проблематичен в контексте такого социального уклада, в рамках которого разделение труда, свободное движение капиталов и конкуренция не просто являются двигателем экономического развития, но и составляют фундамент общественной жизни. В таких условиях общий интерес никак не может быть воплощен в простой сумме всех обособленных интересов, и тем более в «общей воле» в духе учения Руссо — воле произвольной и неопределенной. В лучшем случае он может обрести форму компромисса между противоположными интересами. И, возможно, именно в поиске такого компромисса заключается сегодня деятельность хорошего правительства. Опираясь на свой авторитет, правящие круги должны уметь разрешать конфликты, не предоставляя привилегий тем элементам, которые уже обладают преимуществами.

Можно сказать, что преследование интересов в экономической деятельности является экономическим эквивалентом философско-политического принципа индивидуализма. Но индивидуальный интерес как таковой совсем не обязательно представлять в качестве элемента, противостоящего коллективу. Наоборот, личность и общность (т. е. индивидуализм и принадлежность к обществу) в хорошем государстве, в принципе, должны выступать не как стороны противостояния, а как феномены, диалектически взаимосвязанные.

Обратим внимание: многие, выступавшие за приоритет ценностей в социальной сфере (от Бердяева до Мунье, от Честертона до Ортега-и-Гассета) призывали строго различать общественное измерение, в котором воплощаются привязанности и обитают разделяемые ценности (общность), и коллективизм, ассоциируемый с анонимной массой и отрицающий различия во имя абстрактного блага. Необходимо, предупреждали эти мыслители, разграничивать такие понятия, как *личность*, которая представляет собой неповторимую сущность, находящуюся в диалектической связи с другими, и *индивид*, являющийся атомизированной единицей, существующей «до» возникновения семейных, социальных и общественных связей.

Отталкиваясь от центричности личности, можно утверждать, что свобода выбора — и служащая ее прямым экономическим дополнением предпринимательская деятельность — способна быть мотором развития, только если она вписывается в рамки правил и, прежде всего, общепринятого уклада, а также руководствуется чувством ответственности, способствуя тем самым выбору правящих кругов и складыванию иерархии на основе заслуг и компетентности. Напротив, и это общеизвестно, многие формы солидарности, воплощенные в централизованных бюрократических структурах современного государства, часто дегенерируют, что проявляется в иждивенчестве и коррупции и лишает общество социальной гармонии и меритократии.

Следовательно, вопрос заключается не в признании законности интереса и индивидуальной свободы как таковых — они имеют место и признаются даже в самом консервативном мировоззрении. Кризис ценностей определяется тем, в каком пропорциональном соотношении индивидуальный интерес и общие ценности находятся со сферой обязательств, обычаев и исторической идентичности. Сегодня они выступают проводниками такого космополитизма, который зачастую является не чем иным, как шовинистическим навязыванием собственного образа жизни, как это провидчески предсказал Николай Сергеевич Трубецкой [Трубецкой]. С другой стороны, в ранг высшей ценности возводят право каждого на свободный выбор собственных ценностей, ограничивая это право исключительно буквой закона. Но, как только это происходит, возникает то, что сторонники американского коммунитаризма назвали «процедурным либерализмом»: релятивистский или даже нигилистский строй, отрицающий саму идею ценности в плане общественного признания. Отсюда вытекает искаженное толкование плюрализма, в котором толерантность становится синонимом равнодушия, превращаясь в нетерпимость всякий раз, когда на ее пути встречается подлинное утверждение ценностей.

Один из ярких примеров — острые разногласия между Венгрией и Евросоюзом, связанные с внесением в 2011 г. в венгерскую Конституцию ссылки на христианство как основополагающую ценность мадьярской нации. Спор усугубило то, что данная акция сопровождалась ограничительными мерами по отношению к *интересам* иностранных финансовых агентов. Из-за этого премьер-министр Виктор Орбан стал объектом яростных нападок со стороны представителей либеральных институтов.

По сути же речь шла о разных подходах к явлению, которое уже давно вызывает сомнения во многих европейских странах. Оно заключается в том, что трактовка собственного исторического развития оказывается лишенной немало числа самобытных элементов, следы которых хранят культура, искусство, архитектура и, пусть в деградировавшем виде, менталитет народов: они сводятся к фольклорному, музейному измерению или же, в лучшем случае, к вопросу личного выбора. Это явление касается не только религиозных традиций, тенденция к отторжению которых наиболее очевидна. Оно заметно во всех аспектах материальной и нематериальной культуры, способных служить опорой нравственной, ментальной общности и, следовательно, играть роль того обязательного обрамления, вне которого не может быть конструктивного плюрализма идей.

Данная либеральная модель с триумфом утвердилась после распада Советского Союза. Она составила идеологическую основу так называемого «гуманитарного вмешательства» под эгидой США. И только в последние годы, в силу нередких неудач в военных операциях и появления новых геополитических полюсов (Латинская Америка, Россия, Китай, Индия) наблюдаются робкие попытки поставить под сомнение действия США. Утверждение, что американская внешняя политика преследует интересы, связанные с защитой ценностей, звучит банально, но не всегда корректно. В действительности, в теории так называемого «экспорта демократии» — независимо от пропагандистских заявлений, направленных на оправдание интервенции, обусловленной стратегическими либо экономическими целями — имеет место проявление волевого стремления к гегемонии, *всемирной по форме и релятивистской по содержанию*. Всемирность данной теории заключается в том, что западная либеральная демократия представляется как модель, которая может быть внедрена повсеместно. Релятивизм же связан с тем, что по своей сути она предлагает не подлинную систему ценностей, а лишь набор прав и юридических гарантий, призванный дать возможность индивиду жить, руководствуясь собственным выбором и собственными интересами в мире, где границы становятся все более размытыми.

Идея эта, выдвигаемая в качестве наиболее привлекательной перспективы, предполагает абстрактное видение человека, получившее в произведениях Майкла Сэндела удачное определение *«unencumbered self»* — «человек, не обремененный никакими обязательствами» [Sandel]. На самом деле, полное раскрепощение от уз зависимости вовсе не означает возможности действовать на основе неограниченной свободы. Индивидуальная идентичность, освобожденная от своего географического, исторического и общественного измерения, в большинстве случаев оказывается под влиянием совокупности стимулов *рынка*. Интерес как вектор человеческих отношений приобретает исключительное значение. Получившее известность понятие «текущей современности» Зигмунта Баумана [Bauman], указывающее на экзистенциальный нигилизм и психологические аспекты общества потребления, является, на мой взгляд, исключительно емким, поскольку оно произвольно перекликается с «морской» концепцией существования «без корней», получившей теоретическое обоснование в работах Карла Шмитта.

Имеется ли возможность повернуть данную тенденцию вспять и вернуть шкалу ценностей в центр современного общества? Вероятно, ответ на этот вопрос должны дать, прежде всего, европейские страны, переживающие одновременно экономический кризис и кризис ценностей. Не касаясь конъюнктурных решений, которые предстоит принять, можно выделить три основных направления действий, призванных преодолеть разрыв между интересами и ценностями. Одновременно такие действия должны вести к экономическому оздоровлению. В сфере экономики, если мыслить реалистично, противостояние интересов неизбежно сохранится, но оно может и должно смягчаться чувством ценности — принадлежности к общности с единой судьбой.

Первое направление связано с необходимостью демонтировать и восстановить (в его подлинном значении) контекст категории «Запад». Современное понимание Запада —

плод политической мысли США, выраженной в различных учениях от Джефферсона до Монро, в которых формулировались отличия Америки от Европы. В определенном смысле авторы этих учений стремились обосновать *противостояние* Европе.

Начиная с пространственной революции, ознаменовавшейся великими географическими открытиями, категории «Запад» и «Восток» уже утрачивают значение, которое было им присуще в античную или средневековую эпоху. С точки зрения географии Европа никоим образом не может быть приравнена к Западу, от которого ее отделяет океан. Именно на Западе заходит солнце, и символическое утверждение, что по мере продвижения на Запад Европа как единая цивилизация близится к своему закату, возможно, не столь уж поверхностно.

Европа может идентифицировать себя только как Запад *Востока*: иными словами, как западную часть Старого Света, как западный полуостров бескрайнего континента, занимающего восточное полушарие Земли. Наоборот, «западничество» является не чем иным, как искажением и отрицанием исторических и духовных корней Европы. Между тем осознание своего исторического нахождения в пространстве — принципиально важная основа для принятия решений практического характера.

Второе направление связано с возрождением традиций. Вопрос сам по себе непростой, поскольку в подобных вещах легко поддаться узким и произвольным суждениям. Карл Шмитт писал о «тирании ценностей», имея в виду ситуацию, когда апелляция к ценностям лишена исторического основания и сводится к абстрактным принципам [Schmitt, 1960]. В любой апелляции к идентичности заключена опасность излишней замкнутости по отношению к другому и, что значительно хуже, корыстного использования идеи в целях защиты интересов, не имеющих ничего общего с провозглашаемыми ценностями. Яркий пример тому дает дискуссия о «христианских корнях» Европы. Приведенный нами выше случай с Венгрией представляет собой лишь одну сторону медали, но есть и обратная сторона. В период интервенции в Афганистан в поддержку тезиса о христианских корнях (тезис само по себе обоснованный, если не рассматривать его как тотальный и эксклюзивный принцип) нередко выдвигались расистские доводы. И делали это сторонники так называемого «столкновения цивилизаций» отнюдь не во имя восстановления европейских ценностей. отождествление ими свободного рынка, либеральной демократии и христианской религии — спорное само по себе — выполняло инструментальную функцию по отношению к стратегическому плану США.

К чему можно свести идентичность Европы, под кровом которой находятся многочисленные национальные культуры, светские и религиозные, тем более, что они не имеют четких континентальных границ? Одно из наиболее убедительных толкований европейской идентичности дал французский философ Реми Браг, утверждавший, что у Европы глубоко «римский» характер [Brague]. Эпитет этот относится не столько к конкретной античной цивилизации, сколько к способности воспринимать, преобразовывать и транслировать культуры близлежащих территорий и даже завоеванных народов. Как считает Браг, величие Римской империи — и являющейся ее наследницей Европы —

составляло, прежде всего, чувство «вторичности» по отношению к предшествовавшим культурам, что сделало возможным и восприятие греческой культуры, и принятие христианства в рамках римского права. Данная позиция идет гораздо дальше нейтрального синкретизма, проявляясь в преобразовании исходных элементов, одновременно различных и схожих. То же можно увидеть в последующей европейской истории — вспомним о включении германских традиций или о вкладе арабской культуры в культуру латинского Средневековья.

Европа как этнокультурное и духовное завершение взаимодействия смежных пространств Древнего мира (от первых индоевропейцев, пришедших из Азии, до семитских культур Ближнего Востока и Северной Африки, вплоть до миграции народов в эпоху поздней античности), получила свое воплощение в историческом прошлом Рима. Повествование Вергилия о троянском герое Энее, покинувшем с отцом и сыном родной город, охваченный пламенем, и прибывшем в латинские земли, уже символизирует собой преемственность, переход из прошлого в настоящее: «Быть римлянином — значит испытывать старое как новое, как то, что обновляется, будучи перенесенным на новую почву. Римским является опыт начала как возобновления» [Brague, p. 49]. Однако, вопреки убеждению Брага, эта *римская* душа Европы является полным антиподом мессианскому менталитету США, в основе которого лежат разрыв с предшествующими культурами (примеры: истребление индейцев, а в наше время — дискурс, направленный против «старой Европы») и намерение навязать *новые* ценности геополитическим противникам, поскольку они рассматриваются как нижестоящие в культурном развитии. Последнее, созвучное характерному для Британской империи чувству превосходства по отношению к колониям, выражается в концепции т. н. «американской исключительности».

Забвение этого глубинного «римства», похоже, является одной из корневых причин современного кризиса европейской идентичности. С «римством», кстати, может быть связана и та самая «средиземноморская рассудительность», в которой многие интеллектуалы видели антидот против англосаксонского утилитаристского рационализма. В этой связи уместно отметить, что в европейской и мировой массовой культуре образ Древнего Рима сведен сегодня преимущественно к наиболее банальным и поверхностным, а иногда и исторически ложным представлениям. Их распространение происходит главным образом посредством важнейшего инструмента североамериканской мягкой силы — голливудской кинематографической индустрии.

Третий аспект, или направление, касается непосредственно социально-политической реальности. Реализация стоящих здесь задач, вероятно, сложнее всего: речь идет об утверждении общих ценностей внутри политических структур, которые, хотя и развиваются по многополярному сценарию, продолжают оставаться под знаком важности больших пространств. Это выступает косвенным доказательством того влияния, которое географическое пространство оказывает на сферу ценностей.

Подтверждением служит то, что в Европе, как и в других промышленно развитых странах, набирают силу общественные движения, ратующие за «общее благо»: сама

идея блага истолковывается и как повышение ценности местной территории, «малой родины», и как защита окружающей среды и мелкого предпринимательства. Вне всякого сомнения, речь идет о попытках дать ответ на процессы глобализации, которые усиливают отрыв от корней и «утрату земли» — как в конкретном, так и в образном смысле — в связи с пространственной и производственной революциями.

Несмотря на бесспорную привлекательность, подобные проекты вряд ли могут составить действенную политическую альтернативу глобализму. В случае гипотетической реализации на государственном уровне они потенциально несут с собой нарушение баланса, раздробленность, риски неконтролируемого управления множеством изолированных единиц и, по всей видимости, перманентный конфликт.

Для политики XXI века важной задачей является, напротив, поиск путей координации между центром и перифериями через промежуточные органы управления. В данный процесс вовлечены как национальные государства, решающие эту задачу внутри своих границ, так и наднациональные структуры. Принцип субсидиарности, понимаемый как связующее звено между централизмом и автономией, представляет собой одну из опор Европейского союза. И если он оказался малоэффективным, то произошло это потому, что субсидиарность мыслилась и применялась лишь на институциональном экономическом и политическом уровнях. Иными словами, субсидиарность основывалась на интересах различных территорий, т. е. на принципе «согласие в многообразии» (*in variate concordia*), который только формально является девизом ЕС.

В каком-то смысле главным вызовом континентальной интеграции является следующая проблема: как совместить чувство территориальной укорененности, а именно оно предопределяет осознание общих (разделяемых) ценностей, с актуальностью крупных пространств мегаполисного, национального и макрорегионального масштаба? Вызов этот является одновременно геополитическим, технологическим, образовательным.

В определенной степени три названных направления в пересмотре стратегии развития Европы могут обрести поддержку в становлении многополярного мира. Но если тенденция к появлению новых геополитических полюсов ограничится исключительно перераспределением влияния, если она не приведет к многополярной диверсификации культур и экономик, то вряд ли многое изменится с точки зрения ценностей. Напротив, если этот процесс будет сопровождаться возрождением различных культур нашей планеты, универсальность западной (англосаксонской) модели может оказаться мнимой, и это заставит европейские народы думать о себе именно как о европейцах. Если бы им удалось почерпнуть в своей тысячелетней истории силу для открытия самих себя, они смогли бы создать новый сценарий своего будущего и вести конструктивный диалог с другими цивилизациями. Двигаясь на Запад, европейское солнце близится, похоже, к закату, но на «многополярном горизонте» оно может озарить мир новым восходом.

Литература:

- Бердяев Н. А.* Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Москва 1991 [1924].
- Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София 1920.
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge 2000.
- Belloc H.* Europe and The Faith. London 1924 [1920].
- Brague R.* Europe, la voie romaine. Paris 1992.
- Cardini F.* L'invenzione dell'Occidente. Rimini 2004.
- Cassano F., Zolo D.* L'alternativa mediterranea. Milano 2007.
- Chesterton G. K.* Il profilo della ragionevolezza. Torino 2011 [англ. изд. 1926].
- Constant B.* De la liberté des Anciens comparée à celle des Modernes. Paris 2010 [1819].
- Dumont L.* Homo Æqualis I: genèse et épanouissement de l'idéologie économique. Paris 1977.
- Dumont L.* Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris 1983.
- Europa dei popoli, Europa dei mercati. Modelli dell'integrazione europea. Rimini 1998.
- Guardini R.* Europa. Compito e destino. Brescia 2004.
- Latouche S.* Le défi de Minerve: rationalité occidentale et raison méditerranéenne. Paris 1999.
- Mounier E.* Révolution personaliste et communautaire. Paris 1961 [1935]
- MacIntyre A. C.* After Virtue. A Study in Moral Theory. London 1981.
- Novalis.* Die Christenheit oder Europa. Ein Fragment. Stuttgart 1950 [1826].
- Ortega y Gasset J.* La rebelión de las masas. Madrid 1993 [1931].
- Sandel M.* Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge 1989 [1981].
- Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Berlin 1950.
- Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte. Überlegungen eines Juristen zur Wert-Philosophie. Stuttgart 1960.
- Sciacca M. F.* L'oscuramento dell'intelligenza. Milano 1970.
- Sedlmayr H.* Verlust der Mitte. Salzburg-Wien 1948.
- de Tejada F. E.* Europa, Tradizione, Libertà. Saggi di filosofia della politica. Napoli 2005.
- Tönnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Darmstadt 1963 [1887].

УДК 14; 93

ВАЛЕРИЙ ЛЮБИН

Генеалогия русофобии: исследование итальянского историка Роберто Валле

Аннотация. *Две наиболее рельефные фигуры в генеалогии западной русофобии — француз А. де Кюстин и испанец Х. Донозо Кортес стали объектом исследования итальянского русиста профессора Роберто Валио. В небольшой по объему, но содержательно насыщенной книге анализируются суть, а также исторический и идейный контекст их взглядов на Россию. Именно два эти европейца оказались в центре «конфликта образов» первой половины XIX века, в котором противостояли европейское и русское самосознание. Тогда, по мнению Р. Валле, и родилась «идея-страсть»: русофобия, опирающаяся на психоидеологический и историософский фундамент.*

Ключевые слова: *руссофобия, А. де Кюстин, Х. Донозо Кортес, русская цивилизация, Россия и Европа, образы России на Западе, имагология.*

Данная статья посвящена историографическому анализу изданной в 2012 г. в Риме монографии Роберто Валле «Генеалогия русофобии. Кюстин, Донозо Кортес и русский деспотизм» (Valle, Roberto. Genealogia della russofobia. Custine, Donoso Cortes e dispotismo russo. Roma: Lithos, 2012. — 175 p.).

Сто лет назад по поводу необъективности зарубежной прессы сокрушался русский писатель М. Осоргин, долгое время проживший в стране, где вышла в свет книга, о которой пойдет речь. За границей «общественное мнение о России всегда слагалось фальшивым путем», отмечал он. «Сколько невероятного вздора» узнает читатель о России, «какое превратное понятие» составляет он «о нашей стране и нашей душе!» Если рано еще говорить о «регулярной постановке за границей информации по русской жизни — это дело будущего», то русским, предостерегал Осоргин, не следует впадать в «такие же грубые ошибки в своих суждениях о “латинской душе”, в какие впадают иностранцы, рассуждая о нас»¹ [1].

---

¹ В замечательном исследовании Осоргина по Италии [Осоргин, с. 87-88], в которой он жил в 1906-1916 гг., проанализированы особенности политики и культуры «молодой», недавно объединенной страны. Особое внимание уделено южноитальянскому обществу, во многом сходному с российским. Присущие ему век назад обычаи часто сохраняются в мало измененном виде и в XXI в. [Любин, 2013]

Много копий сломано в острых дискуссиях о том, является ли Россия частью Европы. Издавна спорят по этому поводу сами русские. Никогда не было единого мнения на этот счет и у европейцев, в особенности французов, признает пожизненный секретарь Французской Академии Элен Каррер д'Анкос. Бестселлером стало произведение Астольфа де Кюстина, где Россия, с которой он ознакомился весьма поверхностно, была представлена варварской азиатской страной. Его суждения, по свидетельству Э. Каррер д'Анкос, имели немалое влияние на умы даже в момент разрыва России с коммунизмом и ее страстного стремления в Европу. Предрассудки живучи и продолжают влиять на то, как западный мир видит современную Россию, заключает французская исследовательница [Carrere d'Encausse, p. 10–11; Каррер д'Анкос, с. 246–249].

Многие западные эксперты отказывают России в праве считаться европейской страной, другие, как, например, почетный профессор Кельнского университета Герхард Зимон, допускают лишь, что Россия — это «культура на окраине Европы» [Simon].

Поставив себе цель быть научно объективным, в истоках неприятия России западноевропейскими соседями попытался разобраться профессор Римского университета «Сапиенца» Роберто Валле. Итальянский историк не раз в последние годы обращался к историко-философским сюжетам, связанным с Россией. Об этом свидетельствуют его труды: «Перспективы гражданской войны в Соединенных Штатах и в России. Русское самосознание и американская война за отделение штатов» (2004), «Русские тени. Размышления о Мадзини, Бакунине и русофобии» (2007), «Россия и Евразия» (2008 г.) и другие [Valle, 2004; 2007; 2008]. Небольшая по объему, но очень емкая по содержанию новая монография Р. Валле посвящена русской теме в произведениях француза маркиза Астольфа де Кюстина (1790–1857) и испанца маркиза Хуана Донозо Кортеса (1809–1857). Оба стали «символами» отрицательного восприятия России, утверждая, что она представляет постоянную угрозу европейской цивилизации. Оба отождествляли Европу с «католической цивилизацией», ослабленной к тому времени изнутри революционными катаклизмами (с. 12). Но идейный контекст русофобии у каждого из них имел свои особенности.

Кюстин, пишет Валле, был не столько традиционалистом и последовательным контрреволюционером, сколько эстетом под влиянием католицизма, эклектиком, как он сам себя называл, ценителем представительного правления и «золотой середины» (*juste milieu*). Он надеялся на «ресакрализацию» в католическом смысле европейской цивилизации, настоящим корнем которой в его глазах была не англо-американская «материальная цивилизация», а католическая Испания XVI века, «подлинный Восток Европы». Кюстин критиковал «американское будущее», которое предсказывал Европе его современник Алексис де Токвиль, но во имя свободы искал диалога и компромисса с идеологией Просвещения. Европа, полагал он, подвергается «двойной угрозе»: внешней — со стороны «варварской и враждебной» России как особого, «чрезмерно разросшегося мира, и внутренней в лице эгалитаризма и процесса демократизации» (с. 28)

Донозо Кортес же был «испанским учеником Жозефа де Местра и, в отличие от Кюстина, не ставил вопроса о русской угрозе в рамках «неустранимого противоречия

между деспотизмом самодержавия и европейской свободой» (с. 13). Он не оценивал европейскую цивилизацию с точки зрения морального превосходства принятых в ней норм поведения (*politesse*) над обычаями «варварской страны». Для него католическая цивилизация (*civilitas*) была оплодотворена варварством и неотожествляема с цивилизацией (*civilisation*) как идеологемой культуры Просвещения. Системный метафизический компромисс с этой «философской цивилизацией», воплотившейся во Французской революции, для Донозо Кортеса был неприемлем. По его убеждению, лабиринт бесконечных переворотов, в котором Европа заблудилась после 1789 г., угрожал регрессом цивилизации и скатыванием к хаосу варварства.

Чем же тогда обосновывалась враждебность этого католического традиционалиста к самодержавной России? Кратко суммируя противоречивые высказывания Донозо Кортеса, Р. Валле пишет: «С точки зрения большой политики Российская империя представлялась вызывающим тревогу феноменом, потому что она была “индифферентной”, принимая на деле участие в коалициях против (революционной — ред.) Франции, она была движима не ненавистью к революции. Российская империя вмешалась в европейские дела под предлогом французской революции с целью распространить на Европу свое собственное влияние. После 1848 г. Россия сделалась главной союзницей революции... Катастрофическую экспансию Российской империи, по мнению Донозо Кортеса, надлежит повернуть на Восток — если же она распространится на Европу, то анархическая экспансивная русская сила встретится с анархической разрушительной силой революции. Россия и Революция были для него двумя «каменными гостями», способными уничтожить европейскую цивилизацию» (с. 14–15).

Как Кюстин, так и Донозо Кортес, вошедший в «большую европейскую политику» в качестве посла сначала в Берлине, а в 1851–1853 гг. — в Париже, видели спасение европейского порядка только в «коронованной диктатуре Наполеона III».

В глазах Кюстина Наполеон III снова поставил Францию в центр Европы, объединившейся в борьбе с Россией. Сам Кюстин внес весомый вклад в ожесточенную антирусскую пропаганду, сопровождавшую Крымскую войну. Донозо Кортес, будучи послом в Париже, одобрил государственный переворот 2 декабря 1851 г. и мечтал о своего рода 18 брюмера для всей Европы. Вместе с тем (незадолго до своей смерти в мае 1853 г.) он высказывал надежды, что Восточный вопрос не приведет к войне в Европе, а будет решен мирно, путем расчленения Османской империи и триумфального въезда Николая I в Константинополь — вспомним его идею направить русскую силу на Восток...

По произведениям Кюстина и Донозо Кортеса можно проследить генеалогию русофобии, замечает Валле. Эти и подобные труды вызвали появление гротескных и карикатурных стереотипов, которым была суждена долгая жизнь и после эпохи, в которой жили их авторы. «Кюстин и Донозо Кортес оказались в действительности в центре “имагологического конфликта” первой половины XIX в., в котором противостояли европейское и русское самосознание: образ России как «гетеротопии» Европы был сведен к фобийному стереотипу» (с. 15–16).

Этот «имагологический конфликт» и лег в основу образа России. В пылу полемики родилась идея-страсть: русофобия, опирающаяся на психоидеологический и исторический фундамент. «В этой идее-страсти на деле смешивались чувство ущербного отрицания России на уровне идеологии и размышления об эсхатологической направленности европейской истории», — пишет Валле (с. 16). Русофобия получила долгую жизнь, выйдя за рамки породившей ее эпохи. В данном контексте Кюстин и Донозо Кортес — две наиболее рельефные фигуры, чьи труды представляют собой ранние источники в генеалогии русофобии (с. 16–17).

Книга разделена на три главы. В первой центральное место занимает тема «А. де Кюстин и российский деспотизм». Валле останавливается на обстановке в России того времени, когда в нее прибыл де Кюстин, начиная главу с переведенного им на итальянский письма Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (отмечавшийся выпускниками день основания Царскосельского лицея. — *В.Л.*), в котором поэт оспаривал суждения философа об истории России и ее отношениях с Европой: «...разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы?». Автор напоминает, что уже в первом «философическом письме» Чаадаева Россия представала как своего рода «некрополь», исключенный из семьи европейских народов, «пробел в интеллектуальном порядке», страна без прошлого и будущего (с. 19).

Ответ на «мучительные» вопросы, поставленные Пушкиным, последовал уже вскоре, пишет Валле. И напоминает, что книга путевых заметок Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованная в 1843 г., сразу же была переведена на английский и немецкий языки. По мнению итальянского историка, ее успех объяснялся тем, что в ней содержались все негативные стереотипы в отношении России, присущие европейскому сознанию, начиная с «Записок о Московии» («*Regum Moscoviticarum Commentarii*»), опубликованных в 1549 г. Сигизмундом фон Герберштейном. Именно из этого источника Кюстин извлек «фундаментальный тезис о бесконечной brutality деспотического и варварского правления» в России — «враге Европы» (с. 20).

В близком окружении Кюстина было немало участников польского восстания, к которым относился и его близкий друг Игнатий Гуровский. И в сочинении французского путешественника о России, пишет Валле, хорошо просматривается «геополитика катастрофы», выстроенная вокруг «русской угрозы» и польской темы: Европе может быть уготована та же участь, которая постигла Польшу после подавления восстания 1830 г., если не удастся создать панъевропейский союз с опорой на франко-германскую ось. Явным намерением автора «Россия в 1839 году», по мнению итальянского исследователя, было снабдить Европу оружием «пропагандистской войны» против России. И он провел непреодолимую черту между двумя абсолютно разными, как политически, так и культурно мирами, между которыми невозможны никакие отношения.

Ссылаясь на Э. Каррер д'Анкос, Валле отмечает: именно Кюстин оказался относительно России тем, чем стал после 1835 г. применительно к Америке Алексис де Токвиль — «путеводителем, который объясняет настоящее и предвидит будущее» (с. 12).

Но представления того же Токвиля о России были полностью противоположны оценкам Кюстина: для первого историческая эволюция России не отличалась от эволюции Америки, для второго она символизировала непреодолимые отсталость и иммобилизм — неизбежные следствия деспотизма.

При этом царская Россия не была для Кюстина оплотом исключительно консервативности. За кажущимся однообразием, писал он, скрывается «лабиринт противоречий», связанный со слишком поспешным процессом цивилизации, который может вылиться в социальную революцию, уже предсказанную Жозефом де Местром. Начиная со времен Петра I Россия подвергалась деспотической, насильственной «перманентной революции», которая заставила русский народ перейти от детства к внезапной «дегенеративной взрослости».

По мнению Кюстина, отмечает автор далее, Николай I лишь играл как театральный актер свою роль, снимая и надевая маску, стремясь при том оставаться демиургом. Весь этот спектакль можно было бы назвать «цивилизацией Севера», но такой цивилизации не существует, и Россия на самом деле всего лишь «империя фасадов».

Сравнивая Россию с Францией, Кюстин писал: «Во Франции революционная тирания есть болезнь переходного времени; в России деспотическая тирания есть непрерывная революция». (с. 41). И далее: «Если народ живет в оковах, значит, он достоин такой участи; тиранию создают сами нации. Или цивилизованный мир не позже, чем через пять десятков лет, вновь покорится варварам, или в России свершится революция куда более страшная, чем та, последствия которой до сих пор ощущает европейский Запад» (с. 52) [Перевод приводится по изданию: Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.]. В таком случае «призрак революции» и «русский призрак» могли бы реализоваться как единое целое, пишет Р. Валле, и, возможно, Кюстин надеялся, что «революция эмигрирует в Россию».

Но в любом случае, утверждал Кюстин, Россия останется постоянной угрозой для Европы. Последней, невзирая на противоречия между протестантизмом и католичеством, надлежит объединиться, только тогда она сможет противостоять завоевателям-славянам. Кюстин призывал к объединению «французской и немецкой политики», интересы которых совпадают не только между собой, но и с интересами «стран-сателлитов этих двух наций», находящихся в сердце Европы, где и решаются судьбы «прогрессивной цивилизации» (с. 53).

«Северная автократия» представлялась Кюстину «монструозной смесью» «византийской мелочности и жестокости Орды» (с. 38). Отсюда осуждение православия как политической и национальной религии, не признающей католический универсализм. Все это, утверждал Кюстин, исключает Россию из Европы.

Во второй главе Р. Валле анализирует «русское самосознание» и конкретные примеры ответов российского общества на едкие замечания и обвинения Кюстина. «Россия в 1839 году» вызвала острую полемику, в которой приняли участие как некоторые

представители русской аристократии, начавшие «патриотическую кампанию» против Кюстина, так и знаменитые деятели культуры.

В разделе о «деле» Гуровского автор приводит ряд фактов, связанных с восприятием книги Кюстина в российских образованных кругах. Н. Греч, филолог и журналист, находившийся на службе Третьего отделения, считал, что русофобия Кюстина имела личностную подоплеку: «Николай I не был милосерден в отношении Игнатия Гуровского, протеже и любовника маркиза, который участвовал в восстании в Варшаве 1830 г. вместе с братом Адамом, ставшим впоследствии одним из пропагандистов панруссизма» (с. 72).

Что касается Адама Гуровского, то в опубликованной в 1840 г. книге «Цивилизация и Россия» он, можно сказать, спорил с будущей книгой Кюстина. Россия, указывал он, спасла Европу от грозившего ее захватить азиатского варварства. А русское самодержавие, по его мнению, нельзя рассматривать в категориях европейской политической науки, которая, начиная с Макиавелли, переживала процесс секуляризации, так что наука о государстве стала искусством, своего рода механизмом, основанным на негативной антропологии. В противоположность Кюстину, А. Гуровский считал, что угроза Европе исходит не от России с ее оригинальной цивилизацией, основанной на силе власти (*force du Pouvoir*), а от европейских конституционных режимов: европейские парламенты, по его оценке, стали ареной, где самолюбие и эгоистические интересы существуют лишь для самих себя, а не для блага государства. «Конституционная и выборная система деморализовала и разъела оригинальную природу власти, и роль правительства оказывалась сведенной к меркам одной партии» (цит. по: с. 74–75).

В разделе «*Delenda Carthago?*» («Карфаген должен быть разрушен?») Валле подробно цитирует и анализирует ответы Кюстину Пётра Вяземского, Алексея Хомякова, Фёдора Тютчева, Александра Герцена, Фёдора Достоевского. Кстати, не без иронии подмечает итальянский автор, русские интеллектуалы того времени нередко писали на французском языке, на котором они без труда читали и Кюстина, и Донозо Кортеса.

Высказываясь о роли России, Тютчев, по словам Валле, написал три политических очерка огромной важности. Западным претензиям на существование «одной единственной Европы», он противопоставил «идею европейского культурного дуализма: восточная Европа является „законной“ сестрой западной, но со своей органичной и оригинальной жизнью». Чтобы понять этот дуализм, необходимо сочетать национальное чувство и политический интеллект — именно такого интеллекта не хватило «блистательному пиротехнику» де Кюстину, выставившему Россию «страшилищем XIX века» (с. 87).

Герцен нашел книгу Кюстина «самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем», признавая вместе с тем, что в ней есть ошибки и поверхностные суждения. В отличие от большинства своих образованных соотечественников, Герцен считал, что Кюстин правильно оценил национальный характер русского народа. Тем не менее, он ставил маркизу в упрек, что в отношении Петра I тот разделяет

взгляды славянофилов, вместо того чтобы подвергнуть деятельность преобразователя глубокому историческому осмыслению (с. 91). Писатель высказывался за преодоление раскола между Россией «народной» и Россией европеизированной, тогда как Кюстин отвергал вторую на том основании, что «она была искусственным обезьянничанием, пагубным для Европы» (с. 91–92). Герцен же искал у европейских авторов, писавших о России, подтверждения «неминуемого краха самодержавия» и «мессианского прихода русского социализма» (с. 92).

Согласно Достоевскому, «цивилизация» не была введена в Россию извне, как полагал Кюстин, но вызрела как естественный плод и прошла свой цикл: русские ее ассимилировали и восприняли то, что было им необходимо. С того момента, как цикл закончился и в самой Европе «цивилизация» оказалась в кризисе, русские свободно обратились к своей «почве». Противопоставляя Чаадаева Пушкину, Достоевский подчеркивал роль Пушкина в том, что «русская идея» обрела плоть и целостность, «всеобщее умиротворение» и «общепризнанную человечность». В формирование русской идеи, считал Достоевский, внесли вклад два также «демона»: Гоголь и Лермонтов. Первый — «колоссальный демон», какого еще не видела Европа, клеймил «злоупотребление властью и коррупцию в обществе». Второй был демоном «благородным и ироничным», он «проклинал и мучился», говоря о судьбе России, погиб, как и Пушкин, на дуэли, и его смерть стала «бесполезной, вычурной и даже нелепой» (с. 101).

Кюстин, по мнению Достоевского, не понял, что интеллигенция уже во времена Николая I не была придворной, она разошлась с аристократией, и интересы интеллигенции совпадали с интересами нации. Образованный класс вместе с народом был призван разрешить «русскую загадку». Почвенники не стремились возвести китайскую стену «болезненного недоверия» между Россией и Европой, как считал Кюстин, но надеялись на укоренение оторванной от корней интеллигенции в национальной почве (с. 101). «Цивилизация», рожденная Французской революцией, переживает «индустриально-буржуазную» фазу, правление буржуазии раскололо и изменило европейское общество, опустившегося за несколько веков до культа денег и мифа о бесконечном прогрессе. Со своей стороны, Россия переживала «самый переходный и самый фатальный момент» истории, ей было необходимо сохранить единство и оригинальность собственной культуры и в условиях диалектического противостояния с европейской «цивилизацией» не переступить непреодолимую границу, чего желал бы Кюстин (с. 102).

Идеям Донозо Кортеса (маркиза де Вальдегамас) и реакции на них со стороны образованного российского общества в книге отводится меньше места (глава 3, «Россия и Революция. Донозо Кортес и русская угроза: философия истории и дипломатия»). Автор отмечает, что еще в юности Донозо Кортес впитал в себя «эkleктизм» французской философии, и это привело его затем к консервативному либерализму. Установив «великую параллель» между эпохой европейской революции и падением Римской империи, Донозо Кортес расценивал античный мир как парадигму декадентства, которую нельзя брать за образец, как это делают революционеры. Он заклеил, замечает Валле, гегелевскую философию истории, основанную на абсолютной центральности европейской цивилизации, понимаемой как последовательная линия от античного

к современному миру, и исключаящую историю народов, которые не были в согласии с «туманным рационализмом» и «демагогическим мистицизмом» *идеи* (с. 111).

Именно размышления о «цивилизации» и «варварстве» позволили испанскому мыслителю установить связь между философией истории и внешней политикой. В результате Венского конгресса, по его мнению, на Старом континенте была установлена гегемония «учредительной власти» северных держав, прежде всего России. Экспансионистская сила России была «основана на географии» и узаконена дипломатией, с помощью которой «северный лев» вступил в «европейскую борьбу» (с. 113).

Вопрос о русской угрозе не мог рассматриваться, как это предлагал Кюстин, с точки зрения неустранимой антитезы между самодержавным деспотизмом и европейской свободой. Такая антитеза, согласно Донозо Кортесу, была легитимной и подходящей только для философской абстракции и в исторических обобщениях. Но она была неуместной и нелегитимной, когда превращалась в идеологическое знамя, когда с ее помощью пытались анализировать определенную социальную ситуацию: в таком случае дихотомия между деспотизмом и свободой сводилась к пустой формуле и была только элементом полемики между враждующими сторонами. В отличие от Кюстина, Донозо Кортес видел в России наполовину европейскую и наполовину азиатскую страну (с. 114–115).

Пророчество по поводу русской угрозы поможет пробудить католическое самосознание в Европе, считал испанский дипломат. Его умозаключения встретили противодействие со стороны Герцена, который, со своей стороны, пророчествовал неизбежный закат европейской цивилизации. Герцен резко оценил прогнозы маркиза де Вадьдегамаса, назвав их «ущербными признаниями» католического инквизитора, намеревающегося спасти мир с помощью воспоминаний и насилия (с. 115). Отвергая подобные идеи, писатель все же положительно воспринял другие — например, резкую критику Донозо Кортесом европейской буржуазии как «воплощения либеральной нерешительности» и «универсализации» среднего слоя. Герцен был сторонником социальной революции, которая должна была, по его мнению, произойти не в Европе, а в России, а Донозо Кортес опасался нецивилизованных пролетарских масс. После 1848 г. Герцен ожидал второго пришествия революции — Донозо Кортес, в противовес этому, ожидал пришествия «католической цивилизации».

Именно исходя из подобной эсхатологии, испанский мыслитель формулировал положения геополитики катастрофы (в которых пересекались история и география), считая, что бескрайние просторы России и революция взаимосвязаны в своем экспансионизме (с. 117). Расширение бескрайней русской империи было для нее вопросом не «превосходства», а самого ее «существования». Уже сама по себе колоссальная, для своего существования она нуждалась в Константинополе, Средиземном море и Персидском заливе. Константинополь должен бы быть ее столицей, потому что Петербург расположен в несчастливом месте. Без Средиземного моря Россия оставалась «пленницей» Черного моря. Персидский залив, в свою очередь, был путем в Индию. История подтверждала это стремление к бесконечности, потому что Россия была парадигматической моделью страны, «ассимилировавшей различные цивилизации» и не изобрет-

шей ничего оригинального, а ее стремление к активности и завоеваниям происходило от «вторжения татар». За единственным исключением в лице Петра I, «колоссального деятеля», Россия плохо управлялась «слабоумными императорами» и коррумпированными царицами, переживая «дворцовые революции» в наиболее смутные периоды своей истории (с. 118–119).

Сравнивая Россию с Англией, Донозо Кортес считал, что Англия — страна монархическая и «консервативная», ей не хватает лишь католической веры. Поскольку католицизм как доктрина находится в «абсолютном противоречии с Россией и революцией», он верил, что «революция произойдет скорее в Санкт-Петербурге, чем в Лондоне» (с. 136).

Труд Донозо Кортеса „Discurso sobre la situacion general de Europa“ («Речь об общем положении Европы», *исп.* — В. Л.) имел большой резонанс, подчеркивает автор. Валле исследует реакцию, которую апокалиптические конструкции Кортеса вызвали у Герцена, изгнанника из России, ставшего непосредственным свидетелем революции 1848 г. во Франции. Как для Донозо Кортеса, так и для Герцена 1848 год был поворотным в истории. Герцен опубликовал в газете Прудона «Voix de Peuple» статью с ироничной критикой взглядов испанского дипломата, который, по его мнению, показал «дезориентированную и бессильную Европу», где после бури 1848 г. ситуация выглядела «разочаровывающей».

Обращаясь к идее испанского дипломата о «великой параллели» между революционной Европой и падением Римской империи, Герцен сравнивает его самого с императором Юлианом, фанатично боровшимся против христиан, и называет «самым умным среди реакционеров» (с. 139). По мнению Герцена, идеологические откровения Донозо Кортеса срывают с «католической идеи», представляющей собой сущность европейской цивилизации, маску фарисейского, якобы революционного идеализма «освободителей человечества» (с. 146).

«Мечта Герцена о варварском социализме и апокалиптическая эсхатология Донозо Кортеса скрещивались как две шпаги на поле сражения европейской революции», пишет в заключение Валле. Оба они, несмотря на противоположные позиции, приходили к одному и тому же выводу. Однако если для Герцена сохранялась иллюзорная надежда на второе пришествие революции, то для Донозо Кортеса политический горизонт выглядел мрачно и с фатальным союзом между Россией и европейской революцией надежда на второе пришествие католической цивилизации грозила исчезнуть окончательно. «Если забыть о жестком тоне полемики, в котором были высказаны предвидения Герцена и Донозо Кортеса, вызванные распрями 1848 г., то эти предвидения оставались пригодными до момента, когда возникнут вопросы по поводу конкретной и частично так и нерешенной проблемы: проблемы идентичности и исторической судьбы России» (с. 147).

* * *

Конечно, монография итальянского автора, в которой он пытается не упустить ни одного нюанса «русофобской» мысли своих главных героев, создана в традициях на-

циональной итальянской и западноевропейской историографии. Он далек от простых, прямолинейных «геополитических» объяснений присутствующего во многих слоях западноевропейского общества и переданного им и на североамериканские просторы чувства русофобии, как это иногда встречается у отечественных авторов, помещающих соперничество Запада с Россией исключительно в рамки снова набравшей силу теории геополитики¹.

В целом поставленная автором задача — проанализировать истоки и генеалогию русофобии в западной общественной литературе XIX в. в лице таких ее представителей, как маркиз де Кюстин и маркиз Донозо Кортес, — выполнена успешно. Автор не избегает и переключек с современностью: обращаясь к разным нынешним интерпретациям, он не уходит от многих вопросов, которые, казалось бы, не связаны с чисто историко-философскими изысканиями, составляющими суть исследования.

В обширных сносках к вводной части книги Валле характеризуется ситуация с русофобией и антируссофобией в прошлой и современной общественной литературе, даются отсылки к произведениям западных авторов, так или иначе участвовавших в изучении тематики русофобии и вступавших по поводу нее в жесткую полемику. Среди имен фигурируют Д. Гро, М. Кадо, Э. Каррер д'Анкос, И.Б. Нойман, М. Малия, Э. Адамовски, Б. Микель, Э.М. Чоран, Э. Шрамм, М. Менендес Пелайо, Ж. Ше-Руи, К. Вальверде, К. Шмитт, К. Галли и др.

Валле подчеркивает, что тема русофобии вернулась в политические и политологические дискуссии о России времен Ельцина и Путина. Он ссылается на Р. Пайпса, считающего, что в начале XXI в. Россия все еще находится в «бегстве от свободы» и политический пейзаж в ней не отличается от пейзажа XIX в., потому что «русский народ продолжает отождествлять себя с сильной и авторитарной властью, которая гарантирует суверенитет и постоянство государства» (с.151).

«По мнению Наталии Нарочницкой (историк, бывший заместитель председателя Комитета Государственной Думы по международным делам), западное общественное мнение разделяется на тех, кто любит и кто ненавидит Россию. ...США и Совет Европы, согласно Нарочницкой, вызвали к жизни ту русофобию, которая в XIX в. связана с именами Кюстина, Маркса, Энгельса, Дэвида Уркхарта. Поэтому Запад ограничивается повторением как стереотипов XIX в., так и нигилистической интерпретацией русской истории Марксом, Энгельсом и Лениным». (При этом дается ссылка на публикацию на американском сайте, известном специалистам по России как «Johnson's Russia List» (JRL) (с. 151).

¹ Ср.: Стариков Н. Геополитика. Как это делается? СПб, 2014. – 365 с. Автор признает, что написание этой работы его вдохновила книга А.Г. Дугина «Основы геополитики», и пишет: «С незапамятных времен политика преследует одни и те же цели... На нашей планете разыгрывается шахматная партия, у которой нет начала и конца... Мы, говоря шахматным языком, являемся белым королем, и черные не угомонятся, пока не поставят нам мат, пока не загонят нас в угол... Поэтому они вновь и вновь будут пытаться колоть и дробить нас, уничтожить нашу государственность. Ничего личного, только геополитика». (Указ. соч., с. 4–14).

Отметим, что в наше время — когда Россия в результате распада СССР оказалась ослабленной и не играет на международной арене прежней роли сверхдержавы, конкурирующей с США — русофобия занимает отнюдь не первое место в ряду других «фобий» мировой политики. Ее заменяют неприятие исламизма (как идейно-политического течения и движения, выставляемого в наше время в качестве наибольшего зла и угрозы сложившемуся мировому порядку)¹ и, в какой-то мере, усиливающаяся зависть к быстро растущей экономической мощи Китая, которая, что легко представимо, потенциально может вылиться в «китаефобию» (или «синофобию») со стороны как западного, так и всего остального мира.

Тем не менее тема русофобии (и полемики вокруг нее в профессиональной литературе) сохраняет остроту. В подтверждение этому Р. Валле называет недавние работы — свои собственные, а также А. Ливена и Ф.П. Цыганкова, изданные на итальянском и английском языках в 2000–2009 гг. [Valle, 2004, №3; Lieven; Tsygankov] (с. 149–152).

В отличие от тех западных экспертов, которые склонны поддерживать стереотипы русофобии, видный итальянский русист Витторио Страда считает, что «Россия остается пограничной территорией Европы, выходящей за пределы Европы, и является особым миром в европейской системе миров, особой проблемой внутри проблематичного единства Европы и не-Европы». Но при этом, полемизируя с концепциями «конца истории» Ф. Фукуямы и «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, он справедливо замечает: «Не „конец истории“, а ее непрерывное возобновление. Не „столкновение цивилизаций“, а их диалогическое сопоставление. В этой перспективе Россия и Европа могут идти общим путем — совместно и сохраняя свои различия» [Страда, с. 381].

В заключение — несколько слов об оформлении книги. Характерен рисунок Оноре Домье на обложке — «Манера приема купцов князем Меншиковым». Меншиков изображен в униформе, отклонившимся назад, чтобы дать ботфортом пинка в зад одному из трех «коммерсантов», которые в ужасе разбегаются от занесенной над их головами дубины.

Добавляют свои штрихи три эпиграфа. Два из них обыгрывают идею «России-призрака». Первый: «Вы вспоминаете балладу Кольриджа, где английский матрос видит корабль-призрак, скользящий по морским волнам» — взят из книги де Кюстина «Россия в 1839 году»². Второй — из предисловия к поэме английского поэта С. Кольридж-

¹ Многие западные авторы бьют тревогу, указывая, что исламский фундаментализм XXI в. пришел на смену революционному марксизму-ленинизму XX в., служившему экспансии идей коммунизма и Советской империи. Обращают на себя внимание последние книги известного немецкого специалиста по философии истории Эрнста Нольте — например, «Поздние размышления о мировой гражданской войне XX века» [Nolte, 2011; «Эрнст Нольте...», 2013]. Взгляды Э. Нольте на исламизм подробно представлены в его книге с характерным названием «Третье радикальное движение Соппротивления: исламизм» [Nolte, 2009]. По мнению В. Страды, «радикальный исламский терроризм» направлен против целой цивилизации, а именно западной, и «в этом вызове Россия тоже оказывается на прицеле». [Страда, с. 380].

² «Vous vous rappelez la ballade de Coleridge, ou le matelot anglais voit le spectre d'un vaisseau glisser sur la mer. ...» (Marquis de Custine. La Russie en 1839).

жа «Кубла Хан»: «И все очарованье разрушено — мир призраков прекрасный исчез и тысячи кругов растут, уродуя друг друга...»¹. Третий — цитата из статьи классика политической мысли Карла Шмитта: «Мы, в Центральной Европе, живем *sous l'oeil des Russes* (под оком русских). Вот уже столетие, благодаря своей психологической проницательности, они видят насквозь наши великие лозунги и наши институты; их витальность достаточно велика, чтобы овладеть как оружием нашими познаниями и нашей техникой; их мужество [принять] рационализм и то, что ему противоположно, их мощь правоверия в добре и зле не знает преград. Они реализовали ту связь социализма и славянства, о которой уже в 1848 г. Доносо Кортес пророчествовал как о решающем событии следующего века»². [Перевод приводится по изданию: Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. Том 1, № 2, 2001.] Относящиеся к началу 1930-х годов, эти слова Шмитта можно понять, если вспомнить об обстановке растерянности и смятения умов в интеллектуальной жизни Западной Европы после Первой мировой войны. Происходившее в послереволюционной России многими расценивалось тогда как вдохновляющий пример. Западноевропейские интеллектуалы совершали паломничество в большевистскую Россию, чтобы понять ее и передать часть ее оптимизма погрязшему в пессимизме Западу.

Книга итальянского историка Р. Валле найдет отклик как у специалистов, так и у пытливых молодых людей нового поколения, связанного «всемирной паутиной», где они привыкли за секунды находить структурированные и информационно подкрепленные ответы на нелегкие вопросы. Насыщенная разносторонними идеями, по-прежнему вызывающими острую полемику и на Западе, и на Востоке, она стала полезным и во многом убедительным пособием по генеалогии западной русофобии.

Литература:

- Каррер д' Анкос Э. Россия между двумя мирами (реферат Любина В.П.) // «Россия и современный мир», М. 2012. № 4.
- Любин В.П. «Очерки» загостившегося поклонника // Вышгород, Таллинн. 2013. № 4–5. С. 180–198.
- Осоргин М. Очерки современной Италии. М. 1913.
- Страда В. Россия как судьба. М. 2013.
- «Эрнст Нольте и его труды по истории XX века» // РЖ «История». М. 2013. № 2.
- Carrere d'Encausse H. La Russie entre deux mondes. Paris. 2010.
- Lieven A. Against Russophobia // World Policy Journal. Winter 2000–2001.
- Nolte E. Späte Reflexionen über den Weltbürgerkrieg des 20. Jahrhunderts. Wien. 2011.

¹ «Then all the charm / Is broken – all that phantom world so fair / Vanished, and a thousand circlets spread, / And each mis – shape ('s) the other ...» (S.T.Coleridge, Kubla Khan).

² Статья К. Шмитта «Понятие “политического”» впервые была опубликована в 1927 г. в знаменитом журнале «Архив социальных наук и социальной политики» [Schmitt], у руля которого в начале XX в. стояли видные ученые М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Яффе, Р. Михельс и др. Немецкое издание 1932 г. в виде отдельной брошюры, переведенное тогда же на итальянский, представляет собой расширенный вариант. С отзыва о России начинается вошедшая в текст в качестве введения речь Шмитта «Эпоха нейтрализаций и деполитизаций» [Schmitt].

Schmitt C. Der Begriff des Politischen //Archiv der Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Berlin. 1927. Bd.58. Heft 1. S. 1–33.

Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen neu herausgegeben von Carl Schmitt. München und Leipzig. 1932.

Simon G. Russland — eine Kultur am Rande Europas // Russland in Europa? Innere Entwicklungen und internationale Beziehungen — heute. Köln. 2000. S.11–23.

Tsygankov A.P. Russophobia. Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. N.Y. 2009.

Valle R. “Ombre russe”. Considerazioni su Mazzini, Bakunin e la russofobia. 2007.

Valle R. La Russia e Eurasia. 2008.

Valle R. Le illusioni perdute e le illusioni trovate del populismo russo. Dal narodnicestvo al populism // Filosofia politica. Bologna, 2004. N 3. P. 391–410.

Valle R. Prospettive della guerra civile negli Stati Uniti e in Russia. L'autocoscienza russa e la guerra di secessione americana. 2004.

УДК 338; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Глобальная экономика: прыжок в неизвестность

Аннотация. Тенденции последних лет указывают на то, что глобальная экономика вступила в переломный период развития, отмеченный многими знаковыми трансформациями, новыми проблемами и вызовами. В различных регионах наблюдается торможение экономического роста, падают мировые цены на нефть и другие сырьевые товары, лихорадит фондовые рынки, вспыхивают «валютные войны», осложняется социальная обстановка. На этом фоне происходит «перезагрузка» моделей развития, формируются межконтинентальные торговые мегаблоки, разворачивается четвертая технологическая революция. Все это ставит перед отдельными странами, включая Россию, сложные задачи стратегического порядка.

Ключевые слова: замедление мирового роста, «новая норма», падение цен на сырье, четвертая технологическая революция, структурные реформы.

Первый месяц 2016 г. оказался для мировой экономики худшим за многие десятилетия. Сразу несколько событий, потрясших международные финансовые и товарные площадки в 2015 г., дали о себе знать в году текущем. Завершился промышленный сверхрост Китая, обрушились цены на сырье, обвалились фондовые рынки, снизила обороты трансграничная торговля. Как отмечалось на страницах британского журнала «The Economist», череда финансово-экономических шоков продемонстрировала хрупкость мировой экономики и «выпустила на свободу монстров глобальной нестабильности» [Who's afraid of...]

Именно сочетание разнородных факторов привело к усилению турбулентности и указало на то, что глобальные экономические структуры вступили в период глубокой и во многом болезненной трансформации. Неизбежным результатом этих изменений станет не только широко обсуждаемое экспертами формирование модели роста в логике «новой нормы» (new normal economy), но и возникновение целого ряда трудно предсказуемых явлений и вызовов. Глобальная экономика находится на переломе трендов и готова совершить прыжок в неизвестность.

Новое лицо глобализации

Международных экспертов, анализирующих мировые процессы, можно условно разделить на «пессимистов» и «оптимистов». «Пессимисты» исходят из предположе-

---

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

ния, что нынешние экономические неурядицы — в значительной степени продолжение глобальных кризисных потрясений первого десятилетия XXI в. По их мнению, начавшийся в 2007 г. в США финансовый кризис, достигший общемировых масштабов в 2008–2009 гг. и охвативший сферу воспроизводства, растянулся во времени и пространстве, пустил множественные метастазы и перерос в серию кризисов отдельных стран и целых регионов (например, Латинской Америки и Европы), подвергнув суровому испытанию их модели экономического роста. В ряде случаев такие модели утратили прежнюю функциональность и потребовали замены. В широком международном контексте, считают «пессимисты», данный тренд только формируется и займет немало времени, меняя лицо и направленность процесса глобализации. Проблема в том, что власти многих стран не имеют надежных рецептов улучшения сложившейся ситуации. По оценке испанского эксперта Мигеля Отеро Иглесиаса, глобальная экономика находится в «палате интенсивной терапии», а «доктора» (даже самые авторитетные экономисты) «не знают, что делать, чтобы вылечить пациента». Продолжая свою метафору, автор подчеркивает: «...ситуация в мировой экономике настолько хрупкая, что, как в телевизионном сериале House, врачи готовы использовать любые препараты, даже с риском убить больного» [Iglesias M. Otero].

Иной позиции придерживаются «оптимисты». К их числу, в частности, следует отнести авторитетного швейцарского экономиста Клауса Шваба — основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе. К. Шваб считает, что мир стоит на пороге не спада, а взрывного роста, который вызовет четвертая промышленная революция, когда автомобили поедут без водителей, самолеты полетят без пилотов, а миллионы работников заменят роботы [Аскер-Заде Н.]. Очевидно, что далеко не все страны в равной мере примут участие в будущем «празднике жизни». В случае реализации «оптимистического» сценария глобализация приобретет во многом другую окраску.

Между тем на сегодняшний день уже складывается новая макроэкономическая парадигма, предполагающая ряд качественных трансформаций в глобальном хозяйстве. В том числе: сравнительно невысокие темпы экономического роста многих государств и отдельных регионов (табл. 1); переход экономик передовых стран на более высокий технологический уклад и связанное с этим изменение роли отдельных отраслей, а также науки, техники и образования; формирование интеграционных мегаблоков, меняющих условия и правила международной торговли; угроза возникновения «валютной войны»; повышение общественного внимания к проблеме социального неравенства и его влияния на динамику и содержание экономического развития.

Таблица 1

**Динамика мирового ВВП, % к предыдущему году
(2015 г. — оценка, 2016–2018 гг. — прогноз)**

Страны и регионы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Весь мир	2,4	2,6	2,4	2,9	3,1	3,1
Развитые государства	1,2	1,7	1,6	2,1	2,1	2,1

Страны и регионы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
США	1,5	2,4	2,5	2,7	2,4	2,2
Зона евро	-0,2	0,9	1,5	1,7	1,7	1,6
Великобритания	2,2	2,9	2,4	2,4	2,2	2,1
Япония	1,6	-0,1	0,8	1,3	0,9	1,3
Развивающиеся страны	5,3	4,9	4,3	4,8	5,3	5,3
Азиатско-Тихоокеанский регион	7,1	6,8	6,4	6,3	6,2	6,2
Китай	7,7	7,3	6,9	6,7	6,5	6,5
Европа и Центральная Азия	3,9	2,3	2,1	3,0	3,5	3,5
Турция	4,2	2,9	4,2	3,5	3,5	3,4
Латинская Америка	3,0	1,5	-0,7	0,1	2,3	2,5
Бразилия	3,0	0,1	-3,7	-2,5	1,4	1,5
Ближний Восток и Северная Африка	0,6	2,5	2,5	5,1	5,8	5,1
Египет	2,1	2,2	4,2	3,8	4,4	4,8
Южная Азия	6,2	6,8	7,0	7,3	7,5	7,5
Индия	6,9	7,3	7,3	7,8	7,9	7,9
Африка к югу от Сахары	4,9	4,6	3,4	4,2	4,7	4,7
ЮАР	2,2	1,5	1,3	1,4	1,6	1,6
Страны БРИКС	5,7	5,1	3,9	4,6	5,3	5,4
Россия	1,3	0,6	-3,8	-0,7	1,3	1,5

Источник: The World Bank. Global Outlook Summary: January 2016 Forecasts. – <http://www.worldbank.org/>

В условиях, когда многое кардинально меняется, крайне сложно и даже рискованно предсказывать дальнейший ход событий. Склонный к афористичным и парадоксальным сентенциям крупнейший международный инвестор Уоррен Баффетт (знаменитый «Оракул из Омахи») заметил, что никогда не придает значения экономическим прогнозам, поскольку «не читает юмористических рассказов» [Fernández D.]. Тем не менее в среде экспертов нет недостатка в прогнозах на будущее в тесной привязке к оценкам текущего состояния мировой экономики. В частности, профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, известный как «Буревестник кризисов» и «Доктор апокалипсис» (Dr. Doom), отметил на ВЭФ в Давосе в январе текущего года: «Это не 2008 год... Пока. Но правительства должны действовать быстро» [González A.]. В качестве одного из главных глобальных рисков маститый экономист назвал замедление роста китайской экономики: 2013 г. — 7,7%, 2014 г. — 7,3, 2015 г. — 6,9, 2016 г. (прогноз) — 6,7%.

Показательно, что китайское торможение произошло в тот момент, когда КНР пошла к вершине своего экономического могущества и по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют, превзошла США

(в 2014 г., соответственно, — 18,0 и 17,4 трлн долл.). При этом КНР становится все более капиталистической страной: в январе 2016 г. 1,3 млн китайцев открыли счета для игры на бирже, в результате чего общее число инвесторов превысило 100 млн человек — на 12 млн больше, чем количество членов Коммунистической партии Китая [China supera...].

Ошеломляя в течение нескольких десятилетий весь мир, превратившись во «всемирную фабрику», крупнейшего импортера сырьевых и продовольственных ресурсов и важный источник инвестиций и кредитов для десятков стран, — Китай в 2013–2015 гг. стал одной из причин нестабильности на глобальных товарных и финансовых рынках. В 2015 г. китайский ВВП впервые за 35 лет вырос меньше чем на 7%. С учетом ослабления юаня и беспрецедентных колебаний на местном фондовом рынке (на биржах Шанхая и Шэньчжэня) стало очевидно, что КНР не защищена от кризисных потрясений. К этому следует добавить колоссальное бегство капитала из Поднебесной, достигшее в прошлом году 676 млрд долл. (92% общего объема оттока инвестиций из развивающихся государств, составившего 735 млрд долл.) [Capital Flows to...]. Ясно, что замедление Китая имеет глобальное измерение, генерирует отрицательный мультипликативный эффект.

Завершение сырьевого «суперцикла»

Примерно 12–15 лет назад стремительный рост спроса в Китае и ряде других динамично развивавшихся азиатских государств на природные ресурсы и продовольствие положил начало так называемому «сырьевому суперциклу» — периоду беспрецедентно высоких цен на commodities. Страны-экспортеры из Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока своими поставками утоляли сырьевой голод китайской экономики и получали сверхвысокие экспортные доходы. Ресурсная «ненасытность» КНР больше чем на десятилетие исказила баланс спроса и предложения, внушила международным трейдерам и властям развивающихся стран мысль о бесконечном повышении цен на сырье. Напомним, что еще совсем недавно делались прогнозы о цене на нефть свыше 200 долл. за баррель.

Между тем «суперциклы» не являются чем-то исключительным. Это известный феномен, присущий мировому товарно-сырьевому сектору, характеризуемому чередованием периодов высоких и (сравнительно) низких цен.

В 2014–2015 гг. глобальный рынок пережил «сырьевой удар», оказавший разнонаправленное воздействие на экспортеров и импортеров природных ресурсов и продовольственных товаров.

Данные табл. 2 показывают, что цены на многие commodities, достигнув своего максимума в 2011–2012 гг., начали быстро снижаться. В ряде случаев падение цен ощутило сказалося на доходах стран-экспортеров сырья. Например, в 2014 г. по сравнению с 2011 г. цены на все сырьевые и продовольственные товары сократились на 20%. При этом падение цены на медь составило 22%, подсолнечное масло — 23, соевое масло —

30, кукурузу — 31, сахар — 35, железную руду — 42, серебро — 46% и т.д. В 2015 г. цены на большую часть сырья продолжали снижение, а нефтяные котировки за 18 месяцев (с середины 2014 г. по январь 2016 г.) обвалились на 75%: со 110 до 27 долл. за баррель [Who's afraid of...].

Таблица 2

Динамика цен на сырьевые товары — commodities (2000 г. = 100)

Виды сырьевых товаров	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Все сырьевые товары	140,4	256,0	302,0	276,8	258,2	242,5
Сырая нефть	189,1	280,2	368,3	372,1	368,8	341,1
Минералы, руды и металлы	173,2	327,3	375,2	322,3	305,8	279,8
Золото	159,4	439,9	562,2	598,1	505,7	453,8
Серебро	146,8	404,1	705,4	624,3	477,3	381,5
Железная руда	–	183,9	210,1	160,9	169,5	121,4
Марганцевая руда	175,8	415,0	324,4	262,1	291,4	242,7
Алюминий	122,5	140,2	154,8	130,3	119,1	120,4
Медь	202,9	415,6	486,6	438,5	404,1	378,4
Никель	170,6	252,4	265,0	203,0	173,9	195,3
Свинец	215,0	473,2	529,0	454,1	471,8	461,6
Цинк	122,5	191,5	194,4	172,7	169,3	191,6
Олово	135,8	375,4	480,5	388,5	410,6	403,3
Вольфрам	366,6	404,7	715,4	643,3	619,5	594,5
Продовольствие	128,4	231,6	272,8	269,0	249,0	239,0
Пшеница	109,2	210,8	256,5	247,3	271,9	251,7
Кукуруза	103,8	226,8	332,5	312,9	280,5	230,4
Рис	141,2	255,8	270,9	284,8	254,7	209,3
Сахар	120,9	260,2	317,9	263,4	216,3	207,8
Говядина	135,2	173,8	208,6	214,1	209,1	255,2
Кофе	114,0	218,1	276,6	198,7	144,5	193,1
Чай	87,2	125,3	139,5	140,6	107,1	95,9
Соевые бобы	129,7	212,3	255,2	279,2	257,2	232,3
Соевое масло	161,2	297,2	384,3	362,7	312,5	269,0
Подсолнечное масло	172,9	274,2	347,2	322,3	286,8	230,2

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2015. U.N., New York and Geneva, 2015, p. 286–288.

Критическим для нефтяных котировок стал 2015 г. Страны-экспортеры не смогли противостоять падению, поскольку отказались от контрциклической стратегии и не стали сокращать добычу. Напротив, в членах ОПЕК, России и некоторых других го-

сударствах наблюдался рост производства и предложения, что усугубило и без того тяжелую ситуацию.

Снижение котировок «черного золота» нанесло сильный удар по мировой нефтяной промышленности, ослабило позиции многих крупнейших корпораций. Например, одна из ведущих в мире интегрированных энергетических ТНК — британская «British Petroleum» (BP) в 2015 г. уменьшила продажи по сравнению с 2014 г. на 37%, с 358 млрд до 226 млрд долл., и объявила о планах значительного сокращения активов (путем их распродажи) и увольнения 7 тыс. работников. По признанию менеджмента, прошлый год стал для BP худшим за последние два десятилетия [Bolaños A.]. В свою очередь, американская нефтегазовая компания «Chevron» в четвертом квартале 2015 г. впервые за 13 лет понесла чистые убытки в размере 588 млн долл., а в целом за прошедший год ее прибыли упали на 76% (с 19,2 млрд долл. в 2014 г. до 4,6 млрд долл. в 2015 г.) [Chevron Reports...].

Падение цен на нефть имело еще одно знаковое последствие: резко снизился интерес к разработке новых месторождений углеводородов, в том числе неконвенциональных (например, сланцевых) и труднодоступных — в Арктике и на больших океанских глубинах. В самом деле, зачем вкладывать сотни миллиардов долларов в долгосрочные и рискованные проекты, когда можно дешево приобрести имеющиеся на рынке в достатке углеводородные энергоносители?

Вполне естественно, что экспортерам нынешний уровень цен на нефть представляется необоснованным. Его объясняют, в частности, ожиданиями дальнейшего замедления мировой экономики, а также ростом производительности у сланцевых добытчиков в США и выходом на рынок Ирана. Так или иначе, странам-экспортерам придется адаптироваться к низким ценам и научиться жить в изменившейся макроэкономической реальности. Неизбежны меры по сокращению государственных расходов, в том числе инвестиций в нефтедобычу, что в перспективе может привести к сокращению производства углеводородного топлива.

В большинстве случаев на рынках сырья и продовольствия спрос достиг структурного максимума, и в настоящее время наблюдается транзит от «суперцикла» к «новой норме». Этот переход может продлиться несколько лет, в течение которых экспортеры и импортеры будут искать взаимоприемлемый уровень цен.

Изменения в расстановке сил

В значительной степени из-за завершения «сырьевого суперцикла» в число жертв глобальной турбулентности попали десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Буквально на глазах их положение в мировой финансово-экономической и торговой системе изменилось в худшую сторону, что стало крупным геоэкономическим и геополитическим сломом.

В период «золотого десятилетия» (2003–2013 гг.) — годы высоких цен на commodities — новые игроки из числа развивающихся стран упрочили экономические позиции

в системе современного мироустройства, сделали заявку на повышение своей политической роли в международных делах [Яковлев П.]. Но события 2014–2015 гг. показали, что далеко не всем этим государствам удалось в полной мере воспользоваться благоприятной ситуацией и провести глубокую модернизацию производственных структур. В результате политические амбиции ряда стран превысили их реальные финансовые, экономические и технико-технологические возможности.

Развивающиеся экономики, еще недавно позиционируемые многими экспертами в качестве главных драйверов глобального роста (в значительной мере так и было), в настоящее время все чаще характеризуются как «слабое звено». Конечно, в такой обобщающей дефиниции есть доля преувеличения и упрощения. Данные табл. 1 свидетельствуют, что, несмотря на замедление роста, темпы прироста ВВП развивающихся стран остаются (в среднем) в два с половиной раза выше аналогичного показателя развитых государств.

Завидную хозяйственную динамику демонстрирует Индия, сравнительно высокие темпы развития показывают страны Азиатско-Тихоокеанского региона и государства Африки к югу от Сахары, набирает скорость экономика Египта. Заметно хуже дела обстоят в Латинской Америке. Это — единственный крупный регион развивающегося мира, где средние темпы прироста ВВП ниже общемирового уровня. По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), особенно неблагоприятным для латиноамериканских стран стал 2015 г.: произошло сокращение объема регионального ВВП, снизились инвестиции в основной капитал, резко (на 12%) упал товарный экспорт, возрос внешний долг, увеличился дефицит государственного бюджета. Экономические неурядицы потянули за собой социальную сферу, что проявилось в росте безработицы и инфляции (табл. 3). Согласно имеющимся оценкам ЭКЛАК и Всемирного банка, сложным будет и текущий год.

Таблица 3

Макроэкономические показатели стран Латинской Америки (2015 г. — оценка)

Показатель	2012	2013	2014	2015
ВВП (%)	2,9	2,8	1,2	-0,4
Душевой ВВП (%)	1,7	1,7	0,0	-1,5
Потребительские цены (%)	4,9	4,9	6,3	6,6
Городская безработица (%)	6,4	6,2	6,0	6,6
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	21,3	21,5	20,8	19,7
Внешний долг (% ВВП)	28,0	29,6	31,7	33,0
Внешний долг (% экспорта)	95,9	101,2	113,4	134,9
Экспорт товаров (млрд долл.)	1002	1007	991	876
Импорт товаров (млрд долл.)	993	1028	1027	932
Валютные резервы (млрд долл.)	836	830	857	825
Государственные доходы (% ВВП)	18,9	19,2	19,3	18,7

Показатель	2012	2013	2014	2015
Государственные расходы (% ВВП)	20,9	21,5	22,0	21,7
Бюджетный дефицит (% ВВП)	-1,9	-2,3	-2,8	-3,0

Источник: CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2015. Santiago, 2015. P. 67.

«Жесткая посадка» латиноамериканской экономики в решающей степени объясняется теми трудностями, которые переживают ведущие региональные экспортеры сырья и продовольствия: Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили, Эквадор. Особое беспокойство в Латинской Америке и за ее пределами вызывает экономический сбой Бразилии — члена «большой двадцатки» и БРИКС, крупнейшей страны региона, претендующей на роль влиятельного глобального игрока.

Драматизм бразильской ситуации определяется сопряжением целого ряда негативных внешних и внутренних факторов. Тяжелым ударом для бразильских экспортеров явилось сокращение спроса со стороны китайских промышленных компаний, полтора десятилетия потреблявших в огромных объемах производимые Бразилией сырьевые товары, в первую очередь железную руду. (Китайские предприятия в ближайшие пять лет планируют сократить мощности по производству стали на 100–150 млн т в год.) Южноамериканские корпорации «подсели на китайскую сырьевую иглу», инвестировали миллиарды долларов в разработку новых месторождений и расширение внешнеторговой инфраструктуры. Например, ведущий майнинговый концерн «Vale» приобрел собственный флот судов класса Valemax — самых больших в мире балкеров (длина свыше 360 м, мощность двигателей 37 тыс. л. с., грузоподъемность 400 тыс. т) для транспортировки железной руды в порты Поднебесной. В настоящее время несколько таких гигантов продано, а другие бездействуют и выставлены на продажу [Vale to Collect...].

Не оправдали себя (по крайней мере, на сегодняшний день) многомиллиардные вложения бразильской энергетической корпорации «Petrobras» в дорогостоящую разработку глубоководных месторождений нефти и газа в Атлантическом океане. Обвал нефтяных котировок опрокинул расчеты на сравнительно быстрый возврат инвестиций и уменьшил капитализацию «Petrobras» со 126,5 млрд долл. в 2008 г. до 18,3 млрд долл. в январе 2016 г. (почти на 86%) [Petrobras pierde...]. Та же участь постигла и ряд других ведущих бразильских компаний, сделавших ставку на сохранение высоких цен на сырье.

Анализируя внутренние причины «латиноамериканского обвала», среди главных факторов торможения экономики можно назвать сохраняющееся в регионе огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) имущественное неравенство. К такому выводу пришли эксперты ЭКЛАК и авторитетного благотворительного объединения «Oxfam International», проанализировавшие социальные тренды последнего времени. По их подсчетам, в 2002–2015 гг. состояния местных мультимиллионеров в среднем за год возрастали на 21%, что шестикратно превышало рост ВВП. При сохранении такой динамики на рубеже 2020 г. активы 1% латиноамериканских богачей превысят сово-

купное достояние остальных 99% населения. По мнению специалистов, немалую роль в увеличении разрыва в доходах между относительно небольшой группой сверхбогатых людей и остальными гражданами стран Латинской Америки играет «архаичная и дисфункциональная фискальная система», позволяющая владельцам крупных компаний легко уходить от уплаты налогов или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили порядка 190 млрд долл. [América Latinay el Caribe...]

Другой судьбоносный глобальный вызов развивающимся странам — неотвратимо надвигающаяся новая (четвертая по счету) промышленная революция [Марш П.]. На ВЭФ в Давосе в 2016 г. эксперты банка UBS подготовили и представили участникам форума исследование ряда факторов, определяющих степень готовности тех или иных стран к участию в четвертой промышленной (технологической) революции. Аналитики UBS обследовали состояние дел в таких ключевых сферах, как гибкость структуры рабочей силы, сравнительный уровень профессиональной подготовки, возможности национальных образовательных систем приспособляться к меняющимся производственным условиям, состояние экономической инфраструктуры, степень правовой защищенности бизнеса. В итоге был выведен агрегированный индекс, на базе которого составили рейтинг относительной готовности государств к требованиям складывающегося очередного технологического уклада — основы «новой экономики» XXI в. (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг относительной готовности стран к четвертой промышленной революции

№	Страна	Индекс	№	Страна	Индекс
1	Швейцария	3,4	24	Чехия	38,2
2	Сингапур	4,9	25	Южная Корея	41,5
3	Нидерланды	9,4	26	Чили	45,5
4	Финляндия	10,1	27	Испания	47,6
5	США	10,2	28	Китай	51,4
6	Великобритания	10,2	29	Казахстан	55,6
7	Гонконг	11,5	30	Польша	56,5
8	Норвегия	11,9	31	Россия	63,5
9	Дания	12,5	32	Таиланд	63,8
10	Новая Зеландия	13,6	33	Италия	64,5
11	Швеция	14,2	34	Венгрия	64,7
12	Япония	15,4	35	Южная Африка	66,0
13	Германия	15,9	36	Греция	67,6
14	Ирландия	15,9	37	Филиппины	70,0
15	Канада	16,9	38	Индонезия	70,8
16	Тайвань	19,7	39	Турция	75,7

№	Страна	Индекс	№	Страна	Индекс
17	Австралия	20,7	40	Колумбия	82,4
18	Австрия	22,0	41	Индия	83,4
19	Бельгия	22,8	42	Мексика	85,0
20	Франция	27,4	43	Бразилия	92,2
21	Израиль	28,1	44	Перу	92,8
22	Малайзия	29,0	45	Аргентина	95,0
23	Португалия	35,4			

Источник: UBS. Extreme automation and connectivity: The global, regional, and investment implications of the Fourth Industrial Revolution. January 2016. – <https://www.ubs.com/>

Из приведенного рейтинга следует, что ни одна развивающаяся страна не входит в топ-20 государств-лидеров мирового научно-технического прогресса. Даже Китай, предпринявший в последние десятилетия титанические усилия по развитию национальной науки и техники, находится лишь на 28-м месте. Еще слабее позиции у других крупнейших африканских, азиатских и латиноамериканских стран: Южной Африки, Филиппин, Индонезии, Турции, Мексики, Бразилии, Аргентины. Индия, известная своими успехами в информационных технологиях, занимает достаточно скромное 41-е место.

Разворот в сторону «новой экономики» меняет и корпоративную карту мира, на которой происходит интенсивная ротация в верхушке глобального бизнеса: традиционно занимавшие верхние строчки всех рейтингов энергетические и промышленные ТНК («Exxon Mobile», «Shell», «Chevron», «General Electric», «Toyota», «General Motors» и т.д.) уступили первые места корпорациям, связанным с высокими технологиями и находящимся на пике научно-технологического прогресса. На начало 2016 г. первую мировую тройку по размерам капитализации образовали компании, занятые в сфере информационных технологий: «Apple», «Alphabet» и «Microsoft» (все — американские), чья совокупная капитализация превысила астрономическую сумму в 1,4 трлн долл., что сопоставимо с ВВП такой крупной экономически развитой страны, как Испания. Среди 20 мировых лидеров — 9 компаний ключевых отраслей «новой экономики», представляющих информационные технологии, электронную торговлю, фармацевтику и телекоммуникации (табл. 5).

Таблица 5

**Крупнейшие компании по размеру биржевой капитализации
(на 31 декабря 2015 г.), млрд долл.**

№	Компания	Страна	Сектор экономики	Биржевая стоимость
1	Apple	США	Информационные технологии	538,4
2	Alphabet (Google)	США	Информационные технологии	484,4
3	Microsoft	США	Информационные технологии	406,6
4	Berkshire Hathaway	США	Конгломерат	298,4
5	Exxon Mobil	США	Энергетика	297,7

№	Компания	Страна	Сектор экономики	Биржевая стоимость
6	Amazon	США	Электронная торговля	290,7
7	Facebook	США	Информационные технологии	271,5
8	General Electric	США	Конгломерат	269,7
9	Johnson & Johnson	США	Потребительские товары	217,7
10	Wells Fargo	США	Финансы	254,7
11	JPMorgan Chase	США	Финансы	223,0
12	ICBC	КНР	Финансы	222,5
13	Roche	Швейцария	Фармацевтика	218,5
14	Nestle	Швейцария	Продовольствие	217,7
15	Novartis	Швейцария	Фармацевтика	212,9
16	China Mobile	КНР	Телекоммуникации	212,1
17	Petrochina	КНР	Энергетика	203,7
18	Procter & Gamble	США	Потребительские товары	198,2
19	AT&T	США	Телекоммуникации	194,2
20	Toyota Motor	Япония	Автомобилестроение	190,5

Источник: Los gigantes de la economía mundial en 2015. – El País. Madrid, 1.01.2016.

Смена лидеров в списке ведущих корпораций акцентировала ослабление позиций развивающихся государств, чьи компании (за исключением ряда китайских гигантов) резко сократили свое представительство в элите глобального бизнеса.

Поскольку в новой глобальной парадигме интересы многих государств Азии, Африки и Латинской Америки могут оказаться ущемленными, весьма вероятно обострение их геостратегического противостояния с Западом, которое, впрочем, будет сочетаться с попытками эффективнее приобщиться к формирующимся реалиям передового научно-производственного уклада, вписаться в цепочки создания стоимости, в том числе — через более тесное взаимодействие с высокотехнологичными ТНК. Таким образом, складывается весьма подвижная и во многом неопределенная ситуация.

Ясно одно: в мире происходит перегруппировка экономических сил, которая на данном этапе обещает основные дивиденды развитым государствам, готовым мощно задействовать свое научно-образовательное и технологическое превосходство. Что касается значительного числа развивающихся стран, то им придется одновременно отвечать на новые внешние и внутренние вызовы. При всей важности внешних факторов, будущее африканских, азиатских и латиноамериканских стран в решающей степени будет зависеть от способности властей и местных бизнес-сообществ мобилизовать имеющиеся в их распоряжении крупные внутренние ресурсы и выработать точные институциональные решения. Главное — провести давно назревшие структурные реформы, создать дополнительные точки роста, расширить национальные инновационные системы координат и сформировать модели развития, отвечающие на современные технологические запросы.

На пороге кардинальных сдвигов

На фоне нарастающих проблем в развивающемся мире и неустойчивого состояния глобальной экономики все отчетливее прослеживается стремление западных стран во главе с США к финансово-экономической конвергенции. Ключевым элементом формируемого механизма максимально тесного сотрудничества Соединенных Штатов с государствами Европейского союза — инициированное ими Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП). Оно (наряду со снятием по обе стороны Атлантики еще имеющихся торгово-финансовых барьеров) нацелено — и это самое главное — на создание институциональных основ гармонизации американских и европейских бизнес-стандартов и норм регулирования предпринимательской деятельности. Как отмечают многие аналитики, основные дивиденды от трансатлантической интеграции получат наиболее конкурентоспособные международные высокотехнологичные корпорации и крупнейшие банки США. Это неизбежно приведет к ущемлению интересов европейского бизнеса и (по примеру более либеральной Америки) ослабит социальные устои Евросоюза [Zuesse E.]. Создавая трансатлантический интеграционный мегаблок, Вашингтон ведет интенсивный поиск новых рамок своего финансово-экономического (а следовательно, и политического) лидерства на пространстве Старого Света.

Практически синхронно, столкнувшись с нарастающим натиском Китая на мировых рынках, Вашингтон изобрел и в настоящее время реализует формулу отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, предполагающую известное торгово-экономическое обособление Поднебесной [Das S. Basu]. Так родилось Транстихоокеанское партнерство (ТТП) — интеграционный мегаблок, договоренность о создании которого была достигнута 5 октября 2015 г. на совещании представителей 12 государств в Атланте (в объединение вошли Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония).

Образование ТТП свидетельствует о начале перехода мировой экономики на более высокий уровень глобализации и регионализации. Можно согласиться с российскими учеными В.В. Михеевым и В.Г. Швыдко, считающими, что тихоокеанский мегаблок предполагает не только снижение тарифных и нетарифных ограничений международной торговли и трансграничного движения капитала, но и выстраивание единых правил игры для мирового бизнеса, защиту интересов крупнейших корпораций (прежде всего высокотехнологичных), включая их исключительные права на получение инновационной ренты от интеллектуальной собственности [Михеев В.В., Швыдко В.Г.].

Глобальное воздействие будет иметь принятое в декабре 2015 г. решение Федеральной резервной системы (ФРС) Соединенных Штатов впервые за девять лет повысить базовую процентную ставку на 0,25 процентных пункта. Казалось бы, изменение незначительное, но в условиях глобальной нестабильности этого достаточно, чтобы дополнительно привлечь в США инвесторов, закрепить наметившуюся тенденцию оттока капитала с рынков развивающихся стран. Действуя подобным образом, американские власти рассчитывают придать дополнительный импульс внутреннему экономическому росту.

Однако реальное развитие событий не вполне отвечает наиболее оптимистичным ожиданиям Вашингтона. Периодически возникающая турбулентность на фондовых рынках в начале 2016 г. не обошла стороной и американские площадки. Негативное воздействие на торговый баланс оказало укрепление доллара по отношению к большинству других валют. По данным Бюро экономического анализа при министерстве торговли США, в 2015 г. впервые с 2009 г. произошло сокращение экспорта товаров и услуг — с 2,34 трлн до 2,23 трлн долл. (на 4,8%). Это привело к увеличению внешне-торгового дефицита до рекордной суммы в 531,5 млрд долл. [U.S. International Trade...] С учетом нестабильности в мировом хозяйстве и спада в международной торговле западные аналитики опасаются, что даже не слишком значительные негативные факторы могут подтолкнуть американскую экономику к рецессии. К такому выводу, в частности, пришел экономический обозреватель влиятельной газеты «The New York Times» Нил Ирвин [Irwin N.].

В известном смысле злую шутку глобализация сыграла с Европой. С одной стороны, усиление экономической мощи Китая и других развивающихся стран создало сильнейшую конкуренцию европейским товарам. Один из последних примеров: в начале февраля 2016 г. правительства ряда государств-членов Евросоюза (Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Люксембурга, Польши и Франции) обратились в Брюссель с письмом, в котором призвали власти ЕС принять меры против импорта «дешевой» стали из Китая и России. Речь, по существу, идет о применении протекционистских механизмов. Очевидно, что за этой обеспокоенностью и непрекращающимися обвинениями КНР в «экстенсивном демпинге» лежит кризис европейской сталелитейной отрасли, которая с 2008 г. сократила более чем на 20% количество рабочих мест [EU governments call...]. Высокие социальные издержки этого тренда не могут не тревожить политических лидеров ЕС.

С другой стороны, европейская экономика в силу внутренних проблем демонстрирует анемичный рост, а ряд стран до сих пор не могут оправиться от кризисных потрясений 2008–2009 гг. и преодолеть рецессию. Чтобы выйти из экономического тупика и в полной мере воспользоваться возможностями четвертой технологической революции, европейские финансовые власти (прежде всего президент Европейского центрального банка Марио Драги) встали на путь насыщения банковского и реального секторов экономики стран Евросоюза ликвидностью в размере 60 млрд евро в месяц, переняв тем самым недавний американский опыт политики денежного стимулирования или количественного смягчения (Quantitative easing) [Патников А.].

Разумеется, отдельные монетаристские меры могут временно вызвать положительный макроэкономический эффект, но они не в состоянии стать стратегическим ответом на вызовы, с которыми сталкивается Евросоюз. В числе насущных задач можно назвать: формирование на страновом уровне новых моделей роста; радикальное повышение конкурентоспособности; выход из рецессии и переход на траекторию устойчивого развития; ликвидация последствий «греческой лихорадки»; выработка обновленной формулы участия в ЕС Великобритании; решение острейшей проблемы неконтролируемого притока мигрантов из государств Северной Африки и Ближнего Востока и т. д.

Все это и многое другое предполагает глубокие сдвиги в политике и экономике Европейского союза.

Россия в своем лабиринте

Тренды и антитренды развития глобальной экономики, очередной раунд перестройки мировых финансово-экономических реалий оказали сильнейшее воздействие на Россию, подвергли испытанию на прочность ее политические институты, производственные структуры, финансовый и внешнеэкономический секторы. Рубеж 2013–2014 гг. стал началом регресса российской экономики, которая утратила устойчивость, осуществила разворот от сравнительно стабильного роста к снижению всех ключевых макроэкономических показателей. Если в 2013 г. ВВП, рассчитанный в долларах США по официальному обменному курсу, достигал 2,15 трлн долл., то в 2015 г. этот показатель снизился до 1,2 трлн, а в текущем году, по данным Министерства финансов и Центрального банка РФ, произойдет дальнейшее сокращение экономики. В итоге Россия по объему ВВП пропустила вперед Мексику и заняла лишь 15-е место в мировой таблице о рангах (и 76-е по размеру душевого ВВП). Такова суровая макроэкономическая реальность — результат сопряжения неблагоприятных внешних и внутренних обстоятельств.

Выдерживать «нефтяной удар» стране помогают ранее накопленные валютные резервы и резкое обесценение рубля, но российская экономическая модель продемонстрировала неспособность эффективно приспособиться к изменившимся глобальным условиям. Экономические факторы вошли в резонанс с резкими внешнеполитическими решениями, которые затронули связи со стратегически важными партнерами (например, с государствами Евросоюза и Турцией), ускорили бегство капиталов и, по существу, перекрыли потенциальные каналы привлечения на российский рынок иностранных инвесторов, способных содействовать диверсификации и модернизации отечественных производственных структур. На грани разорения оказалась туристическая отрасль, ощутимые потери понес сектор чартерных авиаперевозок, сильный удар был нанесен по сфере капитального строительства, приостановлен гигантский (стоимостью 20 млрд долл.) проект возведения «Росатомом» турецкой атомной станции «Аккую». Последнее особенно досадно, поскольку речь идет о высоких технологиях, а невыполнение контракта вредит международной репутации российской корпорации — одной из немногих национальных компаний, продвигающих на мировом рынке конкурентоспособные технологии.

Разумеется, нет правил без исключений. В частности, по данным некоммерческого партнерства «Руссофт», в прошлом году объем экспорта российского программного обеспечения (софта) вырос на 16% и достиг 7 млрд долл., что в 2,5 раза превысило уровень 2009 г. (2,8 млрд долл.) [Грамматчиков А.]. Можно отыскать и другие примеры организации новых несырьевых и высокотехнологичных бизнесов даже в нынешних неблагоприятных условиях, но это будут отдельные случаи, не меняющие общей тревожной картины.

Большие надежды российская власть связывает с политикой импортозамещения, ставшей альфой и омегой экономической стратегии на обозримую перспективу. Слов

нет, умело используемые механизмы импортозамещения могут какое-то время стимулировать хозяйственный рост. Но мировой опыт учит, что замещение импортной продукции товарами местного производства — весьма рискованная стратегия, чреватая утратой международной конкурентоспособности.

Острейший вопрос — по какому пути идет Россия и чем завершится процесс ее общественно-политической эволюции. К сожалению, есть признаки того, что страну (уже не в первый раз за последние сто лет) ожидают серьезные социально-экономические и политические потрясения. Похоже, узкие места ее экономики и социальной сферы, многочисленные проблемы в области образования, науки и техники *неведомы* только властным структурам, которые, действуя в ручном режиме, своими не всегда продуманными и наспех принятыми решениями (как, например, в случае с «реформой» Академии наук) только усугубляют сложившуюся ситуацию.

Не вселяет особых надежд и выжидательная тактика правительства Российской Федерации. Свидетельство тому — бюджет на 2016 г., исполнение которого не предусматривает неотложных структурных реформ и формирования альтернативных минеральным ресурсам значимых драйверов экономического роста.

Остановить рецессию призван одобренный правительством РФ антикризисный план. Но знакомство с его содержанием наводит на мысль о стремлении властей «менять, ничего не меняя». Не менее сомнительно выглядит и вброшенная в информационное пространство главой Минэкономразвития РФ А.В. Улюкаевым идея приватизировать крупные государственные активы с целью пополнения федерального бюджета. Очевидно, что переход в частные руки предприятий, в которые были вложены колоссальные государственные средства, не даст существенных финансовых поступлений в период, когда практически все производственные активы обесцениваются. Не говоря уже о том, что приватизация в нынешней нестабильной ситуации только повысит профиль финансово-экономических рисков.

Процессы, развивающиеся в отечественной экономике, свидетельствуют о ее внешней уязвимости и недостаточной гибкости, а также чрезвычайно низкой степени отраслевой диверсификации. Решение этих ключевых проблем должно занять приоритетное место в деятельности российского правительства, всех ветвей власти.

* * *

Многие факты и макротенденции свидетельствуют, что текущий и ближайшие годы станут переломными в развитии мировой экономики и торговли. Начавшийся процесс глубоких трансформаций, судя по всему, будет тяжелым для немалого количества стран, хотя каждая из них окажется «несчастной по-своему».

В числе государств, несущих максимальные потери от очередных глобальных потрясений и сдвигов, фигурируют экспортеры сырья, не воспользовавшиеся тем уникальным историческим шансом, который им дали «тучные» годы высоких цен на *commodities*,

«заболтавшие» собственную модернизацию и не диверсифицировавшие в надлежащей мере свои экономики. К сожалению, в их числе оказалась и Россия. Теперь у россиян не осталось «хороших» и «легких» решений. Российская экономика попала в стратегический цугцванг: шаг в любом направлении сопряжен с крупными издержками, потерями и жертвами, чреват малоприятными сюрпризами. Но переломить возникший негативный тренд необходимо — хотя бы для того, чтобы не допустить дальнейшего отставания от передовых в экономическом, научном и технико-технологическом отношении государств. Императивным образом вступает в силу принцип Черной Королевы: чтобы остаться на том же месте, приходится бежать со всех ног.

Литература:

- Аскер-Заде Н.* Форум в Давосе: оптимисты и пессимисты представили свои прогнозы // Вести.ру. 23 января 2016. URL: vesti.ru/doc.html?id=2711605&cid=6 (дата обращения: 15.02.2016)
- Грамматчиков А.* Касперский на смену Калашникову // Эксперт. № 5, 1–7 февраля 2016. С. 18.
- Марш П.* Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М., 2015.
- Михеев В.В., Швыдко В.Г.* АТЭС и Тихоокеанское партнерство // ИМЭМО РАН. 08.12.2015. URL: imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2030&ret=640 (дата обращения: 15.02.2016)
- Ратников А.* ЕЦБ запустил программу количественного смягчения на €1,1 трлн // РБК. 22.01.2015. URL: rbc.ru/finances/22/01/2015/ (дата обращения: 15.02.2016)
- Яковлев П.* Геополитический разворот стран Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 7. С. 55–66.
- América Latina y el Caribe es la región más desigual del mundo. ¿Cómo solucionarlo?* // Cepal. 25 de enero de 2016. URL: cepal.org/es/print/35842 (fecha de trato: 15.02.2016)
- Bolaños A.* La caída del precio del petróleo lleva a BP sufrir el peor resultado en 20 años // El País. Madrid, 2.02.2016.
- Capital Flows to Emerging Markets* // Institute of International Finance (IIF). January 19, 2016. URL: iif.com/publication/capital-flows/january-2016-capital-flows-emerging-markets (date of access: 15.02.2016)
- Chevron Reports Fourth Quarter Loss of \$588 Millon And 2015 Earnings of \$4.6 Billon* // Chevron. January 26, 2016. URL: chevron.com (date of access: 27.01.2016)
- China supera los 100 millones de inversores de bolsa* // EFE. 30 enero 2016. URL: efe.com/efe/espana/expansion.com/agencia/efe/2016/01/30/21598992 (fecha de trato: 15.02.2016)
- Das S. Basu.* The Trans-Pacific Partnership as a tool to contain China: myth or reality? // EastAsia-Forum. 8 June 2013. URL: eastasiaforum.org/2013/06/08/the-trans-pacific-partnership-as-a-tool-to-contain-china-myth-or-reality/ (date of access: 15.02.2016)
- EU governments call on Brussels to tackle China over steel* // Financial Times. London, February 6, 2016.
- Fernández D.* Los países ricos marcan el paso de la economía // El País. Madrid, 27.12.2015.
- González A.* La economía global afronta su mayor desafío desde la crisis // El País, 23.01.2016.
- Iglesias M. Otero.* Radiografía (y primera resonancia) de la economía mundial: ¿estancamiento secular o shock tecnológico deflacionario? // Real Instituto Elcano. 27 de enero de 2016. URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari11-2016-oteroiglesias-radiografia-primera-resonancia-

- economia-mundial-estancamiento-secular-shock-tecnologico-deflacionario (fecha de trato: 15.02.2016)
- Irwin N.* If There Is a Recession in 2016, This Is How It Will Happen // The New York Times, February 4, 2016.
- Petrobras pierde un 85,55% de su valor de mercado desde su record en 2008 // EFE. 19 enero, 2016. URL: efe.com/efe/america/economia/petrobras-pierde-un-85-55-por-ciento-de-su-valor-mercado-desde-record-en-2008/20000011-2815239 (fecha de trato: 15.02.2016)
- U.S. International Trade in Goods and Services // Bureau of Economic Analysis. December 2015. URL: bea.gov (date of access: 29.12.2015)
- Vale to Collect \$448 Millon from Sale of Four Giant 'Valemax' Ships to China // Marine Traffic. July 30th, 2015. URL: marinetraffic.com/es/maritime-news/article/3111 (date of access: 15.02.2016)
- Who's afraid of cheap oil? // The Economist. Jan 23rd 2016. URL: economist.com/node/21688854/print (date of access: 15.02.2016)
- Zuesse E.* Obama's Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Would Be Disastrous for Europe // Global research. November 18, 2014. URL: globalresearch.ca/obamas-transatlantic-trade-and-investment-partnership-ttip-would-be-disastrous-for-europe/5414546 (date of access: 15.02.2016)

Authors

Dario CITATI — Director of “Eurasia Research Program”, Institute of Advanced Studies in Geopolitics and Auxiliaries Sciences (IsAG), Rome, Italy; dario.citati@uniroma1.it

Valery LYUBIN — Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INIION) RAS; Doctor of Historical Sciences; valerij.ljubin@gmail.com

Hauke RITZ — Visiting Lecturer, Lomonosov Moscow State University; Ph.D. in Philosophy (Free University of Berlin); Member of the “German-Russian Forum”; hauke-ritz@versanet.de.

Natalia TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vadim TRUKHACHEV — Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.

Nailya YAKOVLEVA — Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America (ILA), RAS, Ph.D. in History; nel-yakovleva@yandex.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Petr YAKOVLEV

PRESIDENCY OF BARACK OBAMA: PRELIMINARY RESULTS

Abstract. *The advent of Barack Obama to the White House coincided with a deep financial and economic crisis, which began in the US and spread to most countries of the world. This fact required of the new president to pursue an anti-crisis policy focused at improving the US economy and reducing the degree of social discontent. Washington had to resolve complex issues also in the realm of international relations, where the United States had to face new geo-economic and geopolitical challenges.*

Keywords: *Obama's presidency, anticrisis policy, program of reforms, foreign policy doctrine, relations with Russia, China factor, growth of opposition.*

Natalia TRAVKINA

THE 2016 US PRESIDENTIAL CAMPAIGN — A CASUAL ANOMALY OR A HARBINGER OF TURBULENCE?

Abstract. *The 2016 campaign is radically different from previous presidential campaigns. The key factor was the growing crisis of the American two-party system. As a result the political forefront was penetrated mostly by political outsiders who formerly did not stand a chance to be elected to the highest public office. The crucially significant role has been played by the growing political polarization of America, which resulted in sharply different political platforms of the Republican and Democratic parties. These trends will continue in the near future. The highly emotional character of the 2016 presidential campaign might be a prototype of future political battles, which may lead to unpredictable consequences for the country's political system.*

Keywords: *trumpism, clintonism, party system outsiders, "Trump revolution", polarization of society, Republican party, Democratic party, electoral base.*

Nailya YAKOVLEVA

PORTUGAL: THE CRISIS OF THE POST-REVOLUTIONARY MODEL AND THE SEARCH FOR A NEW VECTOR OF DEVELOPMENT

Abstract. *The article reviews recent political changes in Portugal. In March 2016 Marcelo Rebelo de Sousa, a former social democrat leader, who is now positioning himself as a "left of the right", assumed the office of the President of the country. Landmark changes have affected other branches of government as well as the party system. The coalition of left-wing forces has gained an advantage in the Parliament and the new government was headed by Antonio Costa, the Socialist Party leader. The author analyzes the importance*

of Portugal's "swing to the left" for development of the country as well as its relations with Russia.

Keywords: Portugal, democracy, presidential election, general election, party system, composition of parliament, swing to the left, relations with Russia.

Vadim TRUKHACHEV

IMMIGRATION AND THE REFUGEE CRISIS IN AUSTRIA

Abstract. Austria has long been considered as one of the most restful countries in Europe. There were no high-profile crimes or disorders involving Muslim immigrants. However radical Islamism put down its roots even in Austria and the policy of multiculturalism has failed. Today, this country is in the ranks of the main opponents to the open-doors refugee policy, and election results of the anti-immigrant parties and politicians are one of the highest in Europe.

Keywords: Austria, Europe, refugee crisis, refugees, Islamism, immigration, immigrants, multiculturalism.

Hauke RITZ

THE LOST CULTURAL UNITY OF GREATER EUROPE AND ITS IMPLICATIONS FOR A NEW COLD WAR

Abstract. In the 19th century the whole European continent, including Russia, was interrelated, in a cultural sense. Two essential spiritual traditions enabled this unity — the European understanding of history and the European understanding of art. Yet, is a Greater Europe from Lisbon to Vladivostok possible now? Why, 25 years after the downfall of the Berlin Wall, have our relations with Russia come to a deadlock? What has divided East and West? The author's thesis is that the Western world went through a huge cultural transformation during the Cold War. And this cultural transformation affected both centerpieces of European culture. The cultural dimension of Western expansion no longer refers to classical European traditions. Instead, it represents a new kind of value system.

Keywords: Greater Europe, European culture, European civilization, Cold War, West and East, cultural transformation.

Dario CITATI

EUROPE IS NOT THE WEST: INTERESTS, VALUES AND IDENTITY IN THE EUROPEAN TRADITION

Abstract. The author tracks down genealogy of the modern society — the society which has developed an unbridgeable gap between interests and values. The crisis of values is determined by the ratio between individual interest and common values on the one hand and the

sphere of obligations, customs and historical identity on the other. The category of interest has been recognized in the Anglo-Saxon culture as a fundamental principle, and confrontation of opposing interests has been viewed as the measure of social and civilizational development. This perception is currently presented to the world as the only true view. Social structures and institutions built on that perception are identified with democracy. In fact, the western style confrontation of interests and individualistic freedom are not the essence of democracy (which itself may take different forms), but are rather the essence of western liberal model of social management. Neither freedom nor European identity can be reduced to these principles. Is it possible to reverse the trend and to shift the scale of values to the center of the modern society? The author identifies three areas of such process.

Keywords: *category of values, category of interest, crisis of values, modern society, value relativism, European identity, identity of Europe, West and East, revival of traditions.*

Valery LYUBIN

GENEALOGY OF RUSSOPHOBIA: RESEARCH BY AN ITALIAN HISTORIAN, ROBERTO VALLE

Abstract. *The two Custine most prominent figures in the genealogy of western Russophobia — a Frenchman A. de Custine and a Spaniard J. Donoso Cortes — have become the subject of research by Professor Roberto Valio, an Italian specialist on Russia. In his book — although small in terms of volume but rich in content — he analyzes the content as well as historical and ideological contexts of their views on Russia. These two Europeans were at the core of the “conflict of images”, which opposed European and Russian self-perceptions in the first part of the 19th century. Then, according to R. Valle, a “passionate idea” was born — i.e. Russophobia with its specific psycho-ideological and philosophical foundations.*

Keywords: *Russophobia, A. de Custine, J. Donoso Cortes, Russian civilization, Russia’s image in the West, Russia and Europe, imagology.*

Petr YAKOVLEV

GLOBAL ECONOMY: LEAP INTO UNCERTAINTY

Abstract. *Recent trends indicate that the global economy has entered a transitional period characterized by many remarkable transformations, new problems and challenges. Various regions have seen a slowdown in economic growth, falling global prices of oil and other commodities, reeling stock markets, flaring “currency wars” and deteriorating social situations. In that context, development models are being reset, continental trade megablocs are in the works, and the fourth industrial revolution is unfolding. All these factors pose complex challenges to all countries, Russia included.*

Keywords: *global economic slowdown, the “new norm”, falling raw material prices, the fourth industrial revolution, structural reforms.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2016

№3 (7)

(июль–сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2016

№3 (7)

(July–September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87